

С. Ф. Черняховский

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА
И ФИЛОСОФИЯ
БУДУЩЕГО**

МОСКВА
2019

Министерство культуры Российской Федерации

*Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева*

С. Ф. Черняховский

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И ФИЛОСОФИЯ БУДУЩЕГО**

Москва
2019

УДК 323
ББК 66,05
Ч-49

Рецензенты:

ШАБРОВ Олег Федорович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

МАЗИН Константин Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и организации архивного дела Историко-Архивного Института РГГУ.

Автор:

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Сергей Феликсович, доктор политический наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры истории и теории политики Факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Черняховский, С. Ф.

- Ч-49** **Политическая культура : государственная политика и философия будущего.** [Текст]: монография / С. Ф. Черняховский, отв. ред. С. Ф. Черняховский; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : Институт Наследия, 2019. — 254 с. — DOI 10.34685/НИ.2019.90.94.002.
ISBN 978-5-86443-296-9

Монография посвящена вопросам осмысления значения и роли политической культуры в формировании видения будущего как фактора реализации целей государственной культурной политики России. Рассмотрены понимание и значение формирования позитивно-деятельностной политической культуры в контексте задач и государственной политики России в сфере культуры. Важным фокусом внимания работы является вопрос соотношения культуры и идеологии, особенно в рамках цивилизационно-культурного самоопределения общества в пространстве выбора позиционирования между обществом потребления и обществом познания. Анализируются кризисные явления в состоянии художественного класса современной России. В работе исследуется значение образов будущего для реализации государственной политики в сфере культуры и особо — для формирования позитивной деятельности с ценностными форматами созидания будущего. В итоге ставится и осмысливается вопрос определения путей формирования алгоритмов проектного действия человека и социума как стержневого компонента утверждения позитивно-деятельностной политической культуры в рамках решения задачи и исполнения миссии государственной культурной политики.

Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме 1.49 «Феномен и роль политической культуры в формировании “политической философии будущего” как фактор реализации целей Государственной культурной политики России».

© Черняховский С. Ф., 2019

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019

ISBN 978-5-86443-296-9

Оглавление

Введение	6
<i>Глава 1. Позитивно-деятельностная культура и миссия государственной политики России в сфере культуры</i>	<i>34</i>
1.1. Ценностная идентификация и политическая культура	34
1.1.1. Ценностные системы и модели политической культуры	34
1.1.2. Национальный суверенитет и сохранение культурного наследия	40
1.1.3. Культурное единство и идеологическое многообразие	48
1.2. Позитивная самоидентификация и позитивная деятельность	53
1.2.1. Имманентный деконструкт концепта политкорректности	53
1.2.2. Идентификация именами как идентификация исторической деятельностью	60
1.2.3. Вирулентный потенциал мультикультурализма	66
1.3. Кризис идентификаций эпохи Модерна и формирование образцов позитивно-деятельностной культуры	70
1.3.1. Модерн и Сверхмодерн	70
1.3.2. Эмоционально-возвышенное мироощущение и позитивно-деятельностная культура	78
1.3.3. Позитивно-деятельностная политическая культура и идентификация проектным будущим	85

<i>Глава 2. Культура и идеология: между обществом потребления и обществом познания.</i>	91
2.1. Идеология как деятельностная функциональность культуры.	91
2.1.1. Идеология как латентно-целеполагающая защита от манипуляции	91
2.1.2. Россия и идеологический вакуум	96
2.2. Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной России: проблема сохраняющего развития	100
2.2.1. Идеология как единство ценностей и целей	100
2.2.2. Деструкция либерализма	104
2.2.3. Уменьшительный тренд этносепаратизма	110
2.2.4. Консерватизм и предмет консервации	114
2.2.5. Антиэнтропийный запрос	122
2.2.6. Особость русского пути	130
2.3. Позитивно-деятельностная культура как синтез функций сохранения латентных образцов и целедостижения.	133
2.3.1. «Сохраняющий прорыв»	133
2.3.2. Задачи внутренней политики страны в рамках осуществления мобилизационного проекта	141
<i>Глава 3. Состояние художественного класса современной России: деструкты и интенции</i>	146
3.1. Ценностная энтропия общества Постмодерна	146
3.1.1. Современный мир и энтропия ценностных цивилизационных оснований	146
3.1.2. Эволюция интеллигенции: от интеллектуального лидерства — к цивилизационной деградации.	153
3.2. Ценностная энтропия российского художественного класса	162
3.2.1. Российская богема: эстетическая доминанта низменности.	162

3.2.2. Энтропийная атомизация акратических составных российского художественного класса	174
3.2.3. Разрыв с реальностью и претензия на избранность. Художественный бомонд как синтез акратизма и антидемократизма	183
3.3. Свобода творчества и право на сохранение культуры	188
3.3.1. Богемизация элиты: фактор деградации	188
3.3.2. Свобода творчества и право на сохранение культуры	194

<i>Глава 4. Образы будущего и государственная поли- тика в сфере культуры: формирование деятель- ности и форматы созидания будущего</i>	200
4.1. Классическая культура и идентификация будущим	200
4.1.1. Классическая культура и национальный суверенитет.	200
4.1.2. Проблемы языка: между деформациями Постмодерна, национал-архаизацией и сохранением наследия классических смыслов	206
4.2. Российская политическая культура: традиция проектирования	213
4.2.1. Будущее как ключевая доминанта отечественной национальной памяти	213
4.2.2. Современная Россия: запрос на формирование культуры проектного прорыва	224
4.3. Позитивно-деятельностная политическая культура: формирование алгоритмов проектного действия	235
4.3.1. Политическая культура и формирование «человека созидающего»	235
4.3.2. Исчерпание цивилизационной модели и формирование образов желаемого будущего	244
<i>Заключение</i>	251

Введение

Политическая культура как системная функция общества, в отличие от расхожего мнения, много шире того, что можно было бы определить как «культура политического поведения».

Если последняя категория относится к сложившимся нормам и привычкам поведения в текущем политическом процессе и характеризуется активностью или пассивностью участия в политической жизни, готовности или не готовности вступать в политические партии либо участвовать в их мероприятиях, участвовать в выборах органов власти, склонностью к поддержке того или иного типа лидерства, то политическая культура как системная функция является сферой производства базовых латентных стереотипов социального и политического поведения.

Иначе говоря, она определяет и характеризует тип отношения человека к окружающему его, прежде всего, социальному и политическому мироустройству, определяет меру сохраняемого либо изменяемого человеком в окружающем мире.

В этом отношении политическая культура напрямую связана с историко-культурной и историко-политической самоидентификацией человека и общества, является тем, что сохраняет и воспроизводит ее, и в итоге определяет тип и сохранение свойства субъектности общества, класса, нации, человека.

Выступая сферой сохранения и воспроизводства базовых латентных образцов социального и политического поведения, политическая культура как функция реализуется в системе с тремя другими ведущими социальными функциями: интеграции общества, постановки и достижения его целей, адаптации системы к изменяющимся условиям.

Соответственно, политическая культура, являясь, с одной стороны, частью сферы культуры в целом, одновременно является и определенным функциональным выражением культуры в целом, через политическую культуру, выполняющую эту роль. При этом речь не идет о сведении проявления данной

функции исключительно к актуально-политическому содержанию культуры — скорее наоборот, именно общее содержание всей сферы культуры само в тех или иных проявлениях оказывается сферой политического.

Отсюда, вопрос политической культуры оказывается вопросом сохранения субъектности человека и общества, то есть их способности осознавать свои интересы, ставить и достигать цели своего развития, иначе — вопросом системной безопасности данной страны, данного общества и данного государства, то есть — относится к вопросам государственного обеспечения национальной безопасности.

Именно эта задача, в сущности, и решается той или иной государственной культурной политикой. Сохраняя самоидентификацию страны, государство обеспечивает субъектность общества.

Отношения государства и утвердившейся в обществе политической культуры сами представляют диалоговое отношение: тип государства и государственная политика определяются именно теми латентными образцами, которые формирует политическая культура, но в своем осуществлении государственная политика оказывается фактором, оказывающим воздействие на сложившуюся политическую культуру как в том отношении, что может укреплять ее, усиливать ее воздействие, так и в том, что может вызывать ее сопротивление и ей отторгаться.

В этом отношении миссия государственной политики в сфере культуры — обеспечение единства функциональности сфер: производства латентных образцов, интеграции составных общества, целедостижения и адаптации, точнее — обеспечение эффективного воздействия и присутствия латентных идентифицирующих составляющих в реализации трех остальных функций: интеграции, целедостижения, адаптации.

В совокупности именно этим и определяются параметры того, что можно было бы назвать «философией будущего», то есть видения будущего не как результата спонтанно-линейного процесса, в котором новое состояние является лишь экстраполяцией в будущее законов и тенденций настоящего,

а как результат сохраняюще-креативного процесса, в котором человек и общество определяют форматы, закономерности и ценности будущего состояния, с одной стороны, для достижения, с другой — целенаправленно-создаваемого социумом.

В этом отношении, с одной стороны, государственная политика в сфере культуры является защитной функцией политической культуры общества, через нее общество и его культура защищают свои базовые ценностные и поведенческие образцы. С другой — политическая культура общества, определяя как соответствующую государственную политику, так и через нее — форматы видения будущего, в итоге формирует и само будущее как в представлениях о нем, так и в практике материализации последних.

Данное отношение начал политической культуры, сознательной государственной политики в сфере культуры и начал будущего как производного от функции целедостижения определяет четыре блока проблем.

Первое. Соотношение сохраняемого и преобразуемого в адаптационно-целедостигающем процессе.

Второе. Форматы соотношения культуры как сферы сохранения базовых латентных образцов общества и идеологии как единства его ценностей и целей.

Третье. Проблема субъектности культуры, состояния профессионально занятых в ее сфере, готовности или не готовности их как субъекта к реализации сущностных функций культуры в существующих политических условиях — и собственных ценностно-культурных качеств.

Четвертое. Форматы целеполагания: создание каких образов будущего (и их последующую реализацию) предлагает и может реализовать государственная политика в сфере культуры.

Соответственно, названные четыре проблемы, предлагаемые к рассмотрению в данной работе, могут быть более точно определены следующим образом.

Первое. Проблема понимания и формирования позитивно-деятельностной культуры в контексте миссии государственной политики России в сфере культуры, что включает

в себя вопросы соотношения: а) ценностной идентификации общества и утвердившейся политической культуры; б) типа позитивной самоидентификации и позитивной деятельности; в) кризиса идентификаций эпохи Модерна и формирования образцов позитивно-деятельностной культуры.

Второе. Проблема соотношения культуры и идеологии в условиях самоопределения социума между ценностями Общества Потребления и Общества Познания, что включает в себя рассмотрение вопросов: а) идеологии как начала деятельностной функциональности культуры; б) учета мобилизационного потенциала политических идеологий в современной России и сравнительной способности к обеспечению сохраняющего развития; в) анализа позитивно-деятельностной культуры как синтеза функций сохранения латентных образцов и целедостижения.

Третье. Проблема состояния и определенных начал дефектности современного художественного класса России, его деструкты и интенции, что включает в себя вопросы: а) общей ценностной энтропии общества Постмодерна; б) вытекающей из этого ценностной энтропии российского художественного класса; в) соотношения роли и значения права человека на свободу творчества и права окружающих людей и социума на сохранение культуры.

Четвертое. Проблема образов будущего и государственной политики в сфере культуры как проблема единства формирования деятельности и форматов созидания будущего, что включает в себя вопросы: а) роли классической культуры в идентификации будущим; б) анализа традиций проектирования в российской политической культуре; в) осмысления сущности позитивно-деятельностной политической культуры как способности формирования алгоритмов проектного действия.

Культура — это не некая сфера изысканных удовольствий. Культура — это система запретов. Культурного человека от дикаря отличает не отрешенность от жизни и погружение в мир эстетического удовольствия, а знание того, что делать нельзя. Обладание и владение системой табу. Казалось бы, наличие табу — элемент мира примитивных цивилизаций.

Это отчасти верно — в том смысле, что именно с осознания существования запретов начинается цивилизованность.

То есть цивилизованный и культурный человек — это не человек, который утверждает свое право жить без ограничений, а человек, который знает, что есть вещи, которые делать нельзя и не принято, то есть принимает над собой власть тех или иных запретов.

Отсюда, культурная политика, тем более культурная политика государства, — это не некая сфера обслуживания мира тех, кто объявляет себя творцами искусства. Хотя поддержка тех, кто действительно создает культуру и искусство — естественная задача государства. В сути своей это содействие распространению культуры и просвещение, создание для каждого человека возможности доступа к миру культуры и погружения в нее, то есть знания и погружения в систему запретов.

С точки зрения системной политической теории культура — это не некая «организация досуга и развлечений», культура — это производство того, что называется латентными образцами, то есть сохранение и утверждение норм и обычаев своей страны вместе со знакомством с нормами и обычаями других стран. «Деятельность политика и политического мыслителя и деятельность художника сталкиваются не только в духовном пространстве времени как явления культуры, но иногда и в жизни конкретного художника, как в случае с Данте, английскими утопистами XVII века, Дж. Оруэлла, австрийского писателя, драматурга и политического антрополога, лауреата Нобелевской премии (1981) Элиаса Канетти и др»¹.

И государственная политика в этой сфере — это организация такого производства. Но организация не в смысле менеджерства, а в смысле поощрения производства тех образцов поведения и ценностных норм, которые решают задачи, стоящие перед страной, усиливают страну и воспроизводят ее ценности и начала самоидентификации.

¹ Манжора О. Б. Художественное и политическое сознание: проблемы взаимодействия: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1994. С. 217.

Это не значит, что государство лишь охраняет обычаи. Если оно начинает ограничиваться этим, утверждаемая и распространяемая культура может оказаться неспособна выдерживать ценностную конкуренцию с иными, внешними культурами, окажется неспособна обеспечивать адаптацию в меняющийся мир.

Но проблема состоит в том, что обеспечивать эту адаптацию она должна в рамках целей своего развития, с сохранением своей значимости, памяти и идентификации.

Как говорил В. Г. Белинский, «если есть идеи времени, то есть и формы времени»².

В этом отношении задача государственной политики в области культуры — это просвещение, доведение «до масс» того, что формирует человека, знакомого с достижениями культуры мировой, но в первую очередь признающего значимость культуры своей. И культуру мировую умеющего рассмотреть с точки зрения преимуществ своей, одновременно вписывая новые образцы в свои — как развивающие и укрепляющие именно свои. Точка зрения, согласно которой задача государственной политики в этой сфере — не вмешиваться и не мешать возникать и развиваться тому, что возникает само по себе, неверна просто потому, что «само по себе» вообще ничего не возникает и не развивается, всё это происходит под влиянием тех или иных распространяемых образцов.

И эти образцы могут, с одной стороны, отражать некую практику «облегчения запретов», к которой всегда существует определенное тяготение просто потому, что делать то, что делать легче, — проще и удобнее.

Но распространение практики такого «облегчения», расширение зоны разрешенного как раз и разрушает то, в чем состоит и значимость, и сила сложившейся национальной культуры. Не мыть руки перед едой всегда легче, чем их мыть. Не чистить зубы легче, чем их чистить. Биться в истерике легче, чем держать себя в руках. А плеснуть на полотно краску,

² Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / «Арабески» и «Миргород». Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953.

предложив зрителям любоваться узорами, много легче, чем учиться классической живописи.

С другой стороны, если рассмотреть культуру и искусство с точки зрения доставляемого наслаждения, то доставляющим большее наслаждение окажется более простое и более примитивное, не возвышающее человека, а опускающее его до примитивно-физиологического уровня.

Стриптиз проще для восприятия, чем классический балет, бульварный роман — нежели роман Бальзака или Достоевского. А Пелевин воспринимается легче, чем «Евгений Онегин».

И третий аспект: в условиях того, что принято называть «открытым обществом», и свободы распространения информации, уже иные субъекты и иные государства могут осуществлять распространение в твоей стране тех «латентных образцов», которые выгодны им — либо чтобы привить твоей стране свою систему ценностей, либо чтобы ослабить систему твоих мотиваций, твоей готовности защищать свою страну и ценить твою культуру.

«Таким образом, императивность рассматриваемого феномена обладает двумя свойствами: мотивационным — продуцирует волю и энергию для реализации заложенной в политическом сознании поведенческой установки; собственно “поведенческим”, включающим те или иные образцы действия»³.

То есть сфера культуры страны — это не сфера развлечений и углубления комфорта. И министерство культуры любой страны, особенно в нынешних условиях России, — это ведомство защиты духовного и интеллектуального национального суверенитета.

То есть ведомство политическое. Ведомство, которое ведет борьбу за страну и за ее суверенитет, возможно, на наиболее сложном участке.

И одновременно — ведомство производственное. Потому что оно, обеспечивая производство латентных образцов поведения и жизни, производит и воспроизводит страну. И его

³ Поповаева Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. С. 39.

задача — не «не мешать художникам». Его задача — содействовать производству и принятию тех образцов и тех запретов в области интеллектуальной жизни, которые усиливают страну и ее граждан, и препятствовать созданию тех, которые могут ее ослабить.

То есть, в конечном счете, министерство культуры любой страны — это в еще большей степени министерство безопасности, чем ФСБ.

В условиях России, ценностная жизнь и смысловые основы которой поверглись жесткой агрессии в конце 1980-х годов, это министерство восстановления страны, сохранения и ее памяти, и ее исторической самоидентификации.

Только ему работать сложнее, чем КГБ или ФСБ. Потому что те, кто разрушают страну в ценностном плане и осуществляют интеллектуальную и смысловую агрессию против нее, формально в большинстве случаев юридически ничего не нарушают. И формально — с правовой точки зрения — неподсудны.

Хотя, может быть, стоит задуматься и о том, правильно ли такое положение дела.

Цели и миссия государственной политики России в сфере культуры

Основные цели современного российского государства в сфере культуры:

- обеспечение условий для свободного развития каждого гражданина страны;
- защита культурного суверенитета страны и единой историко-культурной самоидентификации граждан и общества;
- обеспечение доступа граждан к накопленному национальному культурному богатству, сохранение, умножение и защита этого богатства, гарантия их права на сохранение исторически сложившейся культурной среды и привычной им среды обитания;
- сохранение и возвышающее развитие высших достижений отечественной и мировой культуры, преодоление угроз культурному достоянию, которые несут нормы и образцы

общества потребления, массовой культуры, энтропийные тенденции цивилизации Постмодерна, создание и распространение культурных образцов и идеалов общества познания и созидания;

– сохранение классических образцов мировой культуры, защита их от постмодернистской диффузии и обеспечение их экспансии и возрождения в остальном мире.

В этом отношении миссия России — создать в стране условия, при которых каждый человек имел бы реальные возможности стать подобным титанам Возрождения, а вне страны — обеспечить возрождение классической мировой культуры.

Государственная политика России в области культуры основывается на требованиях Конституции РФ и вытекает из ее положений.

В соответствии со статьей 7 Конституции России, «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Поскольку достойная жизнь и свободное развитие человека невозможно вне культуры и помимо существующей культуры, государство обладает правом и обязанностью осуществлять в этой сфере политику, обеспечивающую решение данных задач.

Точно так же как оно обязано осуществлять политику, обеспечивающую целостность территории страны и ее безопасность. В том числе — информационную и культурную.

44 статья Конституции определяет: «1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. <...> 2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. 3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Соответственно, государственная политика в области культуры должна обеспечить доступ граждан к достижениям культуры и обеспечить исполнение гражданами, в частности, активно действующими в сфере культуры

и искусства, их обязанности по сохранению исторического и культурного наследия.

При этом культурное достояние страны не сводится ни к совокупности материальных носителей культуры, ни даже к совокупности материальных и нематериальных произведений искусства.

Сфера культуры — это не только совокупность обладающих эстетическим значением произведений. Сфера культуры — это сфера производства базовых латентных образцов социального и политического поведения, норм, запретов и ценностей, а также и совокупность сложившихся и значимых для общества этических, эстетических и бытовых представлений.

В результате естественного исторического и историко-культурного процесса в России был создан особый, уникальный тип культуры.

Начав формироваться позднее ряда иных классических и национальных культур, в результате самостоятельного освоения их достижений, в ходе постоянного комплиментарного взаимодействия с другими народами и культурами культура России выработала черты мощного интегративного начала. Это начало оказалось способным принимать достижения других культур и творчески перерабатывать их, одновременно сохраняя их концентрированную сущность и создавая на их основе более высокие культурные достижения, признаваемые в качестве шедевров остальным человечеством.

Так произошло, в частности, в сфере литературы, живописи, театра, балета, киноискусства и других сфер.

Особенность культуры России — не в ее инаковости по отношению к остальным культурам. Эта особенность — в ее уникальной интегративной способности их принимать, осваивать и на их основе создавать более высокие образцы, сохраняя базовые ценностные стержни своей ментальности, основанные на приоритете доброжелательности по отношению к другим народам и культурам. Среди таких стержней:

– ориентация на поиск универсального для всего человечества высшего идеала и стремление открыть его и сделать доступным для всего мира;

– уверенность в равенстве всех людей перед высшими идеалами и отрицание элитарности и социальной несправедливости;

– непримиримость к несовершенству мира и готовность к любым жертвам для его устранения.

Культура России сегодня в своем сущностном качестве — это не одна из множеств разных культур. Это интегративный концентрат высших достижений мировой культуры, по сути, ее высший уровень, единственный из оставшихся бастионов классической европейской культуры, опираясь на который, последняя имеет шанс начать свое возрождение в мире.

Соответственно, на данном этапе необходимо решить следующие задачи государственной политики (либо добиться перелома в их решении).

1. Утвердить адекватную современным условиям роль государства в решении проблем культуры как организатора производства латентных образцов.

2. Обеспечить собственно сохранение культурного наследия как существующего в виде материального, нематериально-художественного, нормативно-ценностного начал.

3. Создать условия свободного и достойного развития человека. Это подразумевает:

– обеспечение каждому возможности доступа к достижениям культуры;

– преодоление разрыва в доступе к лучшим образцам культуры между столицами и регионами страны, необходимость сделать доступным для основной массы населения достояние культурного наследия страны;

– защиту и сохранение русского языка и развивающей литературы;

– обеспечение благоприятной информационной и культурной среды;

– обеспечение доступности художественного образования.

4. Воссоздать эффективную репродуктивно-просветительскую культурную систему, предполагающую:

– поддержку творчества и талантов;

– стратегическую триаду просвещения с исполнением адресной роли каждым из ее звеньев (театры и кинематограф — музеи и выставки — библиотеки и клубы);

– адекватное понимание и отношение к проблеме современного искусства.

Для решения этой задачи особо необходимы: возрождение эффективной науки в сфере культуры и искусства, разработка новой образовательной модели в сфере творческого и гуманитарного образования.

5. Создать систему защиты культурного суверенитета страны и отражения направленной на него информационной агрессии.

6. Выработать и реализовать международную культурную политику, направленную на сохранение и возрождение классической культуры человечества.

Попытка создавать будущее без уважения прошлого и опоры на него всегда окажется лишь разрушением, тем более, если при этом не имеешь видения будущего, как это было с «реформаторами» начала 1990-х. Попытка законсервировать прошлое и жить в самогипнозе прошлого величия ведет к отторжению от жизни и политическому и историческому поражению, как это было с теми же «белыми» сто лет назад.

И если ставится практически политическая задача воспитания патриотизма, тем более понимаемого как гражданская ответственность за судьбу Родины (и Путин абсолютно прав, артикулируя именно такое понимание), его не может быть без гордости за прошлое. Но этой гордости мало. 80 % граждан гордится сегодня историей страны, то есть ее прошлым. И 52 % стыдятся сегодняшнего. Правда, десять лет назад 80 % стыдились сегодняшнего и 72 % гордились прошлым.

Чтобы решать задачу воспитания патриотизма, нужно все-таки знать, что воспитывается: уважение к прошлому, готовность к действию, ориентация на будущее. По идее, важно сочетание всех этих моментов. Но каждый из них сам требует решения комплекса задач.

При формировании уважения к прошлому, с одной стороны, человек должен получить широкое классическое образование. В первую очередь — знание истории и погружение в культурное наследие страны.

Но в этом отношении, во-первых, он должен знать историю — но и знать ее соотношение с мировой историей, чтобы иметь возможность оценить и ее роль и значимость, и ее влияние на мировую историю, и степень интегрированности в последнюю, влияние мировой истории на историю его страны.

Во-вторых, он должен чувствовать, что это история не страны, где он проживает и которую надо знать из любопытства или из вежливости, а история *его* страны, *его* история, причем она должна иметь для него **характер позитивной истории**. То есть истории успехов: не истории гладкого и беспроblemного пути, а истории побед, достигнутых в противостоянии с врагами и трудностями. Он, с одной стороны, должен иметь ощущение гордости, но одновременно ощущения, что победы и успехи требуют напряжения и за них нужно платить: успехов без заплаченной за них цены не бывает.

Действие должно иметь цели, и в этом отношении патриотизм — есть обладание целями: если нет представления о лучшем и об имеющемся несовершенстве, он оказывается готовностью к действию по защите того, что есть, но неготовностью к развитию.

Протестующий против роли идеологии демонстрирует не его свободу от идеологии, а его готовность изменять любой идеологии и, когда это выгодно, талантливо служить одной, а когда невыгодно — переходить на сторону другой.

В этом отношении неприятие слов о значении идеологии — это всего лишь отстаивание своего права на то, чтобы продаваться той идеологии, которая в данный момент окажется выгоднее и доходнее.

Фраза о том, что человек без идеологии превращается в животное, на самом деле предельно точна, и не в переносном, а в прямом, собственном смысле слова. Не в плане той или иной атаки на представителей той или иной политической линии, а сугубо в научном смысле слова.

«Три структуры исследования духовных образований, “обслуживающих” политическую действительность: гносеологическая (когнитивная), аксиологическая, функциональная»⁴.

Человек — биосоциальное существо. Вне своего социального существования он действительно оказывается всего лишь животным, как сходили с ума и превращались в животных реальные робинзоны, прожившие в одиночестве обычно более двух лет.

Социальность человека — не в факте его жизни в социуме. Она в его существовании в определенном, рождаемом социумом смысловом и ценностном поле. Человека от животного в конечном счете отличает одно — наличие того, что для него важнее его биологического существования. Целей и ценностей, за которые он готов отдать свою жизнь. То есть, в том или ином виде — идеологии.

Идеология — это не декларирование лозунгов. Это цели и ценности. То, чего он хочет достичь, — и то, чем в этом стремлении он не может поступиться. Там, где он не стремится ни к чему, и для него не важно ничто (или если его цели сведены исключительно к удовлетворению физиологических потребностей и инстинктов и ради них он готов пожертвовать любыми ценностями), там он и перестает быть человеком.

Здесь есть момент, связанный с отличием идеологии от религии, но он лишь в том, что если религия опирается, прежде всего, на веру, в самом веровании находя подтверждение истинности своего видения мира, то идеология опирается в первую очередь на научное познание, сочетая его с выходящей за рамки исключительно рационализма эмоциональной и психологической приверженностью принятой картине мира.

Идеология всегда, конечно, включает в себя интерпретацию, но чтобы иметь интерпретацию, она должна опираться и опирается на более или менее достоверно установленные и научно подтвержденные факты.

⁴ Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 41.

О понятии культурного суверенитета

Культура, история, историческая память — это всегда пространство информационной и смысловой конкуренции национально-государственных, социально-экономических и социально-политических систем. Пространство борьбы за сохранение историко-идентификационного, политико-экономического и культурного суверенитета.

В этом отношении задача государственной политики в сфере культуры и искусства — сохранение и защита культурного суверенитета страны.

Культурный суверенитет страны включает в себя:

– право страны и ее народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются ее народом. Принятие или непринятие народом тех или иных образцов, норм и ценностей выше признания или непризнания их внешними для данной страны субъектами;

– право страны и ее народа противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей утвердившейся историко-культурной самоидентификации общества и ведущей к разрушению значимых для него образцов поведения, ценностей, этических, эстетических и бытовых норм;

– право народа и граждан, право и обязанность государства не допускать использования сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны.

В современных условиях культурный суверенитет страны сталкивается как с объективными, так и с субъективными угрозами.

К числу первых относится: а) распространение поведенческих образцов общества потребления, утверждающих в качестве главной ценности смысла существования человека его растущее потребление; б) массовая культура, утверждающая сведением высоких культурных образцов к их примитивизированному восприятию; в) квазицивилизация Постмодерна,

отрицающего единство законов мира, объективность истины, этических и эстетических категорий и утверждающего моральный и ценностный релятивизм.

В совокупности они угрожают ценностным основаниям культуры России, отечественной ментальности, равно как и основным ценностям классической мировой и европейской цивилизации.

К числу вторых относится информационная агрессия геополитических конкурентов России, направленная как на разрушение отечественной историко-культурной и государственно-политической самоидентификации, так и на использование культуры для дискредитации и разрушения уже и политического суверенитета России.

Эти угрозы должны быть устранены, а информационная агрессия — отражена.

Основой противодействия угрозам культурному суверенитету страны является создание «массовой культуры высоких образцов», основанной на целенаправленной государственной поддержке, и устранение разрыва между высшими достижениями культуры и повседневной жизнью масс путем поднятия последних до уровня высоких достижений культуры.

Одной из центральных задач в этом направлении является устранение данного разрыва в его следующих срезам:

- а) по региональному признаку,
- б) по типу поселения, по социальному признаку,
- в) по профессиональной принадлежности учебного заведения.

Создание системы защиты культурного суверенитета страны включает в себя следующие основные моменты:

- первое: признание факта этой агрессии и угрозы культурному суверенитету страны;
- второе: создание системы отслеживания и анализа распространения волн этой агрессии и ее основных направлений;
- третье: устранение разрыва между повседневным уровнем бытовой культуры и имеющимся в стране культурным потенциалом, соединение повседневной жизни человека с ресурсами национальной культуры;

– четвертое: осуществление своего рода «второй культурной революции» — культурного ликбеза в стране. Информационная агрессия апеллирует к примитивному восприятию, повторяемости ярких, но упрощенных культурных образцов и оказывается бессильна там, где ей воедино противостоят укоренившаяся в традиции национальная культура и высокие образцы искусства, обращающиеся к сущностным началам в человеке;

– пятое: деунификация системы образования в гуманитарной и творческой сферах, подготовка кадров высшей квалификации в области культуры и искусства, несущих начало увлекательного людей творческого горения и хорошего вкуса, способных сделать доступными и воспринимаемыми высокие образцы искусства;

– шестое: обеспечение повседневной доступности ресурсов культуры для каждого человека.

И главное — всю сферу культуры и всю культурную жизнь общества насытить пониманием, может быть, главного тезиса: человек тем отличается от животного, что имеет в себе смыслы и ценности бóльшие, чем его собственно физиологическое существование.

Суверенность — это самозначимость и независимость. Право страны самой определять смыслы своего развития, свои ценности и те определяющие идентификацию общественные этические нормы, образцы поведения, которые оставляют данную страну данной страной.

Никто не станет спорить, что современный мир развивается в условиях конкуренции, в том числе конкуренции за успех, за ресурсы, за возможность оказывать влияние на определение правил и норм поведения в современном мире. Каждая из конкурирующих сторон старается добиться признания в качестве общепринятых тех норм и правил, которые наиболее раскрывают ее конкурентные преимущества.

Но не существует априорно общепринятых норм: они если и появляются, то только в результате признания их таковыми разными сторонами. Даже ценность человеческой жизни будет восприниматься по-разному в разных

странах и разных цивилизациях. Россия, бесспорно, является страной европейской культуры и европейской цивилизации — проблема в том, что не всегда расположенные западнее ее границ государства имеют сегодня отношение к классическим ценностям Европы, и не только христианскому, но и античному, не говоря о наследии века Возрождения.

Российское государство вступает в свою «культурную борьбу» и, ведя ее, защищает не только нашу национальную самоидентификацию и культурный суверенитет страны, но и остатки собственно европейской культуры, носителем и хранителем которой сегодня остается Россия.

Политическая культура и политическая традиция в политическом процессе России

В центре многих сегодняшних теоретических споров и о судьбе России в целом, и о модели развития ее сегодняшнего политического процесса лежит вопрос о соотношении российской и общемировой истории. Специфика исторического развития России более или менее очевидна: она и в относительно позднем принятии христианства, и в относительно позднем развитии государственности, в огромной роли идеологических оснований жизни общества, в персонификации власти, тяге к лидерству харизматического типа, прохладному отношению общественного сознания к правовым нормам, более низкой роли материальных стимулов.

Из этих обстоятельств разные идейные течения делают подчас полярные выводы.

Исследуя вопрос, мы, безусловно, должны сразу оговорить что, во-первых, любое общество может решать стоящие перед ним задачи лишь посредством того политического инструментария, который создан в ходе истории и имеется в наличии. Во-вторых, что любое общество в значительной степени зависит от имеющихся традиций, привычек и ценностей. Вместе с тем, очевидно, что, при всем отличии отечественной истории, она в общих чертах соответствует этапам развития других стран. Раннее феодальное единство

и феодальная раздробленность, сословная монархия и абсолютизм, развитие промышленности и буржуазии, падение абсолютизма и демократическая революция, решение аграрного вопроса и эгалитаристская тенденция, воплотившаяся в Октябрьскую революцию, то есть опыт создания социального государства — все этапы так или иначе соответствуют этапам развития других стран. Поэтому правильно говорить о специфическом развитии России в рамках общемирового развития, при этом учитывая, что Россия не только находилась под влиянием мировой культуры и цивилизации, но и существенно влияла на него, на разных этапах определяя повороты мировой истории.

«В понятии “политическое сознание” с философско-политологической точки зрения “закодировано” предметное содержание “субъективного” компонента политики, рефлексия субъекта политического процесса относительно самого этого процесса и собственной роли в нем»⁵.

Россия не только одна из составных частей, но один из немногих определяющих факторов мирового развития. Среди того, чем она повлияла и даже определила ход европейской и мировой истории: прикрытие Европы от ордынского нашествия, разгром Ливонского ордена, постоянное сдерживание Османской империи, практическое уничтожение Швеции как мировой державы, поражение наполеоновской империи-республики, поддержка революции в Америке, спасение мира от фашизма, создание первой в мире плановой экономики, в значительной степени принятой для использования наиболее передовыми западными странами, ее определяющая роль в развитии мировой науки и искусства — вот некоторые из примеров.

Среди факторов, определивших своеобразие развития России, можно выделить следующие.

Пульсирующий ритм жизни древних славян, чередовавших паузы земледельческих оседлых периодов с походным ритмом, когда они вырывались за собственные границы и

⁵ Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 53.

в географическом, и в смысловом планах. Эта двойственность определила отсутствие склонности к постоянно-размеренному развитию, отсюда — чередование периодов опережения остального мира и отставания от него.

Формирование русской нации не путем выделения этнически культурного начала из общецивилизационного поля единой религии, что имело место во многих иных странах, особенно Западной Европы, а путем объединения разнородного этнического начала цивилизационным смысловым полем православной религии. Религиозная идея последовательно выступает как интегрирующее старорусскую народность начало, как мобилизующий момент противостояния агрессии, как фактор преодоления феодальной раздробленности. Причем она постоянно носила не столько мистический, сколько вполне рациональный, хотя и этически окрашенный характер.

Объективное наблюдение показывает, что в России рациональная идея выступает в форме религиозной, но сама религия во многом утрачивает характер отрешенности от мира, во многом слившись с язычески непосредственным славянским мироощущением, схожим с мироощущением Античности. Она развивается во многом опережающими темпами по сравнению с развитием нации и государства, которые как бы приобретают облик вторичного производного от нее.

При анализе обстоятельств, повлиявших на ход российской истории, можно говорить о роли отсутствия жестких границ, подвергающихся постоянному фиксированию географическим или иногосударственным факторами, что, как можно утверждать, вело к отсутствию постоянного ощущения границы с миром, порождая поиск осмысленности, поиск собственного впечатывания в окружающий мир, а стало быть — как бы постоянный поиск высшей истины, поиск особой предназначенности, поиск истины, возможно, скрытой от остального мира, которая находит свое воплощение сначала в «единственном в мире православном государстве», а затем — в «единственном в мире государстве рабочих и крестьян».

«Задача отечественной политической науки — исследовать механизмы проникновения политических идей в стихийные массовые настроения, взгляды, а главное — ответить на вопрос, каким образом и в какой мере политическое сознание определяет тенденции политических процессов»⁶.

Мы можем отметить такое последствие данных обстоятельств, как то, что вся духовная традиция России может быть рассмотрена в качестве некоего постоянного противостояния состояния «найденной истины» и состояния «поиска истины». Состояние найденной истины по определению противоречило данному фактору, влиявшему на формирование изначальных форматов национальной политической культуры и национального темперамента, — пульсирующему ритму жизни. В результате общество постоянно оказывалось в преддверии или в состоянии раскола, причем делилось не на активную и пассивную свои части, а на активную часть, обращающуюся к поиску, и активную часть, отстаивающую найденное.

Состояние найденной истины подает восприятие достигнутого как конечного, что блокирует многие естественные эволюционные механизмы и приводит к отставанию, отставание порождает потребность в отрицании и новом поиске. За всем стоит обычный механизм развития, но в его действии через сознание претворяющийся не в плавных, а в конечных, абсолютизированных формах.

Отсюда в России сложилась особая роль такого фактора, который мы можем относительно условно обозначить термином «национально-мобилизующая идея», фактора, выполняющего роль ускорителя развития, с одной стороны, и интегратора иных ценностей, не включенных в ранее найденную истину.

«Какой удельный вес в утопических конструкциях лучшего общества занимала политика, насколько детализировалась схема лучшего устройства, как это выглядело по форме — во многом это зависело от роли самого политического сознания

⁶ Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 44.

в культуре данного периода, от традиционно сложившихся в данном типе культуры приемов творчества»⁷.

Начав свое развитие с естественно-хронологического отставания от Европы, Россия постоянно совершает рывок в развитии — и вновь замирает, найдя искомое. То есть, может быть, главная особенность России — интеграция мировой культуры.

Одновременно анализ отечественной истории дает основания утверждать, что в российскую традицию глубоко вплетены такие начала как мессианство, эгалитаризм, радикализм.

Все эти начала предопределены исходной идентификацией, базирующейся на отношении «к высшей истине».

Собственно, категория «высшая истина» и ее поиск — это некие центральные начала в самоощущении и принятом способе самореализации того, что иногда называют «русской цивилизацией».

«Некоторые исследователи рассматривают политическое сознание как духовное образование, включающее политические идеи, представления, традиции и взгляды, отражающие наиболее существенные социально-политические, экономические и духовные интересы людей»⁸.

Иные народы могли идентифицировать себя по месту проживания, «русские» не были в полной мере детерминированы географически. Можно говорить, что, сталкиваясь сначала в своей миграции с разными культурно-цивилизационными началами, а позже — в силу обширности и подвижности своих границ, «русское начало» идентифицировало себя особым способом (который, впрочем, исторически есть не свидетельство особой избранности, но некая историческая случайность).

Этот особый способ заключался в том, что в некоем историко-цивилизационном алгоритме после самим этим началом задаваемого вопроса «Кто мы есть?» рождался ответ: «Мы

⁷ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 224.

⁸ См.: Широков Е. В. Массовое политическое сознание в современной России: его состояние и особенности: дис. ... канд. полит. наук. М., 1996. С. 21–22.

есть те, кто призван познать истину, выявить эту высшую истину из множества частных истин, принадлежащих разным встреченным нами народам». Но далее, в силу принятой и выработанной открытости и комплиментарности к иным встреченным, возникало продолжение ответа: *«Мы те, кто познает истину, сохранит ее и подарит ее всему миру»*.

Позже это проявилось в отношениях данного начала с двумя идеократическими оформлениями: православием и коммунизмом.

Но если исходная сущность начала определялась как отношение с высшей истиной, в котором пребывает и всё начало, и каждый его представитель, то единственная мера, определяющая сущность, темперамент и социокультурный код начала и его представителей, как было указано раньше, тройкая.

Во-первых, в отношении к истине доминирует не привилегия ее познания, а триединая обязанность познания, сохранения и передачи.

Описанное социокультурное начало ощущает себя звеном, призванным соединить Истину и всё человечество, подарить ее всем народам, приведя их к счастью и гармонии. И свой дар миру начало готово сделать и чувствует в этом свое призвание и служение.

Отсюда, кстати, разлитая в истории готовность всегда откликнуться на любую открывающуюся возможность несения справедливости и освобождения любых субъектных проявлений исторических и социальных начал, оказавшихся в положении угнетенных: православных в иных странах, негров в Америке, братьев-славян, «страдающих буров», наконец, мирового пролетариата.

Что, собственно, и образует первый, мессианский, феномен.

Второй вытекает во многом как из изначального, так и из последнего.

Высшее есть истина. Любой из нас, любой человек есть в сути своей отношение с истиной, измеряемое последней. Раз так, то в отношении с истиной все люди равны. А раз истина есть высшее, следовательно, по значимости постоянное, то

значимость каждого отдельного начала есть та же константа, то есть все люди равны, поскольку все меряются отношением с истиной, здесь рассматриваются как равные в отношении к бесконечному.

Если за основу берется предположение, что все люди равны, то это означает, что элитизм отвергается по определению. Всеобщее равенство есть эгалитаризм. В рамках этого иногда не артикулируемого, но историко-имманентного подхода не может быть лучших людей и худших людей, не должно быть отдельно несчастных и счастливых. Не может быть имущих и неимущих, не может быть старших и младших — иначе как если противное не кроется в искажении отношений с истиной.

Отсюда вытекает, что люди могут быть разделены лишь на познающих, овладевающих истиной — и еще не познавших ее. Тем, кто не успел познать истину, истина должна быть открыта ее носителями, а сами они приведены к эгалитарной гармонии. Те, кто не принимает данное эгалитарное начало, не хочет мерить себя отношением к истине, не хочет познавать и принимать ее, потому есть начало, противное самой истине, начало, встающее на ее пути. Все люди равны перед истиной — и тот, кто не признает последнего, не признает себя и человеком.

Что, собственно, и есть второе существенное для русской политической культуры и традиции начало — эгалитаризм.

Третье начало русского осознания мира и политического процесса — также атрибутивно высшее истине.

Если истина есть, и она одна, то не может быть другой. Нельзя служить двум богам одновременно. Следовательно, нельзя принять две истины, а раз так, значит, то, что претендует на роль истины, называет себя так, но таковым не признаётся, совершает кощунство. Само оно есть покушение на истину, то есть преступление границ самоидентификации, оскорбление их. А потому данное самозванное начало должно быть уничтожено и изничтожено как нарушение мировой гармонии.

С точки зрения русской политической культуры и русского национального сознания истина одна. И потому не может быть

соединения двух претендующих на истину начал — одно должно быть принято, второе — отброшено.

Причем, в рамках такого подхода, если одно начало ранее претендовало и находило удовлетворение своей претензии на истину, то при открытии своего несовершенства, что вытекало из ситуации противостояния состояния найденной истины с необходимым состоянием ее поиска, старая истина приобретает качество раскрытого обмана, разоблаченного «самозванца». Она как таковая не может быть сохранена уже и частично, потому что ее частичное сохранение требовало бы частичного сохранения обмана, лжи.

Она должна быть разоблачена и низвергнута окончательно, то есть радикально.

Таким образом и определялась новая сущностная триада, формировавшая конфигурацию социокультурной и поведенческой, миропреобразующей детерминанты цивилизационного начала, первоначально выступавшего перед историей как своеобразное «русское начало»:

мессианство, эгалитаризм и радикализм.

Одновременно, при всех своих общих качествах, выступающих как единый носитель сугубо рационального отношения к миру и жизни.

Отсюда, как представляется в исследовании, последним фактором определялись и особенности восприятия и функционирования национальной российской государственности, она являлась и раньше узлом многих споров, как при осмыслении отечественной истории, так и при анализе ее современного политического процесса и перспектив его развития.

Российское государство возникает как некий **призванный, строго говоря, созданный обществом институт, вырастая из его оборонительно-регулирующих задач**. Оно развивается под воздействием осознания обществом тех или иных интегративных функций и выполняет их. Однако в значительной степени само это осознание обычно опосредуется и сакрализуется той или иной глобальной идеей.

Конечно, как и всюду, государство в России всегда является и остается механизмом осуществления воли имущих, машиной, обеспечивающей интересы господствующих социальных групп. Однако легитимизируется оно для общества тем или иным сакрализованным началом. Учитывая доминирующую роль, которую в сознании общества играет начало высшей истины, доминирующая в сознании особая идея, наверное, можно говорить, что в России государство может эффективно действовать только как освященное этой идеей. Российское и русское общественное сознание отказывается от подчинения власти и делегирования ей своей свободы и своей вольности, если эта власть не выглядит в его глазах особого рода служителем — служителем тому, что идейно особо важно, ценно и значимо для национального сознания. Российское сознание присягает на верность государству лишь в той степени, в которой оно присягнуло некой «высшей идее» и в какой ту же присягу принесло это государство. Причем качества этой присяги различны. Если самосознание общества для себя выглядит как самодостаточное, изначально субъектное и обладающее неотъемлемыми правами и свободой и лишь соглашается на делегирование этой свободы государству, то государство рассматривается ни в коем случае не как самодостаточное, изначально субъектное начало, а как изначальный инструмент идеи.

В русском национальном сознании изначально признаётся не три самодостаточных начала — народ, государство, идея — а лишь два, народ и идея. Государство — лишь воплощение каждого из них: с одной стороны, оно выступает как созданный и призванный обществом институт, с другой — как инструмент идеи. И эта двойная несамодостаточность в своем состоянии удвоения выступает как доминирующее начало. То есть, будучи не самодостаточным, государство выступает как отношение народа и идеи, а отсюда — как воплощение и одного, и другого.

Обладая огромной мощью, государство лишь тогда успешно ее реализует, когда легитимизируется воплощением идеи. Неверно считать, что государство всегда нависало

над российским обществом. По существу, до эпохи преобразований Ивана IV Грозного государство не представляет отдельного от общества механизма, то есть разделение гражданского общества и государства встает в повестку дня тогда, когда аналогичный процесс имеет место и в Европе. Провал этой попытки в значительной степени обусловлен как раз, с одной стороны, отсутствием идеологической легитимизации, а с другой — противоречием укладу, традиции, в которой царь и его слуги воспринимались как элемент общества, его самоорганизации (сколь безмерна ни была бы их реальная власть), а не господствующий над ним и живущий своей жизнью институт. В условиях постоянного отражения внешней агрессии и растянутых коммуникаций государство получало право на значительную концентрацию ресурсов в одном центре, что было необходимо для выполнения его функций в подобных условиях, но и постоянно увеличивало его власть.

Частично делегирование, а частично просто присвоение государством огромных возможностей и порождает повышенные ожидания общества по отношению к государству, и невыполнение каких-либо реальных или мифологизированных задач лишает государство легитимизации. Можно сделать вывод, что в России общество действительно делегирует государству абсолютные полномочия, но, с другой стороны, в обмен требует абсолютных успехов. Поражения страны в национальном общественном осознании — это не просто свидетельство негодности личностей, это нарушение своего рода общественного договора, естественным следствием своим имеющее прямое воздействие на ход политического процесса. В этом отношении, как ни парадоксально, российская традиция и российский политический процесс глубоко демократичны, но в некоем греко-тираническом, римско-цезаристском варианте.

Отсюда, безусловно, сильная цезаристская традиция. Доминирование идейного начала означает эгалитаристское отношение к каждому как к равному перед этой высшей истиной: все христиане, все советские люди, а раз так, каждый — это весь мир в его индивидуальном воплощении, потому

правитель должен быть больше мира, и за это каждый может предъявить ему свой спрос.

Данная демократически-цезаристская традиция четко проявилась и в современности, когда общество в значительной степени ориентируется не по предложенным ему программам, а по яркости предлагающих их личностей и, не принимая суть программы, может поддержать ее носителя.

Эти же особенности сыграли свою, во многом печальную, роль на последнем этапе существования российского государства — после 1985 года. В этот момент на самом деле общество ждало не демократизации, а сильного генсека, который укрепил бы государственную власть и наполнил смыслом и служением официально признаваемую идею.

От КПСС как носителя официальной идеи общество ждало не отказа от этой идеи, а реализации служения ей. Сущностно общество вовсе не ждало перехода к рынку и капитализму, эта идея была внушена ему уже в процессе слома общественного самосознания, оно ждало реализации задач строительства коммунизма. Компартия получала власть под обязательство строить коммунизм, то есть воплощать принятую идею. И сама не поняла, что ни для чего другого власть ей и не давали. Когда же она заявила, что от своей задачи отказывается, ей вполне резонно было указано, что для того, чтобы строить капитализм, вовсе не нужна коммунистическая партия, эту задачу исполняют иные политические субъекты.

Ее погубило отречение от идеи, а вовсе не те или иные репрессии, осуществляемые во имя этой идеи. Не монополия на власть, а создание в стране анархии.

В России носитель власти существует лишь постольку, поскольку воплощает в себе, с одной стороны, народную волю, с другой — принятую народом идею. И отказавшись от этой идеи или не имея ее, он не имеет в общественном сознании права на власть.

Глава 1. Позитивно-деятельностная культура и миссия государственной политики России в сфере культуры

1.1. Ценностная идентификация и политическая культура

1.1.1. Ценностные системы и модели политической культуры

Ценностные системы не создаются произвольно, а базовые латентные образцы и не воспроизводятся автоматически, и не производятся в чистом соответствии с пожеланием того или иного социального субъекта.

Базовые латентные образцы в своем виде определяются тремя факторами: 1) утвердившимися в ходе истории под воздействием исторических обстоятельств моделями поведения данного народа, передаваемыми из поколения в поколение; 2) социально определенными моделями поведения тех или иных групп и классов, вытекающими из характера их деятельности; 3) ситуативно определенными настроениями и ожиданиями тех или иных социальных групп, вытекающими из их удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью, а также общим состоянием социально-энергетического подъема или спада данного общества и его данного класса.

Ценностные системы возникают и существуют как выражение настроений и ожиданий широких масс и значимых социальных образований, в первую очередь — социально-экономических классов. Хотя они и оформляются не только в логических построениях, но и в образах значимых социокультурных групп.

Политическая идеология — не политическая доктрина, оформляющая тот или иной конкретный курс, и не пропагандистская парадигма, предназначенная для убеждения масс в правильности курса власти.

Политическая идеология — это интеллектуальная интерпретационная модель, сочетающая единство ценностей,

значимых для той или иной политической тенденции, и целей, которые она стремится достичь.

Политическая идеология не изобретается — она оформляет существующие ожидания, интересы и настроения.

Любая политическая идеология включает в себя аксиологию, то есть систему ценностей данного течения, предлагаемую им политическую модель общества и утверждаемую экономическую модель.

Политическая идеология становится таковой не тогда, когда она нравится или соответствует увлечениям лидеров, элит и интеллектуалов, а только тогда, когда оказывается способна оказывать существенное и долговременное воздействие на поведение значимых масс.

Она выполняет, среди прочего, функцию оправдания действия, но это лишь третья из ее функций, следующая за функцией познания реальности и ориентации действия и элит, и масс.

Определяющий момент для идеологии — способна ли она оказывать действие на поведение масс и политических сил. И типов этого воздействия, в общем-то, немного, они располагаются в первую очередь по двум шкалам: активизирующее / сдерживающее, с одной стороны, и рационализирующее / эмоциализирующее, с другой. Это может выливаться в мобилизирующее воздействие, упорядочивающее, сдерживающее, организующее, расковывающее, объединяющее, атомизирующее и т. д., причем ориентироваться как на индивидуальные, так и на коллективные формы политического действия.

В разных политических ситуациях в большей степени может оказаться более эффективным разный тип действий, в зависимости как от сложившегося в ситуации социально-психологического темпераментного запроса, так и от степени удовлетворенности или неудовлетворенности общества или его составных сложившимися условиями жизни.

Точно так же, и кроме этого, запрос на мобилизацию либо запрос на сдерживание определяется тем, какой тип действия доминировал на предыдущем этапе и какие задачи встают перед обществом. Обустройства, достигнутого после

мобилизационного рывка? Стабилизации после периода деструкции и хаотизации? Или прорывного развития после снижения темпов последнего на предыдущем этапе и вызванного этим отставания?

Две ситуации обычно приводят к катастрофам для общества:

– первая — когда в условиях назревших перемен власть опаздывает с трансформацией форм жизни, как это случилось в России в начале XX века;

– вторая — когда власть осуществляет хаотическое ускоренное изменение этих форм, не имея внятного представления о преследуемых целях и как минимум концептуального плана и образа того, что она хочет получить в результате, как это случилось в СССР в конце XX века.

В первом случае власть погубила страну в силу избытка консерватизма, во втором — в силу его недостатка. В первом ей не хватило созидательной революционности, во втором — избыток разрушительного ультрареволюционаризма при таком же недостатке созидательной революционности.

В обоих случаях неэффективность элиты обернулась общественной деструкцией, но в первом — в обществе оказалась существующей влиятельная мобилизационная идеология, способная преодолеть деструкцию и организовать созидательный процесс, во втором — такой идеологии не оказалось.

Цикл деструкции 1990-х годов был остановлен стабилизацией 2000-х. Она остановила разрушение и начала созидательные процессы, которые по своей интенсивности были недостаточны, чтобы преодолеть в полной мере последствия произошедшей катастрофы.

Общая мировая ситуация и то положение, в котором сегодня оказалась Россия, требуют, как представляется, осуществления прорывного развития, которое можно обеспечить только на основе мобилизации экономических, производственных и человеческих ресурсов.

Причем речь идет именно о прорывном развитии, предполагающем в первую очередь не слом всего существующего,

а форсированное создание нового в целом на имеющемся, хотя и модифицируемом фундаменте.

Строго говоря, всю совокупность духовно-нравственных проблем формирующегося человека можно свести к следующим парам критериев.

Проблемы:

Утверждение в жизни	Сохранение человечности
Изменение мира	Сохранение базовых ценностей

Черты привлекательности:

Сюжетная азартность	Созвучность идеалам
Доступность языка	Содействие пониманию сложности мира

Первая встающая методическая задача — выявление в произведении центральной установки и образов утверждения человека в жизни и в мире, самоактуализации, что является базовой психологической личностной потребностью.

То есть первый критерий — наличие или отсутствие такой установки. Однако последняя может реализовываться, с одной стороны, как в формате сохранения своей человечности, так и в формате ее утраты, обращения либо в дочеловеческое состояние живущего физиологическими установками животного, либо в обезчеловеченно-рационализированное.

С другой стороны, утверждение в мире и в жизни может происходить через изменение и улучшение мира, а может — через подчинение ему и капитуляцию перед жизненными обстоятельствами.

Однако ситуация победы над миром и обстоятельствами имеет два формата: формат сохранения базовых ценностей и исторической самоидентификации общества в новой форме, как это произошло после революционных преобразований в России начала XX века, и формат разрушения общества и

исторической самоидентификации, как это произошло в ходе катастрофы конца XX столетия.

Соответственно, мы таким образом получаем следующие комбинации установок и алгоритмов утверждения молодого человека в жизни:

1. Утверждение при:

- а) сохранении человечности;
- б) достижении изменения мира;
- в) при одновременном сохранении базовых латентных образцов.

образцов.

2. Утверждение при:

- а) сохранении человечности;
- б) достижении изменения мира;
- в) при разрушении базовых латентных образцов и утрате самоидентификации.

самоидентификации.

3. Утверждение при:

- а) сохранении человечности;
- б) подчинении диктату окружающего мира;
- в) при одновременном сохранении базовых латентных образцов мира.

образцов мира.

4. Утверждение при:

- а) сохранении человечности;
- б) подчинении диктату окружающего мира;
- в) при разрушении базовых латентных образцов и утрате самоидентификации.

самоидентификации.

5. Утверждение при:

- а) утрате человечности;
- б) подчинении диктату окружающего мира;
- в) при разрушении базовых латентных образцов и утрате самоидентификации.

самоидентификации.

6. Утверждение при:

- а) утрате человечности;
- б) достижении изменения мира;
- в) при разрушении базовых латентных образцов и утрате самоидентификации.

самоидентификации.

7. Утверждение при:

- а) утрате человечности;

- б) подчинении диктату окружающего мира;
- в) при одновременном сохранении базовых латентных образцов мира.

8. Утверждение при:

- а) утрате человечности;
- б) подчинении диктату окружающего мира;
- в) при разрушении базовых латентных образцов и утрате самоидентификации.

9. Варианты недостигнутого утверждения в жизни, которые могут быть также дифференцированы в зависимости от того, удалось ли при этом субъекту утверждения сохранить человечность, и сохранены либо разрушены базовые латентные образцы и самоидентификация общества.

Естественно, что для транслирования и воспроизводства в ходе формирования молодежи для общества приоритетен первый вариант: утверждение в жизни при сохранении человечности, достижении изменения мира и при одновременном сохранении базовых латентных образцов.

Однако эта приоритетность имеет ограничения и утрачивает ценность при двух обстоятельствах: утрате человечности и разрушении базовых латентных образцов и ценностей общества.

При этом нужно обратить внимание и на еще одну дилемму, значимую для вписывания в нее производимых и воспроизводимых латентных образцов и решения проблем молодежи, обычно с неизбежностью в той или иной форме отражаемую в литературе: проблема выбора между обществом и ценностями общества потребления и обществом и ценностями общества познания и созидания.

С одной стороны, это означает выбор утверждения в потреблении или выбор утверждения в познании и созидании.

И тогда и варианты победы над миром, и варианты сохранения либо разрушения базовых образцов разделяются, разделяясь на ситуации победы человека-созидателя над миром потребления, либо победы человека-потребителя над обществом созидания, как это произошло в России на рубеже 1980–1990-х и в конце 1990-х годов.

И одновременно ситуация разрушения либо сохранения базовых латентных образцов меняется, в зависимости от того, идет ли речь о разрушении базовых образцов общества потребления либо латентных образцов общества познания.

1.1.2. Национальный суверенитет и сохранение культурного наследия

Национальный суверенитет и готовность к автаркии. Национальный суверенитет не возникает по желанию. Хотя без воли и желания им обладать он тоже не возникает.

Вопрос о национальном суверенитете — это вопрос государственно-политического суверенитета нации.

Суверенность внутри страны — это вопрос о том, чья воля на территории страны является высшей. Суверенность в международных отношениях — это независимость в международных отношениях.

Идея суверенности страны утвердилась в Вестфале в 1648 году, после Тридцатилетней войны, потрясавшей Европу с 1618 года. И означала юридическое право монарха и правительства каждого отдельного государственного образования не подчиняться ни власти императора Священной Римской империи германской нации, ни римскому папскому престолу.

Сначала это была суверенность правителя, воспринимавшегося как абсолют, с развитием идеи суверенитета народа на место абсолюта монарха пришел абсолют народа, последовательно, один за другим, заменившие идею абсолюта бога. Таким образом, последовательно утвердился принцип суверенитета нации, из которого позже и выросла идея права нации на самоопределение в тех или иных желаемых ею формах.

Наверное, понятно, что для реализации национального суверенитета, то есть независимости нации, кроме принципа суверенитета нужна сама нация. Проблема в том, что явление нации на деле более сложное и более многосоставное, нежели может показаться. И нация — это и не народ, и не народность, и не племя, нация — это больше и сложнее.

Формально, этимологически, «нация» по-латыни — это ровно то же, что «этнос» по-гречески, всего лишь «племя». Исторически этносом стали обозначать менее широкую общность — общность происхождения, культуры и общего вида, что несколько уже, чем племя, в котором могут сливаться люди с разным этническим происхождением. Национальностью — более широкую общность, включающую общность языка, территории, культуры, некое начало политического объединения, что сама дает лишь предыдущую к нации ступень народности, плюс еще экономическую общность, то есть обладание национальным рынком.

Формирование нации может идти разными путями возвышения общности. Основной, западноевропейский, шел путем выделения языковых общностей из прежней религиозно-цивилизационной, обслуживая интересы складывающихся рыночных общностей, того, что стало национальными рынками и современными европейскими государствами.

То есть принцип государственной суверенности и права нации на самоопределение стал лишь принципом политического выражения и защиты интересов национального рынка — и, как принцип объединяющий, стал и был принципом прогрессивного развития общества, ко всему прочему защищающего самобытные национальные языки и национальную культуру.

Проблема в том, что национальные рынки, развившись и укрепившись в рамках национальных государств, стали перерастать их границы, частью вступая в конкуренцию друг с другом, частью осваивая те экономические и географические зоны земли, где такие рынки еще не возникли.

Принцип национального суверенитета утратил свое прежнее наполнение принципа единства национального рынка.

В той степени, в которой к концу XX века сложился единый мировой рынок (хотя еще и не до конца) и в которой складывается единый мировой хозяйственный комплекс, национальный суверенитет стал тормозить развитие мирового рынка. Сама национальная общность оказалась лишена своего внутреннего единства обозначенных ранее черт:

культурно-языковое-историческое единство в заметной степени сохранилось, экономически-рыночное — в заметной степени утратилось.

Возможно, второе и смогло бы эффективно одержать верх над первым, если бы не два момента. Во-первых, культурно-языково-историческая самоидентификация укрепилась и окрепла за период ее экономического скрепления и сама начала (как минимум, пока) играть ценностную роль. Во-вторых, национальные экономики, объединяясь в мировое пространство, подчас даже выигрывая по сравнению с прежним состоянием, но часто еще и проигрывая, в любом случае оказались во взаимно неравном положении друг с другом. Более сильные стали доминировать, относительно более слабые оказались подчиненными. Подчиненный уже не может претендовать на суверенность, то есть в этих условиях восстанавливается система «суверен — вассал». Вассалы могут быть более или менее влиятельными, суверен может считаться с одними больше, с другим меньше, но доминирует даже не тот, кто с традиционной экономической точки зрения более силен, кто имеет более сильное производство, кто выпускает лучшие или более дешевые, либо более необходимые товары, даже не тот, кто имеет более современные технологии, а тот, кто удерживает в своих руках линии коммуникации и управления этой объединенной экономикой.

Страна-нация, которая в эту систему не входит, не сможет войти в нее на равных основаниях и с сохранением своего национального суверенитета. Если ее экономика существует как слабая, она должна будет подчиниться не только правилам, но интересам более сильных, рассчитывать в мировой экономике на заведомо вспомогательную роль, на исполнение воли хозяев этой системы.

Но даже если эта экономика существует в рамках своего хозяйственного комплекса как достаточно сильная вне сложившейся системы, она сможет войти в систему, лишь построив под нее свой хозяйственный комплекс, отказаться от тех отраслей, которые стали сильными именно потому, что работали по правилам и стандартам, отличным от правил

и стандартов внешней системы. Если она не выдержит конкуренцию с субъектами мировой экономики, ее экономика будет разрушена, потому что не сможет дать мировому рынку то, что востребовано на нем. Если окажется, что она выдерживает эту конкуренцию, значит, она будет нести ущерб тем, с кем ей удалось конкурировать, и она будет разрушена более старыми, утвердившимися и имеющими мощный потенциал принуждения к покорности экономическими субъектами этого рынка.

Отсюда, в конечном счете, простая дилемма: либо национальный суверенитет, либо включение в мировой рынок — нельзя быть политически суверенным при установке на экономическое подчинение. И нельзя экономически вписаться в мировой рынок, отказавшись от подчинения его правилам. Точнее, можно, но только вне этого рынка, став экономически более сильным, чем весь этот рынок. Что, наверное, возможно, но проблемно, и пока для России не просматривается.

В ответ на это заключение, естественно, напрашивается вопрос о допустимости или недопустимости автаркии, которым сторонники экономического коллаборационизма пугают сторонников политического суверенитета.

Автаркию на сегодня принято считать недопустимой, невозможной и неэффективной, хотя на деле это утверждение сегодня и не доказано, и не опровергнуто, это сегодня лишь доминирующая точка зрения, скорее носящая характер прижившегося штампа. Однако вопрос в другом.

Вопрос не в автаркии и не в самоизоляции, хотя если нация живет в больном внешнем окружении, которое каждые 6–8 лет сотрясают кризисы, то у нее оказываются три возможных варианта судьбы: сотрясаться внешними кризисами и страдать в унисон с соседями; пытаться принудительно вылечить соседей, которые лечиться не хотят; отгородиться от них непроницаемой для носителей инфекции преградой, безжалостно изолируя на своей территории тех, кто сам оказался подобным носителем.

Вопрос в том, что для обеспечения политического национального суверенитета нужно создать экономический

национальный суверенитет. То есть экономику, которая в основе своей не будет зависима от мирового рынка, сможет обеспечивать потребности общества на своей собственной основе и обеспечивать для общества тот уровень материального благосостояния, который на данном этапе общество будет воспринимать как достаточный и обоснованно оправданный. Эта экономика либо должна быть выстроена под национальный рынок, автономный от мирового рынка, либо вообще, что лучше, должна выйти за рамки рынка, стать нерыночной, над-рыночной, пост-рыночной — ровно так же, как любая гигантская корпорация, действующая на мировом рынке, внутри себя крайне далека от собственно рыночных отношений. И именно потому, что хочет оставаться субъектно-суверенной в мировом рыночном пространстве.

Это не означает требования ухода из мировой торговли и мирового экономического пространства, просто оно должно, если нация хочет сохранять свой суверенитет, рассматриваться не как основная хозяйственная деятельность, а как приработок, подработка, то, что дает незапланированные дополнительные средства, а не как основная статья доходов.

В любом случае приходится выбирать: либо национальный (политический, культурный, экономический) суверенитет, либо экономический коллаборационизм и подчинение требованиям мирового рынка. И, соответственно, что важнее: национальная суверенность либо выгоды роли вассала в мировом рыночном пространстве.

Сохранение культурного наследия. Исходя из понимания культуры как сферы производства базовых латентных образцов поведения (то есть, в конечном счете, производства, проявления и воспроизводства ценностей, норм и их воплощения в материальной и нематериальной практиках общества), государственная политика России в сфере культуры рассматривает культурное наследие страны как совокупность материальных носителей этих образцов, созданных в прошлом и в настоящем, духовных воплощений и самих принимаемых народом ценностных основ, норм и образцов поведения.

Задачей государства и общества является сохранение культурного наследия страны во всех его составляющих: материальном культурном наследии, нематериальном художественно-образном, нормативно-ценностном.

Материальное культурное наследие представляет совокупность материальных объектов, несущих в себе значимое для общества ценностное и образное значение, отражающих его историю, искусство, традиции, обряды и образ жизни вне зависимости от того, с каким периодом истории страны и народа оно связано.

Материальное культурное наследие включает в себя произведения искусства, являющиеся носителями образов и ценностей, результаты производственной и бытовой деятельности, природные объекты, ставшие такими носителями в процессе исторической практики народа.

Данные объекты находятся под защитой государства вне зависимости от того, на какой территории они находятся в данный момент.

Нематериальное культурное наследие страны включает в себя не имеющие непосредственно предметно-материального выражения продукты и формы искусства, обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки. А также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, обладающие ценностным значением для народа России или обладавшие таким значением в тот или иной период его истории.

Нематериальным культурным наследием являются:

- устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- исполнительские искусства;
- обычаи, обряды, празднества;
- знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

В состав нематериального культурного наследия страны входят произведения искусства, созданные в других странах представителями их культуры, но приобретшие эстетическую

и ценностную значимость для российского общества в ходе истории и совпадающие с базовыми ценностными основаниями российского общества.

Нематериальное культурное наследие охраняется государством и обществом, в частности, от искажения в процессе воспроизводства смысла, значения и ценностного содержания, заложенных в него при создании.

Нормативно-ценностная составляющая российской культуры включает в себя:

- ее исторически выработанные базовые латентные образцы, ценностные основания и ценностные стержни, выработанные, воспринятые и в ходе исторического развития данного социума и ставшие для него значимыми базовыми началами;

- утвердившиеся в ходе истории алгоритмы практической и интеллектуальной деятельности;

- деятельностный темперамент народа, основанный на эгалитаризме, просветительской мессианской устремленности, радикализме и последовательности в противостоянии всем формам разрушения, регресса и зла;

- знания, представления и навыки, относящиеся к общественному и политическому устройству.

Задачей государственной политики в области культуры при обеспечении условий для свободного и достойного развития каждого человека является устранение неравенства в доступе к достижениям культуры.

Это включает в себя:

- обеспечение полноценной культурной среды в период формирования ребенка, воссоздание качественного детского игрового и мультипликационного кинематографа, системы детских театров и литературы, ориентированных на сюжеты и смысловое содержание, несущее в себе ценностные основания российской культуры и связанное с позитивным восприятием отечественной истории;

- создание аналогичных детских сайтов в интернете, интернет-игр, образовательных и художественных телеканалов;

– культурное наполнение работы общих детских учреждений, яслей, детских садов и школ, включающее в себя посещение театров, музеев, активное семейное участие в культурно-просветительском туризме;

– повышение доли культурно-гуманитарных предметов в школьной программе, развитие сети детских и подростковых учебных заведений начального образования в области культуры (музыкальных, танцевальных, художественных, исторических школ, детских и подростковых самодеятельных театров);

– создание нового типа начальных и общих школ (общеобразовательных школ Военно-исторического, Исторического и Географического обществ, детских, подростковых и юношеских отделений этих обществ), детских культурных и историко-культурных клубов и библиотек.

Сохранение правильного русского языка является одним из основных условий обеспечения благоприятной для человека информационной и культурной среды. Однако язык может быть использован и для формирования латентных образцов, направленных на познание и созидание, восхождение человека к его роли творца и носителя значимых для страны ценностей и реализацию его творческого потенциала, и для утверждения обратного — образов самозначимости потребления, приоритета биологического над социальным и реализации своего личностного начала в разрушении.

Отсюда встает вопрос, какие культурные и поведенческие образцы, утверждающиеся в культурной среде, должны поддерживаться государством: развивающие в человеке его человеческое либо его физиологически-инстинктивное начало?

Задача государства — поддерживать те образцы и образы, которые будут возвышать и развивать человека, усилить страну и обеспечивать его гордость за свою историю, укреплять его гражданскую активную позицию, поддерживать его историко-государственную самоидентификацию, его ответственность за страну и ее суверенитет.

И осуществлять это во всех элементах информационной и культурной среды — от архивов, музеев, библиотек до туризма, телевидения и интернета.

1.1.3. Культурное единство и идеологическое многообразие

Збигнев Бжезинский однажды резонно заметил: «Америка занимает главенствующие позиции в четырех основных областях, в решающей степени определяющих мировое господство: ее вооруженные силы не имеют себе равных; в области экономики она по-прежнему является движущей силой, которая тянет за собой остальной мир; в технологическом плане ей принадлежит ведущая роль на всех передовых направлениях развития науки и техники; ее культура, несмотря на некоторую примитивность, обладает удивительной привлекательностью... всё это наделяет США таким политическим влиянием, с которым не может соперничать никакое другое государство. Именно благодаря сочетанию этих четырех составляющих Америка является мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова»⁹.

Технологии решают, каким оружием люди смогут защищать свою страну. Но культура решает, захотят ли они ее защищать и сочтут ли они для себя приемлемым рисковать жизнью за свою страну.

Поэтому абсолютно правы были разработчики Основ государственной культурной политики, определяя ее статус как неотъемлемой части концепции национальной безопасности. И абсолютно право было министерство культуры, добиваясь включения в Стратегию национальной безопасности России категории и понятия культурного суверенитета.

И абсолютно верно утверждение: «Если нет культуры, то непонятно вообще, что такое суверенитет, и непонятно тогда, за что бороться»¹⁰.

Важно обратить внимание на ряд принципиально важных и верных позиций, которые подчас вызывают неоднозначное

⁹ *Bryzinski Zb.* The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y., 1997. P. 24.

¹⁰ *Путин В. В.* Выступление на расширенном заседании Президиума Совета при Президенте по культуре и искусству. 03.02.2014. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/country/27977-vladimir-putin-esli-net-kulturny-to-neponyatno-chno-takoe-suverenitet/> (дата обращения 23.10.2019).

понимание и идиосинкразию у определенной части людей, которых принято называть деятелями культуры.

Тут вообще проблема неких превращенных форм: культурой объявляется не то, что является ею по сути, то есть система воспроизводства базовых латентных образцов социального и политического поведения, то есть то, что было определено как «свод нравственных, моральных, этических ценностей».

Под культурой стали понимать не этот свод, а деятельность тех людей, которые зарабатывают деньги своей художественной деятельностью. При этом искусством объявляется не момент начала создания эстетической ситуации, а любая деятельность любого индивида, в том числе носящая и разрушительный характер.

Общая задача — сохранение культурного наследия и культурного суверенитета страны. Сохранение традиционных, принятых народом и обществом ценностей по определению выше частных интересов групп, зарабатывающих на своей художественной или «протохудожественной» деятельности.

Тут вообще в плане соотношения единой культурной политики можно выделить как минимум три группы, незаинтересованные в такой политике.

Первая — это группа, получающая коммерческую выгоду от противопоставления своей протохудожественной деятельности принятым и утвердившимся в обществе ценностным образцам. В данном случае речь идет не о создании новых приемов и образцов собственно творчества, а об игре на противопоставлении, на игре привлечения внимания демонстрацией эпатажа, насмешки, оскорбления по отношению к художественному вкусу и утвердившимся эстетическим образцам, когда за новое и креативное выдается неумение и сознательное не следование канонам. Так двоечник, неспособный выучить ту или иную математическую формулу или таблицу умножения, с гордостью выдает утверждение «дважды два — пять» за открытие нового, неизведанного закона математики.

Вторая группа — это, действительно, те или иные ведомства, функционально отвечающие за соприкасающиеся либо родственные культуре сферы, но рассматривающие их как не подлежащие контролю общей культурной политики.

Третья — это социальные группы, ставшие носителями иных ценностных оснований, расходящихся с базовыми основаниями культуры своей страны, и так или иначе считающие себя уже не гражданами России, а гражданами или подданными других стран или иных государственно-политических образований. Либо некоего всемирного халифата, либо некоей западной цивилизации.

Это именно четвертый пункт того, о чем говорил Бжезинский, применительно к основаниям могущества Америки: «... ее культура, несмотря на некоторую примитивность, обладает удивительной привлекательностью».

Человек, присягнувший культуре Америки (либо культуре халифата и чего-либо подобного), уже не является гражданином России. Он человек другой страны, интересы и задачи которой будет считать для себя основными по отношению к национальным интересам своей.

Это, естественно, не значит, что гражданин России / СССР не может любить культуру Америки или упиваться Омаром Хайямом: культура России / СССР на самом деле синтетично включает в себя в себя вершины всех этих культур. Это лишь вопрос о том, какие базовые ценностные основания он принимает для себя как первичные.

Собственно, культурное наследие — это и есть то, что определяет сферу культуры и саму передачу базовых образцов. И разрушая это наследие, мы разрушаем не некую коллекционную экзотику. И не просто образцы воплощения ценностей — мы разрушаем носители ценностей и культурных образцов. Вместе с ними — те ценности и образцы, которые их наполняют. Здесь только нужно иметь в виду, что культурное наследие все-таки состоит не из двух привычных компонентов, материального и нематериального (т. е. песен, легенд, музыки и т. д.), но и третьего — нормативно-ценностного. То есть норм поведения. Приоритетов и ценностей. И, среди прочего, чувства единства со своей страной и боли за нее.

Не может существовать страна, за которую некому будет пойти на смерть. Но на смерть нельзя идти за сугубо материальное — на смерть человек идет за то, что больше

твоей жизни: за некие ценностные начала и идеальные представления.

Когда говорится о необходимости подчинения общему частному, это верно и правильно. Однако когда это общее начинает рассматриваться как сумма частных позиций, происходит уже не утверждение, а разрушение этого общего.

Организации, движения, активисты — они разные. У них есть разные интересы, и они выражают разные интересы. И среди них есть как представители разных идеологий (что еще не так страшно в определенных ситуациях) и разных эстетических предпочтений (что даже, возможно, и хорошо), но и разных базовых отношений к миру, и разных историко-политических идентификаций. И разных государственных и гражданских идентификаций.

Можно объединить тех, кто считает, что Россия должна быть православной монархией, и тех, кто считает, что она должна быть пролетарской республикой. И даже тех, кто считает, что она должна быть республикой либерально-демократической и даже исламской теократией. Но всех их нелепо объединять с теми, кто считает, что ее не должно быть вообще, либо с теми, кто считает, что она должна быть вассалом США.

Можно объединить тех, кто любит Пиросмани, и тех, кто любит Рублёва, с теми, кто любит Шагала и Гойю. Но нельзя объединить их с теми, кто считает, что все картины и книги нужно сжечь.

Единая политика в области культуры нужна для развития и защиты национальной (да и вообще классической) культуры. И эта политика нужна для отражения угроз, нависающих над страной и ее культурой. Можно объединяться с теми, кто хочет эти начала защищать, но нельзя объединяться с теми, кто ведет с ними борьбу.

Вообще попытка объединить всех со всеми всегда и бессмысленная, и парализующая. Объединить все культурные группы, активистов и движения в общей выработке единой культурной политики — это всё равно что объединить все политические и военные группы в Сирии в работе над новой конституцией этой страны, включая ИГИЛ и Аль-Каиду.

Можно в стремлении к объединению стремиться образовывать большинство. Можно — подавляющее большинство. Но нельзя объединять большинство с ненавидящим его меньшинством.

Если это и сделать, эффект и будет один: это меньшинство сделает всё, чтобы парализовать работу большинства, а если не удастся, постарается обесмыслить его работу.

Не нужно консолидировать всех, нужно консолидировать подавляющее большинство.

Условно говоря, тех, кто за Крым и против тангейзеровщины.

Таких сегодня — под 90 %.

С остальными объединяться и бесполезно, и вредно: бесполезно потому, что объединения всё равно не будет — оно им не нужно. А вредно потому, что они будут этот процесс использовать, с одной стороны, для выжимания максимума уступок для себя, с другой — для развала большинства и паралича его работы.

Объединять всех на свете и быть над всеми — это было любимое занятие Горбачева. В результате его возненавидели все.

Объединять всех со всеми — это всего лишь попытка стать хорошим для всех, остаться над схваткой. Ни за что не отвечать — и каждый раз уходить от решений.

Это то же самое, как если бы Лев Толстой пытался решить трагедию Анны Карениной, поселив Вронского в доме Каренина и описав сцены «амур-ле-труа». И заставив полюбить друг друга и одного, и другого. В духе дня сегодняшнего — но это уже был бы не Толстой.

Ровно так же, как и государственная политика в области культуры, действительно должна быть одна, и она должна быть единой.

1.2. Позитивная самоидентификация и позитивная деятельность

1.2.1. Имманентный деконструкт концепта политкорректности

Политкорректность как язык вражды. Строго говоря, политкорректность и возможна, и нужна, и необходима. В известном смысле политкорректность — это язык уважения к самому себе. И владение языком. Потому что когда человек использует для выражения тех или иных мыслей и эмоций площадную брань, либо те слова, которые самим своим характером и средой происхождения и обитания имеют среду ругани, он признает себя, с одной стороны, представителем этой среды, то есть среды дикости, с другой стороны — не имеющим достаточного словарного запаса для выражения своих мыслей и эмоций.

Вообще, что такое площадная брань, и в том числе нецензурная лексика? С одной стороны, это попытка показать, что твоя ярость вышла из-под контроля, что ты уже не можешь себя сдерживать и забыл всякие представления о приличиях. Это слабая попытка запугать оппонента своей представляемой и декларативной яростью. С другой стороны, это попытка продемонстрировать свою свободу от запретов, то есть свою независимость и значимость. Еще раз: цивилизация и культура — это всегда система запретов. **Прибегая к нецензурной — или, скажем так, к неконвенциональной лексике, — человек пытается продемонстрировать свою свободу выбора, показать, что он сам свободен в своем пренебрежении к запретам, что они для него не действуют.** Ему кажется, что быть ограниченным запретами — значит быть слабым, неспособным от них освободиться. То есть это, в конце концов, свобода слабого. Своим пренебрежением он декларирует свою свободу именно потому, что иного средства стать свободным не имеет или не видит.

Соблюдение запретов — свобода сильного. Соблюдая запрет, он демонстрирует свободу его принятия, на деле имея

возможность проявить свою свободу в действиях. Угроза — оружие слабых. Сильный не угрожает, он наносит удар.

С этой точки зрения политкорректность вовсе не является отказом от вражды. Она является переводом вражды из сферы брани, плевков и царапин в сферу реальной борьбы.

Вообще, что такое политкорректность? Это практика запретов, гласных или негласных, на высказывание политических суждений, носящих оскорбительный характер по отношению к тем или иным выделяемым группам. Это, с одной стороны, принятие принципа «относись к другим так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе», с другой — нежелание унижаться до некоего дикарского состояния ругающихся, плюющих и царапающихся. То есть политкорректность — это сохранение собственного достоинства.

И здесь встает вопрос: что это за группы, по отношению к которым принимаются подобные ограничения? Условно можно выделить три типа отношений. Первое отношение — это отношение к тем, кто просто не таков, как ты, по отношению к таким людям в лексике часто используется невольное, полубытовое определение его инаковости как ущербности или неполноценности. При этом он для говорящего мало значим — говорящий еще не знает его, не знает, хорош он или плох, может ли он потенциально быть другом или врагом.

Политкорректность в данном случае означает не отказ от оценки, она означает воздержание от формального суждения, суждения, в котором нет знания того, кто перед тобой и как, собственно, к нему нужно относиться.

Неполиткорректность высказывания практически означает не только то, что говорящий малокультурен и слабо владеет языком, она означает и то, что он не способен вынести оценку по существу, не способен к пониманию более глубокого уровня, чем просто внешнее отличие. И обречен на выходе либо получить превращение возможного друга во врага, либо усилить враждебность того, к кому он проявили непонимание и неуважение.

Второй тип отношения — это отношение с тем, кто не является по существу ни другом, ни врагом, с тем, кто безразличен. Неполиткорректность по отношению к нему — это некоторое изначально принятое неуважение, уничижение, усиливающее собственное безразличие. Но подобное уничижение всегда оказывается только отталкиванием и ведет к превращению этого другого во врага, то есть неизбежно толкает его к ненависти по отношению к тому, кто проявил еще только неуважение.

Третье же отношение — это как раз отношение с врагом. И здесь важно несколько иных моментов. Во-первых, как уже говорилось, **соблюдение политкорректности по отношению к врагу — это, прежде всего, проявление своей силы и заявление своего достоинства.** Настоящего врага всегда нужно уважать — хотя бы для того, чтобы не недооценить его.

В известном смысле неполиткорректность — это наращивание вражды, лишь только с одной стороны. С другой — это ее ослабление. Люди, враждующие друг с другом, выплескивают свои эмоции и разряжают сами себя. Они провоцируют своих оппонентов на ответные оскорбления, но до известной степени уводят вражду в сферу слов. Они исчерпывают себя в словах и оказываются неспособны на действие.

В этом отношении политкорректность действительно может быть двух родов. **Политкорректность силы** и, скажем так, **политкорректность усталости.** Во втором случае оппонент политкорректен потому, что он устал напрягаться, устал от напряжения. У него исчерпан запас эмоционального горения. Он не оскорбляет противника либо потому, что даже на это не хватает его душевных сил, либо потому, что боится быть оскорбленным в ответ, боится, что ему не достанет энергии выдержать даже этот, словесный, удар.

Первый вид, то есть политкорректность силы, — это проявление умения владеть своей энергией и не тратить ее на то, что не может принести реального эффекта. Актер, сохраняющий такую политкорректность, перешел в своем внутреннем ощущении грань эмоционального кипения. Его язык — это не язык неуважения и оскорбления, это язык холодной ненависти

и сознательно принятого решения уничтожить врага. Он уже не злится на противника — он относится к нему как к приговоренному.

Так что в этом смысле призыв к политкорректности — это призыв не тратить свои нервы по пустякам. В старом фильме «Чапаев» белый военачальник, когда ему докладывают о действиях красных, используя слова «банды красных», жестко поправляет докладчика: «Противник». Политкорректность — это когда при виде противника ты не впадаешь в истерику и не засыпаешь его оскорблениями. Это когда ты в своей лексике признаешь его сильным и опасным — и потому подлежащим уничтожению.

Однако есть и другая сторона. Политкорректность предполагает отказ от оскорблений оппонента, отказ от лексики дикости. Но она же может требовать и признания врага другом. В таком случае она превращается в примитивное лицемерие.

Враг должен быть назван врагом. Если он обретает черты зверя, как фашизм, он должен быть назван зверем. Если обретает черты низости, должен быть назван подонком. Но не с целью оскорбить оппонента. Скорее с целью назвать его тем, кто он есть.

Призыв к политкорректности вполне актуален сегодня. Это связано с определенной сменой парадигм и этапов. Но не потому, что предыдущий период был периодом неполиткорректности, а сегодня признано, что она себя исчерпала. А потому что предыдущий период, как ни странно, оказался в целом периодом повышенной политкорректности.

Власть, которая в 2000-е действительно заслужила критику по многим направлениям, избежала одного: в большинстве случаев она никогда не опускалась до вольных или невольных оскорблений оппонентов и оппозиции. И оппозиция среди прочего проигрывала ей в том, что в ответ на действия власти отвечала ей руганью и политическим хулиганством.

Начиная с 1985 (точнее, с 1987) года оскорбление и унижение стало постоянным оружием как горбачевской, так и ельцинской власти. Обе вели информационный террор против страны и народа. Они оскорбляли его память, его верования,

его смыслы и ценности. В последние два года представители той же генерации, как по некому посвисту нечистой силы, увидев, видимо, некий намек на смену курса, воспряли, активизировались и резко повысили градус своей неполиткорректности и политического хулиганства. Последнее, кстати, обычно направлено на одно — на провоцирование жестких ответных действий, с тем чтобы можно было повысить градус собственной истерии.

Вообще, политкорректность часто понимается вполне узко и специфично: как недопустимость оскорбления чувств того или иного меньшинства. Само по себе это правильно, если речь идет о некоем меньшинстве, либо в целом вписывающемся в общепринятые рамки, либо не пытающемся противопоставить свою специфическую особенность привычкам других. Только при этом молчаливо предполагается, что политкорректность носит некий однобокий характер: большинство не оскорбляет меньшинство. Что же касается последнего, то тут политкорректным объявляется признание его права на оскорбление этого большинства.

Можно любить Путина или ненавидеть его. Но как минимум нужно признавать право других думать наоборот. Можно любить или не любить Ленина, Сталина или большевиков, но политкорректность предполагает, что если в обществе есть сколько-нибудь значительная часть людей, для которых их имена сакральны и есть имена их смыслов и ценностей, эти имена не могут подвергаться уничижительному употреблению. А поскольку таких людей большинство даже среди тех, кто поддерживает власть, равно как и среди тех, кто находится к ней в оппозиции, то оскорбительная лексика в отношении их является оскорблением и неполиткорректностью по отношению к большинству общества.

Политкорректность нужна и возможна. Она признак цивилизованности и достоинства. Только она не может быть избирательной, она должна быть обоюдной. Политкорректность не исключает вражды — она закрепляет ее.

Но и язык вражды — не столько причина, сколько производная от самой вражды. **Нельзя создать общество со**

звериными нравами и враждебными друг другу интересами и сетовать, что оно говорит на языке вражды. Самое большее, что можно и нужно требовать, так это чтобы язык вражды всё же оставался политкорректен. Ограбленные не могут не враждовать с теми, кто их ограбил. И не могут не артикулировать свои требования. Не устранив вражду, нельзя устранить язык вражды. А чтобы устранить вражду, нужно устранить враждебные интересы.

Гуманизм предполагает гуманность к людям. Чтобы на него претендовать, нужно быть человеком. Человек — существо социальное, то есть общественное. Как ни покажется странным, но вне общества человек примерно в течение двух лет сходит с ума. Но в любом случае, чтобы говорить о человеке, нужно определиться, где он начинается. Начинается он там, где у его биологической основы появляются ценности большие, чем его биологическое существование.

Поэтому покушение на те или иные ценности — самое большое преступление против человека.

Общество и человек одинаково значимы. Поскольку общество — условие существования и возможности развития человека, его способности могут быть реализованы только в обществе. Это уж признано даже вполне анархической Всеобщей декларацией прав человека.

Договариваться могут люди, то есть существа, обладающие ценностями, но не люди с животными, то есть существа, ценностями обладающие, и существа, ценностями не обладающие.

Общество не может быть более важно, чем человек, а человек не может быть более важен, чем общество, одно без другого не существует.

Общество, безусловно, не обладает никакой сакральностью, и те, кто произносит с придыханием «общество», либо валяют дурака, выдавая за общество себя, либо занимается самоидентификацией.

Но общество обладает фактичностью: это те же люди, находящиеся вокруг. И имеющие право жить так, как они хотят. Если кто-то хочет вести себя вести образом, приводящим к раздражению окружающих, они вправе этого не терпеть и

принуждать его к тому, чтобы он в присутствии окружающих вел себя так, чтобы они не раздражались.

Если некая группа строит некое помещение для того, чтобы там вести себя определенным образом, она не может требовать, чтобы окружающие туда ходили, но она может требовать, чтобы посетители этого заведения вели себя там так, как нравится его создателям, и неважно, называется ли это здание храмом, рестораном, цирком, борделем и т. д.

Те, кому не нравится тот или иной стиль поведения, имеют право в данное заведение не ходить и имеют право запретить существование этого заведения, если у них есть такая возможность. Но не имеют права туда приходить и нарушать правила поведения в нем.

Свобода протянуть руку, как известно, заканчивается там, где начинается нос другого.

То есть если одному хочется вести себя таким образом, который не нравится другому, его свобода на это не распространяется. Хочешь встать на голову и помахать мизинцем, а окружающих это оскорбляет? Иди в лес и там маши. Просто потому, что у них есть право не видеть, как ты машешь ногой, если им это не нравится. Это уже их свобода.

Определяется все, в конечном счете, тем, кого больше и кто кого способен реально ограничить. Но поскольку нормальным людям есть еще чем заняться, кроме как драться с теми, кто ведет себя неприятным для них образом, то есть им еще нужно время на то, чтобы работать, ходить в музеи, читать книги, заниматься детьми и бытом, они и поручают определенным получающим зарплату людям следить за порядком. И называют этих людей государством. Вопрос о том, что последнее часто выходит из-под контроля и пытается данную ему власть для охраны граждан монополизировать, существует, но это другой вопрос.

Можно сколько угодно эпатировать, демонстративно противопоставляя себя обществу и сознательно его раздражая. Но, во-первых, даже этот эпатаж возможен только в обществе, то есть, чтобы иметь возможность общество оскорблять и ниспровергать, нужно пользоваться благом существования

в нем. И уже самым правом на эпатаж человек обязан существованию общества. А во-вторых, общество может этот эпатаж терпеть, но не обязано. И имеет право себя от него избавить.

Свобода не в том, чтобы вести свой корабль на рифы. Свобода в том, чтобы рифы обходить.

1.2.2. Идентификация именами как идентификация исторической деятельностью

Право на имя. Граждане имеют право на привычную им культурную среду. И каждый человек имеет право жить на улице с тем названием, которое она носила, когда он был подростком.

Инициативы тех или иных экзотических меньшинств, призывающих к тем или иным переименованиям отчасти того, что им не нравится, но больше того, что, как им кажется, в случае переименования даст им некоторую эпатажную известность, возникают со времен перестройки. Иногда они активизируются, иногда затихают. Что получается, когда эти инициативы полностью реализуются, показала в последние годы Украина.

Хотя, треть века назад, — пример подала Россия.

На фоне и, очевидно, под воздействием нескольких последних скандалов с инициативами по новым переименованиям тех или иных значимых объектов и разгоревшихся вокруг этого скандалов, ВЦИОМ еще в 2009 году провел опрос об отношении населения к самой идее переименования¹¹. Данные он получил интересные, но интерпретировал их вполне в своем духе.

В результате были достаточно произвольно анонсированы три вывода.

Первый. Относительное большинство россиян (41 %) допускает переименование городов, улиц, вокзалов и других объектов, треть (33 %) категорически против.

¹¹ ВЦИОМ. Право на имя: россияне о переименовании городов, улиц, вокзалов. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2218> (дата обращения 23.10.2019).

Второй. Главные аргументы в пользу переименования — возвращение исконных названий (15 %) и увековечивание памяти выдающихся личностей, событий (8 %).

Третий. Против переименований россияне выступают из-за денежных затрат и опасности забывания и искажения истории.

Здесь главным выглядит первый вывод, суть которого при данной подаче воспринимается как «большинство граждан выступает за переименование объектов». Однако, работая с материалами ВЦИОМа, как минимум нужно проверять анонсируемые им выводы, сравнивая их хотя бы с его же цифрами.

И тогда что же получается на самом деле?

В анонсе ВЦИОМа 41 % допускает переименование, то есть что откладывается в восприятии: 41 % за переименование, тогда как 33 % против. Остальные исчезают неизвестно куда.

На самом деле цифры совсем иные, причем именно в том самом исследовании ВЦИОМа, которое он анонсирует.

Первый вариант ответа: «Безусловно отрицательно, считаю переименование недопустимым ни при каких обстоятельствах» — действительно набирает 33 %, но, в отличие от заявляемого ВЦИОМом, **составляет как раз относительное большинство**, поскольку ни один из вариантов ответа больше этого числа не собрал.

Второй вариант: «Безусловно положительно, считаю, что объектам обязательно надо возвращать исторические названия» — то есть то, что ВЦИОМом объявлялось большинством, **набирает самое малое число голосов в поддержку — 14 %.**

Третий вариант: «В целом переименование нежелательно, но допустимо при особых на то причинах» — набирает 27 %.

При этом 21 % заявляет, что им это безразлично.

Никакой цифры в 41 % в данных ВЦИОМа просто нет. Он ее ну не то чтобы выдумал, но произвольно сконструировал. Он просто взял 14 % выступающих за переименование и плюсовал к 27 %, которые относятся отрицательно, но в крайнем случае допускают. **Слова «в крайнем случае» опустил.**

Его цифры реально имели значение «**большинство относится к переименованию негативно (33 % + 27 % = 60 %)**»,

то есть практически две трети негативно, и лишь 14 % — абсолютное меньшинство, одна седьмая часть — позитивно, то есть общий счет 60 / 14, практически 80 / 20, против переименования, подавляющее большинство активных — против переименования.

Суммированием практически полярных категорий — тех, кто за и тех, кто против, но в крайнем случае готов согласиться, — ***превращается абсолютное меньшинство 14 % в относительное большинство — 41 %.***

Представьте себе опрос: «Вы готовы отказаться от обуви и ходить по улицам босиком?» И ответы: «Ни в коем случае» — 33 %; «Готов» — 14 %; «Вы что, сдурели? Разве что в крайнем случае!» — 27 %; «Мне всё равно, я не выхожу из дома» — 21 %.

И последующая интерпретация ВЦИОМа: «Большинство граждан страны (41 %) готовы отказаться от ношения обуви, и лишь меньшинство — 33 % — выступает против». Вывод: прекращаем производство обуви ради экономии государственных средств в период кризиса.

Если же говорить о различных политических сегментах общества, то оказывается, что негативно (то есть либо абсолютно против наименования, либо негативно, но при допущении лишь в крайнем случае) относится 59 % сторонников «Единой России», тогда как позитивно — 13 %, меньше, чем по стране в целом.

У КПРФ, что неудивительно, негативно к переименованиям относится 74 %, тогда как позитивно — 9 %.

У ЛДПР, соответственно, негативно 60 %, позитивно — 20 %.

У «Справедливой России» негативно 64 %, положительно — 18 %.

У объединенных ВЦИОМом в одну категорию «Правого дела», «Патриотов России» и «Яблока» отрицательно относится 54 %, положительно — 23 %.

У не намеренных голосовать: отрицательно — 55 %, положительно — 15 %.

Сторонники всех политических партий, представители всех частей политического спектра в абсолютном своем

большинстве против переименований, не желают их. Самая маленькая доля таких — 54 %. Самая большая доля поддерживающих переименования — 23 %. Это там, где «Правое дело» и «Яблоко», оно и понятно. *Но и в этой группе отношение «против» к «за» составляет 2/1.*

Почему и что заставляет их так считать? Политический заказ.

Вопрос **«Как вы относитесь к переименованию городов, улиц, вокзалов и пр.?»** формально не несет в себе политики. Но реально это сугубо политический вопрос. И потому, что касается истории вообще (кстати, вопрос имени — это вообще реально политический вопрос). И потому, что задается в реальном политическом поле.

Конечно, формально он относится в равной мере как к тому, чтобы переименовать в свое советское название Большую Коммунистическую, так и к тому, чтобы лишить своего имени станцию метро «Войковская». Как к тому, чтобы вернуть городу, выдержавшему Ленинградскую блокаду, имя, под которым он его выдерживал, так и тому, чтобы отобрать имя у города Киров.

Но при общем доминировании желаний властей речь идет именно о переименовании сохранивших советские названия объектов.

Если большинство, как утверждает ВЦИОМ, за переименования, то в таком контексте нужно переименовывать. Если, как показывают реальные цифры того же ВЦИОМа, большинство относится к переименованиям отрицательно, то вроде бы не совсем с руки.

Вот и появляются интерпретации и формулировки вопросов вроде недавнего: «Вы за русских или за социальную справедливость?»

Приходится проявлять изобретательность. Тем более что полгода до названного опроса ВЦИОМ подобное исследование уже проводил: с более четкими и корректными формулировками, давшее сущностно подобный же результат¹².

¹² ВЦИОМ. Символы коммунизма: историческая память или пережиток прошлого? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2423> (дата обращения 23.10.2019).

Это было в конце декабря 2008 года.

Был задан вопрос: **«Какое из следующих суждений о символах коммунизма (названия улиц и площадей, серп и молот, памятники и т. п.) скорее соответствует вашему мнению? (закрытый вопрос, один ответ)».**

И были получены результаты.

Первый вариант ответа: *«Символы коммунизма — это часть нашей истории и их необходимо сохранить»* — 65 % (!) граждан.

Второй вариант: *«Символы коммунизма — это пережиток прошлого и от них необходимо избавляться»* — 20 %.

Третий: *«Символы коммунизма необходимо восстанавливать»* — 5 %.

Затруднились с ответом 10 %.

Иначе говоря, 70 % выразили положительное отношение к сохранению символов коммунизма и к ним самим, 20 % — негативное.

При таких цифрах нетрудно предположить, что не слишком отличаются они и в электоратах различных партий. И оно действительно так.

Среди сторонников «Единой России» за сохранение символов коммунизма выступили те же 65 %, что и по стране в целом, за восстановление — 4 %, за избавление — 22 %.

Среди сторонников КПРФ, соответственно, 75, 15 и 5 % — за избавление! (*Интересные сторонники у КПРФ*).

Среди сторонников ЛДПР оказалось 69 % за сохранение, 1 % — за восстановление, 22 % (как у ЕР) — за избавление.

Среди сторонников «Справедливой России» за сохранение — 81 % (существенно больше, чем у КПРФ), за восстановление — 5 % (ровно как по стране в целом), за избавление — 11 %. Интересно, что среди них и наименьшее число неопределившихся: если у КПРФ их 6 %, то у эсэров всего 3 %. Наверное потому, что в те прежние годы эсэры как-никак считались «советской партией». Одним из обвинений, которые они выдвигали против большевиков летом 1918 года, вслед за чем и подняли против них восстание (6 июля 1918 года), было обвинение в том, что большевики никак не расстреляют

царя. Так что уж, конечно, не они бы стали переименовывать. Скажем, Каляевскую — в улицу великого князя...

Однако интересно и другое. ВЦИОМ тогда привел данные и по возрастным категориям. И оказалось, что, хотя позитивное отношение к символам коммунизма и несколько убывает возрастом, оно всё равно остается доминирующим во всех возрастных группах. А негативное — во всех от него существенно отстает.

Так, в группе «60 лет и старше» за сохранение этих символов высказались 73 %, за восстановление — 7 %, за избавление — 11 %.

В группе 45–59 лет за сохранение — 71 %, за восстановление — 6 %, за избавление — 15 %.

В группе 35–44 года за сохранение — 65 %, за восстановление — 3 %, за избавление — 23 %.

В группе 25–34 года за сохранение — 62 %, за восстановление — 3 %, за избавление — 25 %.

В группе 18–24 года за сохранение — 48 %, за восстановление — 3 %, за избавление — 35 %.

Вообще вопрос о подобном соотношении доли многих оценок советского периода с возрастными изменениями — вопрос отдельный и интересный. Ведь каждый раз получается, что более положительные оценки дают те, кто видел ту жизнь своими глазами. А отрицательные — те, кто только слышал о ней что-либо из враждебных ей СМИ. Но это отдельный вопрос. В данном случае дело в другом.

Даже при всех этих обстоятельствах в самой неблагоприятной для советской символики возрастной группе положительное отношение к ней (51 %) в полтора раза превосходит отрицательное (35 %). И во всех группах политических, возрастных (так же как образовательных и территориальных) — положительное отношение к символам коммунизма доминирует либо превышает негативное отношение к ним.

Тогда же ВЦИОМ предложил и другие варианты ответов на этот же вопрос.

Первый: «Памятники коммунистическим деятелям не должны подвергаться сносу» — 60 %.

Второй: «Памятники коммунистическим деятелям нужно перенести в другие места» — 12%.

Третий: «Памятники коммунистическим деятелям необходимо снести» — 8%.

Четвертый: «Памятники коммунистическим деятелям, которые были снесены, нужно вернуть на свои места» — 8%.

И получилось, что в этом случае за снос памятников вообще выступает подавляющее меньшинство — 8%, при том что **80% так или иначе определенно не поддерживают идею сноса.**

Не получается. И с одной, и с другой стороны всё равно оказывается, что не хочет российское общество отказываться от символов коммунизма.

1.2.3. Вирулентный потенциал мультикультурализма

Мультикультурализм возможен тогда, когда он устраивает коренное население страны или области. И невозможен, если он последних не устраивает, потому что они тоже люди и имеют право там, где они проживают, устанавливать свои порядки. Никто не пытается оспаривать право мусульман не пускать в мечеть людей в обуви, христиан — не пускать в церкви людей, не снявших головной убор, а иудеев, наоборот, не покрывших голову.

Право народов на культурную самобытность не может читаться односторонне исключительно как право более «отсталых» не принимать культуру «более развитых». То есть это не только право народов неевропейской зоны сохранять свои привычки и среду. Это в не меньшей степени право европейцев ограждать себя от того, что они рассматривают как варварство или в любом случае как некий чуждый им образ жизни, нарушение тождественной им бытовой и культурной среды.

Это вообще лукавство концепции толерантности, предполагающей, что житель европейской страны должен проявлять «толерантность», то есть терпимость, «терпеть» непривычное для него поведение гостей своей страны, а последние

имеют право не считаться со сложившимися культурными нормами тех, кто эту страну основал и развивал в течение столетий.

Другое ее лукавство в том, что, требуя терпимости к неприличному, она требует и терпимости цивилизованности по отношению к варварству.

Если французы не хотят жить бок о бок с цыганами, это их дело. Если это и происходит сегодня, то не в силу средневековых предрассудков, а в силу того, что последние не интегрируются во французскую социокультурную среду, то есть не перенимают образ жизни французов. Но у них есть выбор: либо жить во Франции, но так, как живут французы, либо жить так, как им нравится, но там, где население будет воспринимать это без эмоционального неприятия. Или поставить перед ООН вопрос о выделении им некой на сегодня свободной от заселения и необжитой территории. Обживут — станут на ней хозяевами.

Если политические, государственные и общественные деятели других стран, осуждающие Францию за ее желание сохранять свою уже во многом утраченную идентичность, считают, что последняя не является ценностью, им можно только предложить воспользоваться своим правом пригласить депортированных из Франции к себе на родину.

В России, как говорят данные «Левада-Центра», не сложилось однозначного отношения к решениям Франции по этому вопросу: 23 % опрошенных их поддерживает, 29 % относится отрицательно. Остальные либо безразличны, либо не могут определиться с ответом. Соответственно, 30 % граждан полагает, что на территории России нужно ограничить проживание этого этноса. Вообще в России население еще терпимо к проживанию тех или иных народов, нетерпимость проявляет не более примерно трети населения.

Но опять-таки негативное восприятие возникает обычно не на основе этнического разделения. Вопрос не в этнических различиях, а в том, ведет себя представитель того или иного народа раздражающим образом по отношению к привычкам коренного населения или не ведет. Демонстрирует

он ей свое уважение или демонстративно игнорирует устоявшийся образ жизни и представления о приличиях.

И вот тут действительно существует большая проблема Европы.

Дело в том, что, когда в позапрошлом или в первой половине прошлого века Европа принимала мигрантов из других частей света, она была способна представить им реальный образец для адаптации. Она представляла сложившуюся великую культуру, систему ценностей и образы жизни, которые воспринимались как более совершенные и заслуживающие усвоения, подражания и адаптации.

Она представляла внятную аксиологию, свое внятное представление о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Мигрантов было относительно немного, культура впечатляла, аксиология была фундаментальна.

И мигранты видели то, что выглядело значимым на фоне их собственных культуры и систем ценностей, то, во что имело смысл интегрироваться, тем более что эта интеграция открывала путь к тому или иному жизненному успеху.

Архаика сталкивалась с Модерном — и уступала ему, ассимилировалась в нем.

Одновременно и по другим, и по этой причине миграция становилась всё более массовой. Но европейская культура становилась всё более размытой — и даже не теми потоками, которые приносила миграция, а собственными противоречиями и обнаруживавшимися тупиками.

По различным причинам ей не удалось разрешить эти проблемы и прорваться в Сверхмодерн, она стала распадаться в Постмодерне. Аксиология стала терять четкость, утверждался моральный релятивизм, легитимизировалось представление о множественности истин. Понятия зла и добра утрачивали свою определенность и целостность.

Архаика теперь сталкивалась не с целостностью, молодостью и силой Модерна, а с расслабленностью, старостью и неопределенностью постмодерна. Первому она уступала, но второй капитулировал перед ней. Для носителя архаики было абсолютно непонятно, почему он должен ассимилироваться

в том, что не несло в себе ценностей и значимостей, соотносимых по внутренней энергии с его миром. Одно понимание добра можно сменить на другое, более впечатляющее. Но тому, кто имеет в себе одно понимание добра, нет смысла менять его на отказ от признания значимости добра как такового.

Веру в Магомета можно сменить на веру в Христа. Можно — на атеизм, то есть веру в человека, его разум и его возможности. Можно признать, что ты почитал не того бога. Можно согласиться, что бога нет. Но невозможно веру в бога поменять на утверждение о том, что вообще неважно, в кого и во что верить.

Для мигранта из другой части света Европа представлялась не творцом и носителем великой культуры, а разлагающимся вертепом, в котором его готовы принять не потому, что признали другом, а потому, что утратили понятие врага.

И этих мигрантов становилось всё больше и больше, у них появлялась альтернатива ассимиляции — создание своих цивилизационно-культурных бытовых очагов консолидации. И они, противопоставляя себя Европе в ее постмодернистском обличье, говорят ей: «Мы имеем своего бога. Ты не имеешь ничего. У нас есть ценности и сакральные начала — у тебя их нет. Во что мы должны ассимилироваться? Покажи?» И ответить Европе нечего.

Нельзя интегрироваться и ассимилироваться в то, что не имеет собственной идентификации, ведь если это произойдет, ты сам утратишь собственную идентификацию.

Поэтому первая проблема Европы — сказать чужим: «Вы чужие». Если вы хотите жить во Франции, то вы должны жить и говорить по-французски. Если хотите жить в Германии, то вы должны жить и говорить по-немецки. Если хотите говорить по-турецки, то живите в Турции. Хотите жить, соблюдая арабские традиции, живите в арабской стране.

Но уже то, что это приходится говорить (а это нужно говорить), есть признак слабости. Признание того, что, приехав в Германию, араб не видит того, что он мог бы признать как более высокий уровень культуры и цивилизации, а видит то, что оказывается слабее, холоднее, меньше его традиционной системы.

То есть Европе (Франции, Германии и т. д.) нужно восстановить европейскую самоидентификацию и быть способной сказать: «Вот то, что я есть. Вот мои ценности. Вот за что их носители готовы умирать».

И сделать это можно либо на пути Контрмодерна, как пытался сделать это Гитлер и как это делает современный исламский фундаментализм, либо на пути Сверхмодерна, то есть на пути, по которому пытался пойти Советский Союз.

Либо Европа сумеет перейти в тот или иной вариант Сверхмодерна, либо она будет поглощена тем или иным вариантом Контрмодерна: наступающим исламским или реанимированным национал-фашистским.

Право на жилище и его неприкосновенность — это не только право на четыре стены и крышу. Это право на комфортную и привычную бытовую и культурно-цивилизационную среду. Это право на обладание своей идентичностью. Это право принимать в гости того, кого ты хочешь видеть, а не каждого, кому нравится твое жилище. И это право на понятия «друг» и «враг», «добро» и «зло», «свой» и «чужой».

1.3. Кризис идентификаций эпохи Модерна и формирование образцов позитивно-деятельностной культуры

1.3.1. Модерн и Сверхмодерн

Жесткое разделение и противопоставление мира традиции и Модерна, то есть мира, казалось бы, разума, вообще изначально неверно. И следование традиции, и следование рациональному — лишь два этапа развития цивилизации и познания мира. Есть три момента ошибочности их противопоставления.

Первый — мир традиции сам был не первичен, ему предшествовал мир своего рода накопления и формирования знаний и традиций. Мир, условно говоря, «рассудочности», готовый к познанию, но еще не оперировавший категориями абстрактного и универсального. Не несший в себе представления о единстве мира и его законов.

Когда в Римской империи он приходит к некоему чувствуванью факта такого единства, но ему еще не хватает знаний, чтобы объяснить это единство рационально, побеждает монотеизм, с одной стороны выведший признание единства мира из имевшегося опыта на уровне принятия традиции такого единства — как в представлениях о внешнем мире, так и представления о морали, ценностях — как мире внутреннем. То есть сама традиция строилась всегда на принятии опыта рационального и не всегда рациональном его толковании.

Второе. Переход уже к миру рациональности не был оторван от традиции, а на ней основывался. Гуманизм Просвещения и Возрождения был бы невозможен без гуманизма как Античности, так и христианской (мусульманской, кстати) эпохи.

Просто традиция развивается. Накоплены научные знания и научный аппарат, позволяющий рационально объяснить единство мира. Вера в разум, в человеческую способность познания мира и самого человека сама становится традицией. Рациональность может утвердиться лишь потому, что ее почитание и признание само становится традицией.

И когда формировалась идеология либерализма, в основе ее лежали именно ценности. Вообще, любая идеология при всем рационализме ее отношения к миру основывается на аксиологии, на ценностях. А ценности всегда есть продукт развития традиции. И это были свобода, разум, собственность: человек рожден свободным, и от рождения он обладает достаточной разумностью, чтобы распорядиться и своей свободой, и своей собственностью. Причем полагалось, что, если человек окажется лишен собственности, он на деле окажется несвободен, потому что попадет в зависимость от тех, кто этой собственностью будет обладать.

И ценимые сегодня традиции Возрождения и Просвещения — это тоже традиции, равно как и традиции той или иной мировой религии. И, скажем, Аристотеля почитали и древние греки, и считавшие его божественным христиане, и мусульмане. И просветители. И Маркс с Лениным.

Третье. Тот мир, который мы считаем миром традиции, то есть существовавший до эпохи Модерна, пришел к кризису и

уступил место Новому времени потому, что почитание традиции, выросшей из прежнего познания, стало отставать от развития в ее же рамках накапливаемого познания. Оторвалось от рациональной основы, стало ее сковывать. Вступило с ней в борьбу и проиграло.

Но точно так же мир Модерна, попытавшись уйти от тех ценностей, на которых основывался, провозгласить аксиологический релятивизм и тезис о том, что нет универсальной истины — у каждого своя истина, начал умирать, остывать. Рациональность без ценностей убивала в человеке человеческое, а человеческое в нем — это именно обладание ценностями, чем-то большим, нежели его сугубо физиологическое существование.

Всё в Модерне превращалось в его противоположность. Признание человека высшей ценностью заменялось признанием его права остаться животным. Признание права на свободное поведение разумного человека — правом на свободу от разума. Признание права на свободу совести — правом на свободу от совести. Свобода собраний — свободой шабашей. Свобода слова — свободой клеветы. Право на собственное мнение — правом не считаться с чужим. Признание прав меньшинства — правом меньшинств на диктат по отношению к большинству.

Наступал Постмодерн с его моральным и ценностным релятивизмом и провозглашением множественности истин.

Остывание и вырождение Модерна, который, отрекшись от собственных основ, стал превращаться в своеобразное неоязычество, началось еще сто лет назад. Общество той же Европы ощущало, что рациональность без ценностей ему не нужна так же, как не нужны иррациональные ценности.

И первым мятежом против ухода ценностей стал фашизм, Контрмодерн, который призвал к ценностям вернуться — к миру ценностей, варварства, примордиальности. Контрмодерн говорил, что человеку есть за что умирать, — остывающий Модерн утверждал, что жизнь превыше всего и умирать не за что. И когда они пришли в лобовое столкновение, оказалось, что тот, кому есть за что идти на смерть,

всегда сильнее того, кто хочет жить во что бы то ни стало. Оказалось, что остывающий Модерн, рациональность без ценностей не может вообще ничего.

И он бы не пережил этого нашествия. Его тогда спасло одно — существование триумфально развившегося в России / СССР мира Сверхмодерна.

Те, кто говорят, что Россия существовала вне воздействия эпох Возрождения и Просвещения, просто ничего не понимают в русской истории. Да, их воздействие сказалось на России позже. Но и от Ломоносова, и от Пушкина — весь XIX век Россия жила идеями Возрождения и Просвещения. Можно, конечно, говорить, что русские крестьяне XIX века не читали Вольтера, но его не читали и французские крестьяне XVIII столетия.

Модернизация России (в конструктивном смысле слова, а не в смысле вестернизации) имела ту уникальную особенность, что при утверждении рациональности не были разрушены ценностно сакральные ядра. То есть сохранялось единство традиционного и рационального. Именно в этом была суть советского проекта — равновесие сакральности и рациональности. Поэтому французы сдали Париж, а голландцы — Амстердам. Советские люди не сдали ни Ленинград, ни Москву и насмерть стояли в Сталинграде. Кто во Франции встал во главе Сопротивления? Консерватор, националист де Голль и компартия Франции — носители традиции и носители Сверхмодерна.

Говорить сегодня, что Россия «недомодернизированная страна» и звать к избавлению от традиционного — значит звать не к ее модернизации в классическом смысле слова, то есть не к рациональности XVIII века, а к постмодернизации, основанной на вырождении в первую очередь традиции рационального и, более того, всего человеческого.

Точно так же просто методологически неверно центральным началом успеха и конструктивной модернизации (даже если только говорить о старом Модерне, а не о Сверхмодерне) считать правовое государство и первенство законов.

По ряду причин. Во-первых, закон признаётся и работает только тогда, когда он сам становится частью традиции.

А значит, подтверждает себя рациональностью и признанием его моральной обоснованности. Право потому и является правом, что предполагает санкцию за несоблюдение. Но санкция в полной мере сработает лишь тогда, когда за законом будет признан некий моральный авторитет. Если в основе закона не будет лежать традиция, мораль и, соответственно, некая доля справедливости, никакие санкции не обеспечат его соблюдения. Наполеону удалось утвердить свой великий Кодекс лишь потому, что, диктуя его и жестоко принуждая к его соблюдению, он опирался на моральные интенции Великой Французской революции.

С законами в России часто были проблемы, и афоризм о том, что строгость законов уравнивается необязательностью их соблюдения, родился именно потому, что власть, провозглашая их, слишком часто игнорировала то, чем жил народ. Если считать, что народ жил традицией и сакральностью, а власть — рациональностью, то тут еще есть большой спор о том, кто чем должен поступиться. «Будучи регулятором социального поведения людей, политическое сознание выражается в тех или иных доктринах, концепциях, теориях, нормах, обычаях, утопиях (антиутопиях) и фиксируется в конституциях, программах, манифестах, заявлениях, лозунгах и т. д.»¹³.

Но то же рациональное сознание приводит к выводу, что, если кажущиеся рациональными законы будут противоречить живущим в народе традиционным основаниям, традиции сметут либо обесмыслят любые благие пожелания власти. А власть, принимающую законы, которые будут отвергнуты обществом, вряд ли можно считать носителем рациональности и современности. Вообще, если уж говорить о ценностях Модерна, то он рассматривает народ в качестве единственного суверена. И власть имеет право принимать только те законы, которые готов воспринять народ.

Кстати, сам принцип правового государства — «суверенитет права», власть, ограниченная законом, — можно рассматривать в двух сопоставлениях. В первом он прогрессивен,

¹³ Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 38.

когда речь идет о сопоставлении его с суверенитетом власти, то есть ее произволом. Во втором он реакционер, когда речь идет о его сопоставлении с «суверенитетом народа», то есть приоритетности его воли.

Второй момент ошибочности утверждения о значимости правового государства как ведущего начала Модерна — то, что именно с точки зрения современных западных теорий правовое государство — это важный и значимый, но далеко не верховенствующий политико-институциональный вывод. Это так называемый третий уровень государственности из пяти. Выше его социальное государство, еще выше экологическое государство, хотя считается, что его формирование и на Западе не завершено.

И любой политик на Западе, который сегодня провозглашает, что «закон выше справедливости», будет освистан даже этим постмодернистским обществом.

Да, критическое осознание тех или иных традиций — естественно, необходимо и важно. Но, во-первых, критическое, а не нигилистическое. Во-вторых, не допускающее насмешки и оскорбления над теми, кому, пусть и устаревшая, традиция дорога. В-третьих, отвергая одни традиции, нужно и создавать другие. И находить в прошлом те, на которые ты сможешь опереться — и так или иначе почитаемые народом. В-четвертых, сама по себе рациональность выступать движущим мотивом действия вообще не может. Человек никогда не будет следовать чисто логическим доводам, если не признает разум и логику ценностью.

Для следования рациональному пути нужно, чтобы рациональность уже стала частью эмоционального.

«Политика разумна и рациональна в том фундаментальном смысле, что своей борьбой, своими событиями и непреднамеренными следствиями она определяет то, чем быть разуму и рациональности в данный период и в данной культуре»¹⁴.

Проблема России сегодня не в том, что она «недомодернизирована», а в том, что ее насильственно уже четверть века

¹⁴ Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М.: МГУ, 2004. С. 204.

пытаются повернуть от развития в форматах Сверхмодерна — соединения рационального и традиционно-ценностного — к Постмодерну, доминированию ущемленной и выхолощенной рациональности, разорвавшей с традицией и ценностями, сегодня на своей же родине в Европе и США находящейся в абсолютном моральном кризисе, который был признан уже и Меркель, и Кэмероном, и Саркози, и из которого они сами не знают, как выбираться.

Кстати, тот же творец концепции информационного общества Элвин Тоффлер, описывая его, говорил, что именно в этом мире в результате поворота от унификации к персонализации будет происходить повышение традиционно-ценностных оснований.

Если же говорить о степени справедливости тезиса о том, что «рациональный тип поведения и сознания напрямую зависит от способности человека жить в политической и духовной свободе»¹⁵, то он не будет иметь смысла, если не уточнить, что сама свобода очень разнится для дикаря и для цивилизованного человека. Для первого это свобода от запретов. Для второго — свобода в запретах и в добровольном их принятии. Свобода для одного — сжечь Рим. Для другого — построить собор Святого Павла.

Для человека классического Модерна интеллектуальная свобода — в способности читать и осмысливать Вольтера. Для человека Постмодерна — в праве бросить его в костер со словами: «На свалку рухлядь!» Для человека Сверхмодерна — в способности и потребности его переиздать и перечитать со словами: «Коммунистом можно стать, лишь усвоив сумму знаний, накопленных человечеством».

Свобода вообще имеет ценность лишь тогда, когда базируется на принятии традиционных ценностей, в том числе гуманизма и разума. Потому что без этого она окажется свободой разрушения. Свободой надругательства над святынями.

¹⁵ Межуев В. М. Разум и менталитет (к вопросу о соотношении интеллектуального и духовного). Личность. Культура. Общество. Автономная некоммерческая организация «Независимый институт гражданского общества» (Москва) Том: 14. Номер: 3 (73–74) Год: 2012. С. 285–293.

Свободой унижения сохранившего верность цивилизационной традиции.

И неверно говорить, что «гражданское общество, о котором сейчас много говорят и пишут, не стало еще в России повседневной реальностью, не втянуло в себя массу населения»¹⁶. Точнее, говорить так — значит просто быть незнакомым с научным пониманием категории «гражданское общество». Потому что гражданское общество — это не какие-то особые люди, предъявляющие свои требования к государству и для этого созревшие.

Гражданское общество — это совокупность отношений в обществе, не опосредованная государством. То есть это не те, кто себя чему-то противопоставляет и «обращается к языку права». Это все, кто в обществе живет не только в отношениях с государством. И обращается в первую очередь к языку справедливости. Потому что язык права — это язык в той или иной степени формальной условности, язык справедливости (которая, конечно, разными классами понимается по-разному), язык существа. Гражданское общество — как раз мир частных и корпоративных интересов, государство — скорее мир общих, хотя здесь есть свои спорные моменты.

Именно подданный говорит о своих правах, дарованных ему тем или иным основанием. Гражданин будет говорить в первую очередь как раз о справедливости. Права ценны тогда, когда из справедливости вытекают, а вызывают безразличие, когда не имеют к ней отношения.

И не очень грамотно говорить, что «модернизация» (даже в ее изначальном значении) несовместима «с жизнью по обычаям старины». Потому что англичане, совершая свою модернизационную революцию, говорили о заветах раннего христианства, об обычаях старой доброй Англии, о нормах Великой Хартии вольностей, принятой в 1205 году. Французы, совершая свою, апеллировали к тому, что они «потомки вольных франков», и к интеллектуальному наследию Античности.

¹⁶ Там же.

Американцы, восставая против английского короля, также опирались на нормы 1215 года, а составляя свою двести лет действующую конституцию, в ее основе опирались на Мэйфлауэрское соглашение, составленное и подписанное за сто пятьдесят лет до этого.

Отрицание традиции во имя Модерна порождает не интеллектуально свободных людей, а безграмотных манкуртов. А Модерн, отбрасывающий связь с породившей его традицией, вырождается в декаданс Постмодерна и либо разлагается и сгнивает, либо падает под ударами Контрмодерна, если ему на помощь не приходит развивающийся по соседству Сверхмодерн.

1.3.2. Эмоционально-возвышенное мироощущение и позитивно-деятельностная культура

Верно, что успешная политика всегда есть искусство возможного, если правильно понимать это выражение. Однако не менее верно, что часто возможное достигается лишь потому, что стремились к стоящему за ним невозможному.

Макс Вебер

Политика как романтика. Возможен вопрос: можно ли вообще соотносить политику и романтику? Вот как ни пытаются подчас соотнести политику и этику, они не соотносимы. Потому что первый постулат этики — отнесись к другому так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе. А первый постулат политики — заставь другого подчиниться.

То есть сделай с ним то, что не хочешь, чтобы сделали с тобой.

Отсюда политика всегда а-моральна. Мораль всегда а-политична. Не в том смысле, что политика всегда безнравственна, а мораль — всегда акратична. А в том, что они есть разные плоскости. У каждой сферы деятельности свои представления о, скажем, гигиене. Нормы гигиены, императивно необходимые для хирурга, нелепы и контрпродуктивны для каменщика.

В политике не столько важно что ты делаешь, а во имя чего и с каким результатом. То есть важна некая «полисность».

«Когда речь идет о так называемых жанрах “политического” искусства, мы имеем дело с произведениями, где политические мотивы “переплавлены” художественным отношением к ним автора, высвечены с точки зрения человеческой свободы вообще. К примеру, монументальное искусство Латинской Америки 60–80-х годов (Д. Ривера, Д. Сикейрос и др.) наряду с освободительными мотивами, навеянными историей континента, характеризуется всеохватностью жизни, безмерностью, видением многосложности стихии жизни, экспрессивностью, непредсказуемостью»¹⁷.

Знаменитая фраза Аристотеля о том, что «человек есть животное политическое», в сути своей означает не то, что человек есть животное, поселившееся в городе, а то, что человек есть животное, переставшее быть животным, вышедшее за пределы своего животного состояния.

И в этом смысле в чем этот выход? Привычный ответ «в труде» верен и естественен. В конце концов, он базов. Особенно если рассматривать труд не как «катание тачки», а как «строительство храма». Как созидание. Как творчество.

Определение Аристотеля и нечто иное, большее. А именно, что человек имеет некие ценности сообщества, полиса, то есть человек тем и отличается от животного, что имеет нечто большее, чем его собственное биологическое существование, нечто, за что он готов умирать. Человек, в конце концов, меряется своей смертью. Масштабом того, за что он готов отдать свою жизнь.

Чем, с этой точки зрения, отличаются Горбачев и Гитлер? Тем, что Гитлер, при всей ужасности своей фигуры, как оказалось, имел нечто, заставившее его умереть. А Горбачев не имел. То есть, как ни парадоксально, Гитлер был человек ужасный. Отвратительный, жестокий — но человек. А Горбачев — животное. В известном смысле ласковое, мирное и безобидное. Но бесчеловечное по масштабу изуверства своих авантюр.

¹⁷ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 193.

То, за что, так или иначе, готов умереть человек — это полисность. Не в смысле городского общежития, а в значении смыслов, целей и начал, выходящих за твои собственные биологические пределы, обладающие значимостью за пределами твоего физического существования, значимых шире, для большего круга тебе подобных.

Да, политика — всегда отношения по поводу власти, то есть господства и подчинения. Да, политика — всегда есть концентрированное выражение экономики. Да, политикой правят в первую очередь экономические интересы. Но экономические интересы потому и правят политикой, что в сознании оформляются как образы и ценности, не сводимые исключительно к удовлетворению биологических рефлексов.

В этом отношении политикой всегда правит романтика, потому что романтика — это вера в то, что существующий мир может быть лучше, чем он есть (для кого лучше — это уже следующий вопрос).

Что значит «создать утопию»? ***Не признавать, что мы живем в лучшем из миров, — принять вызов, согласившись на построение нового мира.***

Кто сможет сказать, что вряд ли возможно что-либо более романтическое, чем утопия? Но утопия — вовсе не благодатная идиллия. Утопия — вызов, который бросают, принимают и отстаивают. И за который платят.

Утопия не скрипка, это гитара.

«Гитаре ни к черту Красивенький бант голубой. Она не девчонка, А женщина с трудной судьбой».

Утопия — это не несуществующее и невозможное. Утопия — это то, чего нет в данное время и в данном месте. А значит, то, что может быть создано. Иногда очень большой ценой.

Политика в конечном счете сводится к творению утопии — и созданию почвы для ее возникновения. Утопия управляет политикой. Все крупнейшие движения и акты исторического творчества были осуществлены потому, что была некая утопия, так или иначе, которая приводила в действие миллионные массы — единственного реального субъекта истории.

«Политическая деятельность как практическая в ее взаимодействии с художественным сознанием и политическое творчество как духовное в этой же связи — неодинаковые проблемы. Но есть характеристики, принадлежащие этим двум видам связи одновременно. Эти связи в функциональном аспекте могут быть представлены и как синхронные: при активизации политической деятельности данной общности или социума активизируется определенное крыло деятельности художественной, если взять XX столетие, демократическое и социалистическое искусство стран Европы, США, Мексики на рубеже XIX–XX столетий и в первое десятилетие XX века, круг художественного творчества последующих десятилетий, проникнутого социально-политической ангажированностью в довоенное и послевоенное время; социальное направление искусства 60–80-х годов, в частности “политический кинематограф” этих лет в Европе... Но связь может быть и по принципу дополнения, когда интеллектуальные усилия, которые в силу политических условий не могут воплотить себя в политическом строительстве, находят выход в других сферах, в том числе художественной»¹⁸.

Утопия обладает способностью менять реальность — значит, она реальна и реалистична. Реальность создает утопию. Значит, она ее требует, она с ней одной крови.

И поэтому нет в конечном счете полной противоположности «реальной политики» и «политической романтики».

Что можно признать реальной политикой? То, что рождается из реальности и творит реальность. Тогда, прежде всего, утопия — и романтика — это реальная политика. Потому что они из реальности рождаются, и ее преобразуют, и творят.

Что значит быть настоящим романтиком в любом деле? Это, как говорилось в культовом советском фильме, «видеть цель, не замечать препятствий, верить в себя».

Что значит заявить претензию на то, чтобы быть политическим романтиком? Это поставить перед собой цели, которые иным кажутся невозможными. Что значит

¹⁸ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 209.

быть политическим романтиком? Это достичь результата в движении к этим целям. Даже если, отправившись на запад в Индию, открываешь Америку. Даже если до конца жизни веришь, что открыл всё же Индию.

Самые великие романтики в истории человечества — Ленин и большевики. Что не отрицает разных оценок последствий их действий, существующих сегодня в современном обществе. К Ленину можно относиться — и разные политические силы относятся к нему — по-разному. Но, так или иначе, он — самый великий политический романтик. Кто-то скажет, что Ганди. Разница в том, что Ленин не останавливался перед насилием и не отрицал насилие. У него была цель — социалистическая революция и социалистическое строительство в России. Для одних эта цель оправданна — для других нет: и это другой вопрос. Но для него она была оправданна. И, так или иначе, он ее достиг теми средствами, которые провозгласил.

У Ганди тоже была цель — свобода Индии и средства — ненасилие. Индия получила свободу, но обернулось это, если уж не вспоминать о роли Второй мировой войны, обессилившей Англию, кровавой резней конца 1940-х годов. То есть ему не удалось достичь цели, минуя отрицаемые им средства.

Романтик тогда остается романтиком, когда умеет стать циником (реалистом). Это называется романтический циник (реалист) или циничный (реалистичный) романтик.

Романтичный романтик в политике гибнет, раздавленный величию своих замыслов, обрушивающихся из-за несовершенства его методов и средств. Циничный циник если и достигает целей (на самом деле куда реже, чем принято думать), но целей низменных, потому что других он поставить не может, и оказывается сам изничтожен бессмысленностью того, на что направил свои усилия, и ценой, которую в конечном счете приходится платить.

Циничный романтик ставит великие цели — и достигает если не их, то многого того возможного, которое лежало на пути к объявленному целью невозможному. Как там было в классике: «Ваша совесть подвигает вас на изменение порядка

вещей, то есть на нарушение законов этого порядка, определяемых стремлениями масс, то есть на изменение стремлений масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично.

Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход — и для вас, и для других...

Совесть действительно задает идеалы. Но идеалы потому так и называются, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. Я ведь только это и хочу сказать, только это и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять ее пыльному сквознячку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки...

Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум не стесняется, когда нужно, отстранить совесть...»¹⁹

Кто Макиавелли? Циник, готовый не останавливаться ни перед чем в достижении политических целей, или романтик, имеющий одну охватившую и сжигающую его мечту — объединение и установлении мира в родной Италии?

Но вот будь он своего рода настоящий романтик и скажи: «Я мечтаю единства Италии. Мира и благоденствия для нее. Но путь, который придется пройти на пути к этой цели, труден. Жесток и кровав. И я отказываюсь от движения по этому пути», — можно ли было бы считать его романтиком?

Романтик не тот, кто грезит и проповедует благость благой цели, — кто откажется от того, чтобы достичь ее, если она такая благая, а путь к ней ничего не стоит...

¹⁹ См. *Монолог Колдуна // Стругацкий А. Стругацкий Б. Обитаемый Остров*. М., 2001. Т. 5. С. 538.

В чем романтизм, если желаемое однозначно привлекательно, сладостно и без напряжения достижимо?

Романтизм в том, чтобы видеть цель и грезить о ней, одновременно напрягая все мышцы и нервы, срывая ногти и ломая ноги, но не отказываться от движения к ней. А вот последнее — сущий реализм.

Реализм — это средство утверждения романтизма.

В политике существует три типа политических деятелей: первый — тот, кто рассматривает власть, как средство осуществления мечты. Проекта, Утопии.

Второй — тот, для кого власть — это смысл его деятельности.

Третий, для которого власть — средство достижения конкретных благ для себя и своего окружения. И вряд ли кто-либо посчитает его политиком.

В столкновении первый всегда одержит победу и над вторым, и над третьим. Второй уступит первому и победит третьего.

Есть, правда, еще и четвертый — тот, кто чувствует, что странным стечением обстоятельств получил в руки власть, и чувствует, что нужно что-либо совершить, но вот не знает, что именно.

Средства не могут доминировать над целями. Не могут подчинять их себе. Цель всегда выше и важнее средств.

Романтика и реалистичность в политике никогда не противоречат друг другу, если в стремлении к своим целям оставаться верным им и последовательным в действиях.

Романтика — есть отношение со своими политическими целями.

Реалистичность — есть отношение с необходимыми для их достижений средствами.

Политика в известном смысле лишь тогда остается политикой, когда она является романтикой. Потому что иначе она отказывается от центрального в себе — от полноты. То есть своей значимости для чего-то большего, нежели исключительно твои личные интересы.

1.3.3. Позитивно-деятельностная политическая культура и идентификация проектным будущим

Единство будущего. Декларируемый Западной Европой и частью навязываемый иным странам мультикультурализм имеет такое же отношение к реальности, как детская мультипликация.

Существование разных культур имеет позитивный смысл, когда они не пассивно терпят друг друга, взаимно испытывая это терпение, а сотрудничают и взаимодействуют между собой. Чтобы они сотрудничали и взаимодействовали, они должны быть частями чего-то единого. То есть чем-то быть объединены. Нельзя объединять разницей и различиями. Разница и различие не могут быть субъектами объединения, они могут быть лишь его объектами, то есть покрываться чем-то большим, более широким — общей принадлежностью к общему делу, к общим целям и смыслам.

Если предполагать, что проблема межнациональной напряженности в России все-таки есть, то есть существует пресловутый национальный вопрос, то решить его можно не путем «воспитания толерантности» и развития «мультикультурализма».

Владимир Путин не случайно обращал внимание на опыт его решения в СССР, где эта проблема всё же была решена.

Понятие толерантности, чем больше его исследуют и чем больше исследуют опыт попыток ему следовать, — это не столько решение вопроса, сколько его некоторое замораживание. Анестезия.

И практически, потому что в Европе этот опыт имеет своим результатом либо афро-нацистские мятежи в пригородах Парижа, либо рост популярности евроскептиков. Иногда это происходит одновременно.

И теоретически, потому что толерантность — это «терпимость». А терпение не может быть бесконечным. Терпение всегда имеет границы. Не говоря о том, что само оно требует напряжения. Уже сам призыв к терпению означает, что речь идет о сосуществовании с чем-то, что без терпения

воспринять было бы невозможно. То есть с чем-то неприятным и воспринимаемым негативно.

И непонятно, почему его нужно терпеть, если оно неприятно, и непонятно, должно ли это неприятное иметь некие ограничения — как качественные, так и временные.

А сосуществование со злом в неограниченных количествах и в неограниченной длительности по определению означает пребывание в аду. То есть призыв к толерантности в конечном счете означает призыв к перемещению в ад.

А если речь идет о выборе между тем, чтобы жить в аду или восстать против начала, воспринимаемого как зло, и уничтожить, и изгнать его, то подобное восстание явно более достойно, нежели подобное описанному смирение и терпение.

Нечто подобное происходит и с явлением мультикультурализма. Сколько бы ЮНЕСКО ни пропагандировало его, он оказался несостоятельно и практически (что уже признано официально, например Ангелой Меркель), и теоретически, потому что в конечном счете разные культуры не могут существовать и совместно, и одновременно изолированно. Культура — это всегда некая система запретов. Не могут в одном пространстве не изолированно существовать разные запреты.

Потому что при совместном существовании разных культур возможны лишь три варианта: 1) одна из культур разрушит либо поглотит другую; 2) эти культуры постепенно сольются, путем взаимообогащения друг друга (советский «расцвет и сближение наций»); 3) эти культуры будут интегрированы в нечто большее, их покрывающее, некое охватывающее и подчиняющее их себе более мощное начало. Есть четвертый вариант: их носители вступят в постоянный и ширящийся конфликт друг с другом. Совместное существование в форме взаимной войны. Борьбы на уничтожение.

Всё это не значит, что невозможность и деструктивность толерантности и мультикультурализма означают невозможность решения проблемы взаимоотношений различных народов, наций и культур. Это означает, что названных форм для этого просто недостаточно, что они ограничены и требуют своего преодоления.

Основной порок толерантности в том, что она, предполагая терпение, предполагает в скрытом виде неприятие того, что нужно терпеть.

Значит, преодоление ее — как раз в отказе от этого начала, то есть в отказе от скрытой негативной характеристики «другого», признание его интересности и самозначимости. В этом смысле формой взаимоотношения с ним является не «терпимость», а согласие — «со-гласие», то есть не установка «каждый сам по себе», а установка на взаимодействие, поиск совместно значимого и общего.

Что, в частности, в отношении национально-культурного сосуществования не исключает и предполагает сохранение определенной ролевой идентифицируемости в качестве «гостей» и «хозяев»: самое большое уважение к гостю не означает его превращения в хозяина. Уважаемому гостю можно даже отдать лучшее в доме, но только тогда, когда это совершается по воле хозяина, а не по одностороннему желанию гостя.

А согласие в общем, системном виде предполагает: а) согласие в интересах; б) согласие в целях; в) согласие в методах.

В несколько другом разрезе оно требует: а) формирования общей политической культуры; б) единого целеполагания; в) общей системы адаптации к вызовам как внешним, так и внутренним; г) создания единого интегрирующего начала, предполагающего: согласия в правилах формирования этого начала, согласия в принимаемых нормах его функционирования, согласия в толковании и использовании этих норм.

То есть здесь необходимы минимум два фактора: принятие некоего общего объединяющего начала и готовность к деятельности по согласованию позиций и совместному выстраиванию деятельности.

Это же имеет смысл и в отношении преодоления мультикультурализма. Не одновременное изолированное существование многих культур, а создание покрывающего их интеграционного начала, создание того, что нивелирует их различие и образует из него их многообразное единство, обеспечивая их взаимообогащение, расцвет и слияние.

В этом отношении межнациональную напряженность в России можно ликвидировать лишь путем объединения различных этносов, народностей, протонаций и гипотетических наций в одну полиэтническую нацию, либо восстанавливая ту полиэтническую нацию, которая существовала в СССР, либо создавая новую, российскую, которую создать на сегодня не удалось.

Но чтобы это сделать, нужно найти или создать то, что может ее объединять. То, что может объяснить, почему некие различные этносы должны существовать совместно, а не раздельно.

В свое время народы Российской империи объединились в ее составе действительно в основном по доброй воле для защиты «под твердой рукой Белого царя» от грозивших им завоевателей. Тот, кто сегодня берется это отрицать, просто плохо учил историю. Случаи были разные, но в большинстве это действительно было добровольное объединение для защиты.

Другое дело, что это было в иную эпоху, и объяснить, что за завоеватели угрожают народам России, от которых их должен защитить русский народ и российское государство, вопрос как минимум довольно сложный. К тому же это объединяющее начало не решало и не решило многих иных межэтнических и межнациональных проблем: империя была полна ими, и к началу XX века национальный вопрос наряду с рабочим и аграрным стал одним из основных.

СССР объединил распадавшуюся к началу XX века общность народов общей идеологией, как справедливо отметил Владимир Путин. Он же сказал и то, что это была социалистическая идеология. Здесь, кстати, встает вопрос: если эта идеология была способна обеспечить единство большой России, почему нужно считать невозможным использование ее и сегодня?

Допустим, есть люди, которые считают ее реализацию в СССР неудачной (хотя опять же национальный вопрос она решала). Но есть и иные ее трактовки, да и стихийная идеология в России — социалистическая.

Чем менять одну идеологию на другую, может быть, лучше сначала испробовать ее иные варианты...

Но важнее и другое.

Идеология — это не просто «светское вероисповедание». Идеология — это общие цели и общее дело, то есть некая общая созидательная работа.

Самые распропагандированные стратегии в лучшем случае содержат в себе некий набор намерений и обещаний. Они не содержат ни общих внятных целей, ни призыва к совместному действию, ни намек на организацию этого совместного действия.

Тогда как объединить людей на деле может только общее дело. Совместная деятельность.

«Осознание человеком своих политических интересов неизбежно связано с его нравственным выбором. Иначе говоря, определение целей и средств политического поведения, политической деятельности подвергается так или иначе нравственным коллизиям, оценкам, выбору между сущим и должным, допустимым и запретным, общечеловеческим и групповым»²⁰.

Сегодня Россию, к сожалению, объединяет во многом только прошлое. Причем при попытках вычеркнуть советский период из истории из нее элиминируется этап и опыт наиболее плодотворного сотрудничества.

А пытаясь иллюзорно вернуть Россию в период до 1917 года, российская элита уже и реально возвращает ее к проблемам начала XX века, то есть периоду обострения национальных проблем.

Но общность истории при всей своей важности не может быть единственным объединяющим фактором. Она в данном случае необходима, но недостаточна. Тем более если в этой истории актуализируется самый проблемный для данного вопроса период.

Для единства нужно общее будущее — мечта и цели, и общее настоящее — общее деятельность и общая работа.

Нации и этносы нельзя принудить терпеть друг друга. Нации и этносы можно объединить в единую нацию. Чтобы объединить их сегодня — нужно дать им общее будущее.

²⁰ Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 38.

Чтобы дать им это общее будущее полноценно и убедительно, нужно дать им сегодня общую деятельность.

Практика показывает, что *изменение базовых образцов поведения не достигается сугубо рациональными средствами*, как не достигается и простой демонстрацией желаемого и даже эстетически привлекательного позитивного образца.

«Стремление человека преодолеть существующие границы научного знания и заглянуть в такие временные пределы, о которых наука еще не может сказать ничего определенного, обуславливает воспроизводство утопического сознания и увековечивает утопическую традицию»²¹.

Отсюда возникает двойная задача: с одной стороны, определение предлагаемой модели, которая должна быть как актуально значима для общества, так и перспективна для самоутверждения человека, с другой стороны, воспринимаема им в представленной ему эстетической и этической привлекательности.

Данные художественные образцы можно условно определить как развивающие, предлагающие человеку ощущение «победителя, выступающего на стороне правого дела», что можно описать как модель поведения, обеспечивающего утверждение в жизни при сохранении человечности, достижении изменения мира и при одновременном сохранении базовых латентных образцов.

Рассматривая как главную естественную потребность человека его потребность в самореализации, нужно признать, что она утрачивает свою приоритетность, когда достигается ценой утраты человечности и разрушения базовых латентных норм данного социума.

Доминирующим является характер воспринимаемых идеалов в диапазоне идеалов общества потребления либо общества познания, собственно, именно поэтому приоритетным признаётся содействие углублению понимания и осмысления мира как элемент познания и утверждения ценности познания.

²¹ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 222.

Глава 2. Культура и идеология: между обществом потребления и обществом познания

Как ни противоречит это обыденным представлениям, политическая идеология и политическая манипуляция практически несовместимы, как сущностно отличны друг от друга та же манипуляция и пропаганда.

Пропаганда всегда направлена на популяризацию и утверждение в обществе идей, утверждение той или иной политической идеологии. Но и «идея», и политическая идеология — это достаточно сложные контракции, не подлежащие относительно одномоментному пересмотру, «переигрыванию» своих составляющих. Политическая идеология включает в себя достаточно устойчивые ценностные основания, политическое учение, экономическое учение и цели, предлагаемые к достижению.

Все эти компоненты чужды и враждебны манипуляции, которая своей целью имеет изменение поведения людей в соответствии с целями субъекта манипуляции. Для успеха манипуляции люди не должны иметь устойчивых ценностей и целей, их сознание не должно носить ни ценностный, ни целостный характер.

2.1. Идеология как деятельностная функциональность культуры

2.1.1. Идеология как латентно-целеполагающая защита от манипуляции

Идеология и манипуляция. Как уже говорилось выше, и о чем, как представляется, следует вновь напомнить: протестующий против роли идеологии демонстрирует не свою свободу от идеологии, а готовность изменять любой идеологии и, когда это выгодно, талантливо служить одной, а когда невыгодно, переходить на сторону другой.

В этом отношении неприятие слов о значении идеологии — это всего лишь отстаивание своего права на то, чтобы продаваться той идеологии, которая в данный момент окажется выгоднее и доходнее.

«Содержание политических представлений, ориентаций и ценностей любого субъекта неминуемо вбирает в себя отражения всех сложных материальных и идеологических зависимостей. Любая форма сознания — это не просто отражение бытия, но и определенный способ отражения. Специфика способа отражения политического сознания в том, что все стороны жизни преломляются сквозь призму политико-властных отношений»²².

Фраза о том, что человек без идеологии превращается в животное, на самом деле предельно точна и не в переносном, а в прямом, собственном смысле слова. Не в плане той или иной атаки на представителей той или иной политической линии, а сугубо в научном смысле слова.

Есть, конечно, позиция Франка, органически не воспринимавшего конструирующую функцию познания: «Вопреки толстовству и всяческому религиозному анархизму или политическому индифферентизму, благотворность в этом смысле разумного и справедливого порядка, принудительно охраняющего жизнь от зла и неправды, есть самоочевидная истина, которой нет надобности доказывать»²³, — но есть и позиции современной науки, согласно которым «большинство современных исследователей считают утопизм универсальным свойством сознания»²⁴.

Нужно просто помнить, осмыслить то, о чем уже шла речь во Введении:

Человек — биосоциальное существо. Вне своего социального существования он действительно оказывается всего лишь животным, как сходили с ума и превращались

²² Поливаева Н. П. Указ. соч. С. 35.

²³ Франк С. Л. Ересь утопизма // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. М., 1992. С. 383.

²⁴ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 222.

в животных реальные робинзоны, прожившие в одиночестве обычно более двух лет.

Социальность человека — не в факте его жизни в социуме. Она в его существовании в определенном, рождаемом социумом смысловом и ценностном поле. Человека от животного в конечном счете отличает одно — наличие того, что для него важнее его биологического существования. Целей и ценностей, за которые он готов отдать свою жизнь. То есть в том или ином виде идеологии.

Идеология — это не декларирование лозунгов. Это цели и ценности. То, чего он хочет достичь — и то, чем в этом стремлении он не может поступиться. Там, где он не стремится ни к чему и для него не важно ничто (или если его цели сведены исключительно к удовлетворению физиологических потребностей и инстинктов, и ради них он готов пожертвовать любыми ценностями), там он и перестает быть человеком.

Здесь есть момент, связанный с отличием идеологии от религии, но он лишь в том, что если религия опирается, прежде всего, на веру, в самом веровании находя подтверждение истинности своего видения мира, идеология опирается в первую очередь на научное познание, сочетая его с выходящей за рамки исключительно рационализма эмоциональной и психологической приверженностью принятой картине мира.

Идеология всегда, конечно, включает в себя интерпретацию, но, чтобы иметь интерпретацию, она должна опираться и опирается на более или менее достоверно установленные и научно подтвержденные факты.

«Русское общественное сознание отличается тем, что оно проецировано в литературу, находит в ней почву для успешного “проигрывания” их значения для жизни. Уже в 60-е годы прошлого века на базе психологического романа последекабристского романтизма с его акцентом на внутренней жизни личности и социологического очерка в русской литературе возникает жанр романа идей»²⁵.

²⁵ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 186.

Политическая идеология включает в себя прежде всего аксиологию: систему ценностей, политическую доктрину и экономическую доктрину, то есть устойчивые представления о том, каково для носителей данной идеологии желательное, предпочтительное политическое и экономическое устройство общества.

Тех, кто с ненавистью твердит о вечном зле идеологии, не устраивают несколько вещей.

Во-первых, характер устойчивости идеологии. То есть невозможность подчинить себя конъюнктуре.

При прочих равных идеология предполагает невозможность продаваться. И для того, кто своим амплуа в жизни сделал признание права на продажность (что, впрочем, тоже есть определенная идеология), это уже ненавистно и недопустимо, потому что его моральное право на продажность как минимум ограничивает. Или обнажает, демонстрируя, что внутренняя сущность данного режиссера либо «интернет-деятеля» — продажность как таковая.

Правда, здесь тоже есть некоторая граница. Если продажность воспринимается как высшая ценность, то есть данный субъект за право продаваться готов пожертвовать жизнью, это всё же идеология. Если не готов — уже обращение в состояние животного.

Что-то подсказывает, что люди, твердящие сегодня о недопустимости идеологии в государственной политике, столкнувшись с политической практикой Третьего рейха, оказались бы не среди борющихся с ним подпольщиков, а среди штатных авторов «Фелькишер Беобахтер» и провокаторов гестапо. А в условиях 1937 года требовали бы смерти для врагов народа и засыпали НКВД доносами на соседей и сослуживцев.

Это не уничижительное ругательство в их адрес, просто их обыденная практика — профессиональное разоблачение и обличение чего-либо — по существу, практика того же самого доношительства.

Второй момент, не устраивающий определенные политические группы в утверждении права общества на идеологию, — это не протест против идеологии как таковой,

это превентивная мера против того, чтобы эта идеология оказалось не той, которую предпочитают они.

Для них провозглашаемое неприятие идеологии — это не борьба за свободу от идеологии. На самом деле не имеющий идеологии не может быть свободен, не имея своих целей, он всегда зависит от целей других.

Для них неприятие идеологии — это борьба за их свободу навязывать остальным предпочтительную для них идеологию, либо свои цели и ценности, либо сверхценность отсутствия ценности и свое право жить исключительно животным существованием.

И третий момент, определяющий их протест против признания права общества и всех остальных на обладание идеологией, — это то, что теми, кто обладает утвердившейся идеологией, практически невозможно манипулировать. Обладание идеологией — это обладание своим пониманием мироустройства, мировоззрением. Понимание того, чего ты хочешь от жизни, чего хочешь в ней добиться. В данном случае речь не о том, что идеология всё это позволяет иметь, речь о том, что идеология именно в этом и заключается.

И человека, который знает, чего он хочет, чему он служит и к чему идет, подчинять чуждым для него целям почти невозможно. Там, где есть идеология (верная или неверная, прогрессивная или реакционная), там уничтожается возможность манипуляции.

И именно это предельно не устраивает как те экономические группы, которые заинтересованы в навязывании большинству целей меньшинства, так и те профессиональные группы, которые манипуляцию сознанием людей сделали своей основной профессией. Равно как и свою неограниченную продажу услуг в сфере этой манипуляции.

И поэтому эти и экономические, и профессиональные группы ненавидят и будут ненавидеть и информационно терроризировать любого, кто будет отстаивать простую истину: человеку нужна идеология — просто потому, что у него есть право оставаться человеком. А не становиться, подобно адептам проходящего в последние четверть века разрушения страны — животными.

Будет человека больше ругать «Эхо Москвы» — рейтинг будет расти быстрее. Так сегодня устроена жизнь: если тебя ругает «Эхо Москвы» и представители данной политической тенденции, значит, ты сделал что-то полезное для страны. И, значит, твоя популярность будет расти.

«Таким образом, рассмотрение роли игрового момента в политике и политическом поведении в соотношении с подобным качеством художественной деятельности дает основание лишь для вывода о достаточно существенном воздействии атрибутивных свойств художественного сознания времени и художественных традиций на форму поведения личности в политической сфере, на осуществление, восприятие, осмысление политической действительности»²⁶.

И значит — ты человек, а не животное.

2.1.2. Россия и идеологический вакуум

Проблема идеологического вакуума страны не в том, что, как настойчиво повторяют многие, в стране якобы «запрещена идеология». Как и почему они это либо придумали, либо для себя открыли, то ли это вопрос их личных заблуждений, то ли их странной недобросовестности.

Многие любят ссылаться на пресловутую статью 13 Конституции РФ, как они говорят, «запрещающую идеологию в России». Но статья 13 Конституции РФ утверждает: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность».

То есть наличие идеологий в России признаётся и подтверждается (как можно было бы их не признавать в классовом обществе, вообще странно: это всё равно, что не признавать смену времен года). Просто не допускается провозглашение одной из них государственной или обязательной.

²⁶ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 174–175.

Что вполне естественно: как потому, что провозгласить какую-либо таковой бессмысленно (проконтролировать, какую идеологию человек исповедует на деле, всё равно невозможно), так и потому, что установление идеологии в принципе не является государственной функцией. Государство не устанавливает идеологию — государство может быть основано на той или иной идеологии, но может и не быть. Государство не носитель идеологии — государство механизм для ее реализации.

Носитель идеологии — не государство. Носитель идеологии — политические партии. Вот непреременный атрибут партии — обладание идеологией. Один из ее конституирующих элементов. Наряду с постоянством и институциональным измерением, борьбой за власть как их функциональным назначением, опорой в этой борьбе на поддержку народа. Есть эти четыре измерения — есть партия. Нет какого-либо из них — нет партии, есть что-либо другое: клиента, клуб по интересам, общественное движение и т. д.

И по той же статье Конституции в России «признаются политическое многообразие, многопартийность». То есть сама по себе конституционная конструкция примерно такова: в России нет общегосударственной обязательной идеологии, в России есть разные идеологии, носителями которых являются разные партии, конкурирующие в политической борьбе друг с другом. Та партия, которая получает на выборах поддержку большинства населения, получает власть и осуществляет конкретный политический курс на основании своей идеологии. То есть идеологий несколько, а народ выбирает, какая должна определять реальную политику государства.

Понятно, что имеющиеся сегодня в России партии, возможно, и конкурируют, но побеждает всегда одна, честно или нечестно — в данном случае неважно.

Если всё время побеждает одна партия, значит, лишь при нормальном положении дел, что курс государственной политики основывается на одной и той же идеологии.

Если так, значит, идеология, определяющая государственную политику, есть.

Другое дело, что никто не знает, какая это всё же идеология. Правда, никто не знает не потому, что эта идеология как-то строго скрывается, а потому, что ее всё же нет. Причем дело не в том, что ее нет у государства, у которого ее и не должно быть, а ее нет у правящей партии, у которой ее по идее не может не быть.

Правда, если на то пошло, ее нет не только у правящей партии, а и у оппозиционных партий. Как нет, кстати, и устойчивой социально-классовой опоры.

Потому что политическая идеология — это не набор предпочтений и лозунгов, это мировоззренческий выбор, реализуемый в действии.

Идеология — это не пропагандистская доктрина. Идеология — это цели и ценности. Или, точнее, ценности и цели. В отличие, кстати, от религии, включающей в себя именно ценности, но не включающей цели переустройства реального социально-экономического мира.

Идеологии возникли и утвердились тогда, когда примерно после эпохи Великих географических открытий и научного пересмотра основ видения мироустройства религия начала терять свое главенствующе-нормативное положение в мировоззрении и духовной жизни человека: уход идеи неизменности мира и рождение уверенности в возможности его принципиального изменения на основе научных знаний привели к доминированию новый феномен — политическую идеологию как доминанту эпохи Модерна.

Отдельно можно спорить, возможно ли существование религиозных политических идеологий или нет: строго говоря, конечно, нет, но многие сочтут иначе, в данном случае это не столь важно. Идеологию в свое время стало модно называть светской религией, что неверно. Другое дело, что, как и религия, она относится к числу «коллективных верований», но отличие в том, что ведущая функция политической идеологии — функция познания. Вторая — ориентации действия. Третья — оправдания действия.

То есть идеология основана в первую очередь на научном познании, но для воздействия на поведение масс людей использует механизмы обращения к верованиям и к эмоциональному, что в чистом виде характерно именно для религии.

И каждая политическая идеология включает в себя свое аксиологическое учение (т. е. именно сформулированную систему ценностей), свою экономическую доктрину и свою политическую доктрину.

Причем по факту того, что можно было бы назвать мировыми идеологиями, всего четыре: коммунизм, либерализм, консерватизм и национализм, существующих в своих трех исторических воплощениях: классическом (XVIII–XIX века), «современные» (XX век) и неоформы (конец XX–XXI век). Причем неоформы имеют пока только три из них: неолиберализм, неоконсерватизм, национал-сепаратизм.

Выдумывать некую «специфически русскую», «специфически американскую» или «специфически арабскую» идеологию бесполезно, благо либо этот конструкт не станет идеологией, либо станет национальным вариантом одной из уже существующих.

Идеология отражает экономические интересы, но заключается не в неких текущих экономических требованиях, а в обоснованном на научных данных предложении некоего идеального социального мироустройства.

Если его нет, нет идеологии. Если нет идеологии, нет политической партии. Хотя одной идеологии для возникновения политической партии тоже недостаточно.

Отсутствие идеологии в политическом курсе страны вызвано не отсутствием записи о ней в Конституции. Оно вызвано отсутствием идеологии у тех специфических структур, которые зарегистрированы либо самопровозглашены как политические партии. А стало быть, в стране нет не только идеологии, но нет и политических партий как таковых, хотя их существование, в отличие от идеологии, в Конституции всё же закреплено.

Их нет и потому, что все эти партии — что входящие в парламент, что не входящие в парламент — не соответствуют ни

одному из конституирующих элементов партии, как требованию борьбы за власть, так и требованию борьбы за поддержку народа (что не равноценно борьбе за голоса избирателей в предвыборной компании); и потому, что в самом обществе нет созревших идеологических концептов; и потому, что идеология — всегда, так или иначе, разговор о будущем.

А этот разговор ныне существующие партии не ведут (если не сводить его к планам на ближайшие выборы и соответствующим обещаниям) просто потому, что этими категориями не мыслят. И своих проектов большого будущего не имеют. Ни одна.

2.2. Мобилизационный потенциал политических идеологий в современной России: проблема сохраняющего развития

Политические идеологии возникают и существуют не для наслаждения интеллектуалов. Равно как и не для самоутешения власти.

Политические идеологии возникают и существуют как выражение настроений и ожиданий широких масс и значимых социальных образований, в первую очередь — социально-экономических классов. Хотя они и оформляются не только в логических построениях, но и в образах значимых социокультурных групп.

2.2.1. Идеология как единство ценностей и целей

Цикл деструкции 1990-х годов был остановлен стабилизацией 2000-х. Она остановила разрушение и начала созидательные процессы, которые по своей интенсивности были недостаточны, чтобы преодолеть в полной мере последствия произошедшей катастрофы.

Общая мировая ситуация и то положение, в котором сегодня оказалась Россия, требуют, как представляется, осуществления прорывного развития, которое можно обеспечить только на основе мобилизации экономических, производственных и человеческих ресурсов.

Причем речь идет именно о прорывном развитии, предполагающем в первую очередь не слом всего существующего, а форсированное создание нового в целом на имеющемся, хотя и модифицируемом фундаменте.

Можно было бы сказать, что речь идет не просто о прорывном развитии, а о прорывном развитии сохраняющего типа. Если бы это дополнение не было бы излишним, поскольку прорывным развитие может быть, только если оно опирается на созданное в прошлом, то есть если оно носит характер сохраняющего развития.

И в этом смысле актуализированным выглядит тезис Ленина как основателя республиканского правления в России, с одной стороны, ставившего главной задачей своих сторонников «учиться коммунизму», с другой — постулировавшего, что «стать коммунистом можно, только овладев всем богатством знаний, накопленных человечеством». Собственно, именно этим, как и рядом его более ранних декретов, было заложено начало, которое кто-то может считать «первым проявлением советского консерватизма», но которое более точно было бы определить как «сохраняющее развитие» или даже «сохраняющее революционное развитие».

Можно об этом спорить, но если принять в качестве рабочей версии, что это предположение верно, встает вопрос о том, какие политические идеологии в современной России обладают той или иной мерой мобилизационного потенциала.

Однако дальше начинается некий тупик выбора. Проблема в том, что даже те, кто осознаёт этот тезис, либо относятся к проблеме выбора как некоему выбору политических и идеологических пристрастий, либо рассматривают выбор идеологии опять-таки как выбор пропагандистских апелляций, предполагая, что совокупность любых подобных тезисов можно объявить идеологией.

В значительной степени всё это восходит к распространенному заблуждению, предполагающему, что в работе с массами надо говорить не то, что может в той или иной степени мобилизовать массы. То есть не то, что они готовы принять, а то, что хочется сказать самому говорящему.

В любом случае игнорируется, что:

а) набор доктрин, обладающих качествами идеологии, вообще в мире достаточно ограничен. В конечном счете это те же либерализм, коммунизм, консерватизм, национализм в их трех основных исторических воплощениях, причем это есть не результат отсутствия чьей-либо политической фантазии, а продукт исторического формирования четырех основных верификационно-интерпретационных моделей исторического и политического развития;

б) идеология должна решать не задачи удовлетворения политических симпатий авторов, а задачи исторического цивилизационного развития общества.

Такая задача, которая встала в определенный момент перед нашей страной (сначала СССР, а затем — перед РФ), двойка. С одной стороны, это переход к постиндустриальному производству, что в конечном счете первично. С другой стороны, это создание общества социальной демократии, какого-то варианта социального государства. Это задача относительно вторична, поскольку в инструментальном плане без ее решения не решается первая задача.

Здесь дело не в справедливости как таковой. То есть не в собственно этическом ее значении, а в том, что постиндустриальное (или информационное) общество предполагает резкое повышение личного компонента производства, повышается роль собственно человеческого интеллектуального потенциала как средства производства. В таком обществе основная масса людей должна быть задействована в сферах сложного труда, а стало быть, говоря коротко, должна быть в основном довольна своим положением в обществе.

Так сложилось, что за последние столетия утвердились и оформились четыре основные мировые идеологии: либерализм, коммунизм, консерватизм и национализм. Можно вывести за скобки вопрос о том, было ли это предопределено самой логикой мирового развития или стало своего рода исторической случайностью, но это произошло. Безусловно, сама эта тетраэда в чистом виде недостаточна минимум по двум причинам.

Во-первых, в реальности в каждый исторический период развития все эти четыре идеологии разбиваются на множество течений, потоков и ручейков, соперничающих друг с другом и расходящихся друг с другом по различным вопросам повестки дня.

Во-вторых, все эти четыре мировые идеологии, пройдя разные эпохи, в каждую из них представляли в своих исторических воплощениях, причем иногда так, что, скажем, сегодняшний неоконсерватизм, как и консерватизм XX века, объединяемые приоритетом рыночного фундаментализма, ближе классическому консерватизму А. Смита, чем классическому консерватизму Э. Бьорка. А либерализм Т. Грина и Ф. Рузвельта с его идеями позитивной свободы и социальной справедливости ближе классическому коммунизму, нежели тому же классическому либерализму.

Также далеки от собственно мировых идеологических традиций и самоназвания политических сил современной России. То, что называют либерализмом люди, объявившие себя либералами в России, еще более далеко от либерализма, как то, что называют коммунизмом люди, называющие себя сегодня коммунистами, далеко от коммунизма.

Грубо говоря, мировые идеологии прошли три этапа исторических воплощений.

1. Классические идеологии — тот вид, который они имели в период своего создания, в XVIII–XIX веках.

2. Идеологии XX века — тот вид, который они приобрели в соответствующий период (тогда это воплощение принято было называть «современным», что сегодня явно устарело).

3. Идеологии конца XX — начала XXI века. Безусловно, последнее наиболее важно, но наименее воплощено в действительности.

Следует оговориться, что огромное различие между собой этих исторических воплощений не делает их сущностно разными идеологиями, поскольку при всех различиях сохраняется то или иное сущностное ядро, которое в разных случаях разнообъемно, но позволяет относить их всё же к одному мировому явлению.

Исторически так сложилось (о конкретных причинах этого можно говорить отдельно), что если первые два воплощения — классическое и XX века — прошли все четыре идеологии, то третьим воплощением в полной мере обладают лишь две: консерватизм в виде неоконсерватизма и либерализм в виде неолиберализма. Коммунизм и национализм таких воплощений в полной мере не обрели.

Из четырех только две сегодня дали определившиеся неоформы: это неоконсерватизм — по сути, то, что под видом либерализма осуществлялось в стране в 1990-е годы; и неолиберализм — то, что наиболее ярко воплотилось в курсе Клинтона в США.

Ни коммунизм, ни национализм неоформ не выработали, если не считать подобием таковой этносепаратизм, как некое современное подобие национализма, что безусловно.

Неоконсерватизм, как показывают все попытки его реализации в России, ведет страну к массовому социальному противостоянию и социально-политическим потрясениям.

Неолиберализм в контексте его мирового развития тесно связан с американским вариантом глобализации. Беда не в том, что Америка так уж плоха, беда в том, что здесь нет места для России.

В этом отношении одной из основных проблем является вопрос о методологии определения степени потенциала мобилизованности той или иной идеологии. И это само по себе представляет исследовательскую проблему.

Вместе с тем понятно, что мобилизационный потенциал идеологии не отрывается от ценностных предпочтений и предпочтений общества, экономических интересов и предпочитаемых большинством политических моделей.

2.2.2. Деструкция либерализма

Сегодня в России люди, называющие себя либералами, говорящие от имени либерализма и являющиеся одним из основных деструктивных элементов общества, прежде всего, не имеют практически никакого отношения к либерализму. Ни исторически мировому, ни российскому.

В результате, с одной стороны, дискредитируется одна из важнейших политико-теоретических составляющих мирового развития, с другой — неоправданно завышается статус этих людей, которые в подлинно либеральном обществе были бы безусловно признаны нерукопожатными и подвергнуты общественному ostracismu наряду со сторонниками рабства в США.

Эти люди, на деле выступающие носителями двух идейно-политических начал — рыночного фундаментализма и крайнего элитизма, не имеют никакого отношения к сути и классической форме либерализма как такового прежде всего потому, что не разделяют и не принимают его основные ценности: свобода, разум, собственность.

С точки зрения исходного и классического либерализма, каким он сформировался к XVIII веку, все люди являются свободными от рождения и достаточно разумными, чтобы распорядиться своей свободой. Однако их свобода окажется иллюзией, если они не будут обладать собственностью, которая даст им экономическую независимость.

Отсюда утверждается и принцип народного суверенитета, народа как единственного источника власти и идея подчиненности государственной власти этому народу.

И уже как вторичный момент к 1776 году появляется концепция рыночной экономики как экономическая составляющая либерализма той эпохи. Однако к концу уже XIX века, к моменту, когда рыночная экономика стала вызывать всё больше нареканий, а массы всё больше стали отшатываться от либеральных партий и тяготеть к социалистическим, либерализм как мировая идеология начал трансформацию своей экономической составляющей и уже в работах Томаса Грина пришел к утверждению необходимости ответственности государства за экономические отношения, контроль им экономики и производства и ответственности за обеспечение равных стартовых условий для граждан. А поэтому — необходимости обеспечения для каждого из них права на образование, труд, охрану здоровья и обеспечение по старости. И в XX веке, в эпоху «нового курса» Рузвельта, либерализм принял и сделал

своей экономической составляющей, по существу, концепт плановой экономики.

Те люди в России, которые объявляют себя либералами, в большинстве случаев не приемлют ничего из названного, за исключением отторгнутой мировым либерализмом идеи рынка.

Они на самом деле не принимают даже идеи свободы, потому что понимают ее исключительно как свою свободу быть независимыми ни от мнений общества, ни от требований большинства. Осуществляя свои эксперименты в 1990-е годы, они не исходили из требований общества — они навязывали обществу свои требования и в проводимой ими политике, и в своем вольной обращении с правом и результатами народного волеизъявления.

Они не принимают ценности разумности, потому что не признают изначальной разумности человека и народа и, с одной стороны, изначально считают любую точку зрения, отличную от их подходов, неразумной, даже если это точка зрения большинства, с другой — в принципе присваивают себе права на высшую истину, даже если не могут доказать ее окружающим.

Они не принимают ценности собственности и принципа права граждан на собственность, потому что все свои эксперименты 1990-х годов строили не на принципе гарантии собственности для граждан, а на лишении собственности большинства для наделения ею меньшинства.

Они не приемлют принцип народного суверенитета ни в том смысле, что не признают за народом права на самостоятельное развитие, а требуют его подчинения тем или иным нормам, провозглашенным универсальными другими странами и правительствами, ни в смысле признания подчиненности власти желаниям и требованиям народа. Каждый раз, когда оказывается что в своих оценках и предпочтениях народ, то есть большинство народа, расходится с их мнением, они объявляют его неразумным и больным и требуют от власти жесткими мерами осуществить его подавление и проведение той политики, которую они считают правильной.

В современном либерализме они не приемлют идею отказа от рынка и переходы к регулируемой экономике, по-прежнему требуя повсеместного применения моделей организации экономики XVIII века, объявляя порочным и ведущим к бюрократизации и диктатуре любой шаг к регулированию и плановой организации.

В нем же они не приемлют идею ответственности государства за экономику, равно как за создание равных стартовых условий для всех граждан. С их точки зрения, каждый человек сам должен платить за свое образование, за медицинское обслуживание, сам должен копить деньги на случай лишения работы и на свое обеспечение на время, когда состарится. Если же у него этих денег нет и скопить их не удалось, по их мнению, он не может претендовать ни на какие формы общественного обеспечения за исключением минимальных подачек благотворительности. То есть, с их точки зрения, в отличие от точки зрения самого либерализма, человек не имеет от рождения никаких социальных прав и рассчитывать может лишь на то, за что может заплатить, а потому должен посвящать свою жизнь исключительно заботе о том, как раздобыть средства к существованию и обогатиться любыми средствами.

С русским либерализмом, каким он сформировался ко второй половине XIX — начале XX века, они тем более находятся в разрыве, потому что его ориентации — сохранение сильного государства, патриотизм, признание приоритета социальной справедливости и определенный союз с рабочим и социалистическим движением — они отвергают тем более, каждую из них заведомо объявляя порочной.

То есть они вообще не имеют с либерализмом ничего общего практически ни в каком его исторической воплощении, даже классическом, поскольку даже из него они берут лишь одно — рынок. И именно то, от чего сам либерализм давно отказался.

Либералы — это не их имя. Это их маска, позволяющая представлять себя респектабельным и цивилизованным политическим течением, хотя в основе их подходов — предельный элитизм и разделение человечества на две категории: имеющих

право властвовать и принимать решение о судьбе всех остальных — и этих остальных, имеющих право лишь слушаться первых и кормить их своим трудом.

И сами они не либералы. Они лишь самозванцы, произвольно присвоившие себе чужое имя и прикрывающие свою непривлекательную сущность великими именами Вольтера и Дидро, Грина и Рузвельта.

Начиная как минимум с 2011 года ряд экспертных центров прозападной ориентации создают пугающий призрак для власти: призрак некоего рождающегося прозападного «класса», который они называют то «средним классом», то «новым городским классом», то «креативным классом», то «новым либеральным электоратом».

Согласно их выкладкам, это относительно молодые люди, не заставшие советской эпохи и вовлеченные в рыночные отношения. Которые, по их данным, в отличие от основной массы населения, ориентированы не на, по их выражению, «патерналистские установки», а на установки «свободного рынка» и «образцы западной демократии», не на «авторитарные», а на «свободно-конкурентные» политические модели, не на справедливость, а на свободу, не на патриотизм и «национальную изолированность», а на нечто подобное космополитизму — чувствуют себя «гражданами всего мира» и т. д.

По мысли пропагандирующих эту идею аналитиков и политиков, этих людей пока мало, но они активны, тогда как их, скажем так, цивилизационно-классовых оппонентов много, но они пассивны.

Поэтому, по их мнению, пока на выборах будут доминировать престарелые «солидаристы», левые, а на уличных акциях протеста будут доминировать молодые «либералы», правые.

Но, по их мнению, во-первых, если власть будет по-прежнему ориентироваться в первую очередь на первых, она, хотя и будет побеждать на выборах, послевыборная уличная активность поставит под вопрос электоральные успехи власти, и последующие массовые волнения могут привести к ее смене «не электоральным путем».

Во-вторых, если этого и не произойдет, то, поскольку число солидаристов будет естественным образом сокращаться, а число «либералов» — увеличиваться из-за вхождения в жизнь новых возрастных групп, на одних из следующих выборов достаточно внезапно власть, если будет сохранять социальный уклон и рассчитывать на солидаристов, потерпит внезапное и сокрушительное поражение.

Поэтому ей, по рекомендации этих аналитиков, нужно уже сейчас менять акценты своей политики, делать ставку на входящие в жизнь «прозападные поколения», то есть развивать рыночные отношения, сокращать государственное регулирование и всё больше внедрять политическую конкуренцию западного типа. То есть поощрять и не сдерживать активность прозападных политических партий и инициатив и вообще нивелировать, наконец, свой «левый поворот» 2005 года новым «правым поворотом».

С точки зрения системного политического анализа здесь есть очень много моментов для обсуждения, начиная от терминологии и заканчивая спорностью толкования, как и ограниченным кругом последних.

В данном случае не это главное, и по этому поводу стоит ограничиться несколькими замечаниями.

Во-первых, всё то, что можно назвать ориентациями на демократические нормы, не есть неперемнная принадлежность прозападной, «либеральной» и рыночной ориентации. Просто для одних демократия — это Ельцин и Горбачев, а для других — это Сталин и, скажем, Путин. Во всяком случае, большая часть опрашиваемых считает, что именно в 2000-е годы в России стала утверждаться реальная демократия.

С этим можно спорить, но они именно так и думают. То есть человек может быть настроен по базовым ориентациям вполне демократически — но и антирыночно, и антизападно, и «антилиберально». Можно считать это парадоксом, но наибольший демократизм в своих отношениях сегодня вообще проявляют не либералы и не социалисты, а, как ни странно, националисты и консерваторы.

Во-вторых, если смотреть конкретные цифры, на которые ссылаются проповедующие эти взгляды аналитики, что преимущество тех ориентаций, которые они объявляют «либеральными», в младших возрастных группах минимально превышает ориентации, которые они называют «солидаристскими», социалистическими и «консервативно-авторитарными».

Всё вращается вокруг 50 % в диапазоне ± 5 %.

В-третьих, ровно из ничего вытекает, что, оказывается, некоторая тенденция сдвига в рамках алгоритма «чем моложе, тем либеральнее» прямолинейна, а не волнообразна.

В-четвертых, они, в силу либо методологических ограничений, либо в силу собственной ангажированности, не принимают в расчет, что новые возрастные группы будут расщепляться по социальным группам и принимать их социальные ориентации. И чем больше будет развиваться имущественное неравенство, тем больше будут поляризоваться отношения уже внутри этих повзрослевших, когда-то «молодых возрастных групп».

То есть весь этот мифический «новый городской класс» будет сам поляризоваться и разделяться на противостоящие группы.

2.2.3. Уменьшительный тренд этносепаратизма

Если раньше, в XIX веке, национализм оформлялся в странах, не обретших национального единства, а в XX веке в лице немецкого нацизма стремился к тому, чтобы поставить себя выше других наций, то к концу XX века появилось тяготение тех или иных субнаций к отмежеванию от основного массива тех гражданских наций, в составе которых они обрели национальную и государственную реализацию.

При этом, с одной стороны, это течение (этносепаратизм) как будто оставалось в общем векторе классического национализма, с другой — как-то странно прямо с ним расходилось.

Этносепаратизм, говоря от имени того, что он объявлял нацией, как бы оставался в общем ценностном пространстве национализма. Но одновременно он, в отличие от старых форм национализма, выражал не тенденцию укрупнения и

восхождения форм политической жизни, а звал к их разукрупнению, причем не в ответ на некое неравноправное положение данного народа (как это было, скажем, в Австро-Венгрии или колониальных империях), а просто на основании своей особенности. Идею этой особенности он брал уже не из классического национализма, а из нацизма XX века. Но и с ним он расходился, поскольку звал не к возвышению нации, а к ее обособлению.

Первый национализм звал: «Мы объединим нашу страну и будем в ней хозяевами». Второй: «Мы объединим мир и будем в нем господами». Третий сказал: «Мы разделим нашу страну и сами будем жить “без чужих” в том осколке, который от нее останется».

То есть если первый действительно объединял нацию и не проводил в этом объединении «этнических границ», второй возвышал нацию, границу этническую проводя между господами и рабами в новом, более крупном государстве, третий делит страну по этническому принципу, одновременно деля и раскалывая саму нацию.

Россия, кажется, становится первой страной, где третья форма национализма может проявиться во всем своем абсурдном и регрессивном облике.

Собственно, первым, еще не вполне четко национально оформленным проявлением этого стала пресловутая декларация о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 года. Вторым — Беловежье.

Правы те аналитики, которые отмечают, что союзное государство было разрушено вовсе не «либеральными космополитами». Его своими идеями «русской самодостаточности» разрушали «русские патриоты», которым и принадлежал изыск с провозглашением суверенитета России.

Если старые националисты хотели ареал своего обитания увеличивать, то ли объявляя частью своей нации другие народы, то ли переводя их на положение неполноценных и неравноправных, то русские этносепаратисты, зовя к «очищению России», зовут к ее дальнейшему разделу и уменьшению.

Националист, который зовет к раздаче на деле собственных земель и уменьшению собственной страны. И почему он

должен называться националистом, остается гадать. По сути, он зовет из существующей нации сделать несколько новых, абсолютно не смущаясь тем, что призывает разделить всё то, что как раз русский народ собирал несколько столетий, то есть зовет к предательству всей истории самого русского народа.

А поскольку никакого сверхпроекта будущего они тоже не предлагают, они, похоже, просто не хотят напряжения и мобилизации.

Здесь кроется некоторое ядро того, что они из себя представляют. И того, в чем они, как ни странно, генетически родственны отечественным «либералам».

Этносепаратисты апеллируют к тому, что «русский народ устал нести имперское бремя», понимая под русским народом самих себя.

Сам русский гиперэтнос являлся продуктом многосоставной интеграции многих племен и этносов, а русская культура — продуктом усвоения и творческой переработки, интеграции лучших достижений мировой культуры.

Интегрированные в элиту империи представители малых народов всегда больше дорожат имперским единством, внутренне осознавая, что, пока империя есть, они являются правителями великой страны, если империи не будет, их участь быть князьками мелких приграничных государств. В качестве первых они диктуют свою волю полумиру, в качестве вторых — кланяются всему миру.

Русское мирознание, всё то, что делало человека собственнорусским, было построено на осознании и реализации тех или иных миропроектов, абсолютно наднациональных, и тем более надэтнических. Самоощущение русского никогда не строилось на самоидентификации: «Мы — те, кто живет от этой горы до этой реки, кто имеет такой-то цвет глаз и такой-то цвет волос». Оно всегда строилось на идентификации: «Мы — те, кто познал истину, но не для себя самих, а для всего мира».

С точки зрения русского самосознания, Россия — это то, без чего нет мира, это оазис истины в дремлющем заблуждении, заслуживающем снисхождения.

Можно спорить, хорошо это мессианство или плохо, больше оно в истории приносило удобств или лишений. Важно то, что убрать это, разрушить это начало — значит разрушить русскость как таковую.

Как ни утверждает кто-либо, что ни народу России, ни народам России империя не нужна, сам этот народ — или сами эти народы — считают иначе.

По левадовским данным еще десятилетней давности²⁷, на вопрос «Вы бы хотели жить в огромной стране, которую уважают и побаиваются другие страны, или в маленькой, уютной, безобидной стране?» в 2008 году 75 % предпочли первый вариант (империя), хотя в 2000-м их было лишь 63 %, а второе (малое государство) — лишь 19 %, хотя в 2000-м их было 28 %.

При этом при ответе на вопрос «Вы бы хотели жить в стране, которая активно защищает свою культуру и традиции (А), или в стране, открытой всему миру и всем современным веяниям (В)?» вариант А избрали 77 % (в 2000 году 62 %), а вариант В — 18 % (тогда как в 2000 году их было 24 %).

И одновременно при ответе на вопрос «Вы хотели бы жить в стране, где религия играет важную роль в политике (А), или в стране, где отношение к религии является частным делом и религия не влияет на политику (В)?» в поддержку варианта А высказались 27 % (в 2000-м — 33 %), а варианта В — 62 %, хотя в 2000 году их было 57 %.

Это данные 2008 года. Но и более поздние данные, опубликованные «Левада-Центром»²⁸, подтверждают эту же картину.

Прежде всего стоит отметить, что подавляющее большинство граждан страны вовсе не воспринимают даже старую Российскую империю (которой, конечно, можно было бы предъявить множество самых разных претензий) как «империю первого рода», то есть как государство, основанное на завоеваниях. 53 % граждан (в 1998 году — 51 %) полагают, что она была основана на добровольном присоединении народов. Что в большинстве отвечает действительности, во всяком

²⁷ URL: <http://www.levada.ru/press/2008031304.html>; дата обращения 23.10.2019.

²⁸ URL: <http://www.levada.ru/press/2011020902.html>; дата обращения 23.10.2019.

случае, применительно к той территории, которую позже воссоединил Советский Союз — без Польши и Финляндии. И лишь 27 % (в 1998-м — 28 %) думают, что она была основана на насильственном присоединении.

При этом сегодня 78 % так или иначе поддерживают мнение о том, что Россия должна восстановить свой статус великой империи. И 14 % этого не желают, причем лишь 2 % в их составе отвечают «определенно нет».

И получается, что сегодня в России есть два полюса: приносящиеся либералами расслабленные сибариты, националисты и «традиционалисты от обществоведения», которые этого не хотят и мнение которых разделяет 14 %, то есть все вместе они представляют лишь 14 % населения.

И противостоящие им 78 % граждан, которые инстинктивно ощущают, что всё, что имеется в виду под империей, — это их страна, на возвращение которой они имеют право.

Ориентация на империю в ее сохранении/восстановлении так или иначе ставит вопрос об определенной консервативной составляющей настроений российского общества.

2.2.4. Консерватизм и предмет консервации

Понимая консерватизм как приоритет сохранения существующего положения вещей, даже при традиционном бюрократическом признании необходимости постепенных изменений, осуществляемых в рамках утвердившихся институтов и норм, можно отметить постоянное существование вопроса о том, что именно рассматривается как ценностно подлежащее сохранению, т. е. консервации, что именно рассматривается как сущностная значимая традиция и сущностная ценность данного общества.

Есть определенная внутренняя логика в том, что после кризиса социализма на рубеже 80–90-х годов XX века и «великого провала либерализма» в 90-е годы (хотя на деле не либерализма, а имитации либерализма) в обществе, естественно, должно было сформироваться понятное разочарование в этих идеологиях, которое тоже вполне логично и для его

интуитивных ориентаций, и для значительной части политического класса приводило к политическому и интеллектуальному поиску в векторе традиционализма, в частности — консерватизма.

Строго говоря, возможен поиск и в области другой традиционалистской идеологии, национализма, и отчасти он идет, но, с одной стороны, он идет пока менее интенсивно, с другой — в значительной степени переплетается с отмеченным поиском в области консерватизма.

Причем в области консерватизма осуществляют поиск и идейно-политические эксперименты не только те или иные «венчурные», малые политические группы и публицисты, но и официальные партии страны: ЕР и КПРФ.

Первая в большей степени декларирует приверженность консерватизму, но в меньшей степени демонстрирует его понимание и формулирование в официальных документах. Вторая, публично декларируя верность коммунизму и марксизму, на деле в официальной риторике своих лидеров и их демонстрируемых тяготениях давно уже приобрела сугубо консервативный облик — не только в смысле «советского консерватизма», но и в смысле общего, вполне дореволюционно выглядящего консервативного дрейфа.

Это определенное общее тяготение в значительной степени отражает два определенных ситуацией запроса.

Первый — запрос на стабильность, отражение разочарования в тех или иных экспериментах, явное утвердившееся настроение общества быть оставленным в покое, получить возможность отдохнуть от «великих потрясений», откуда и демонстрируемая подчас любовь к Петру Столыпину, несмотря на печальные итоги его эксперимента. Подспудный интуитивный консерватизм, имеющий место в обществе, — консерватизм не в идеологическом, а в темпераментном смысле — это просто своего рода призыв ко всему, к чему можно обратиться: «Оставьте нас в покое!»

Второй запрос — это определенный запрос на идентичность. После нескольких резких поворотов истории — попытка усвоить, понять, кто мы есть, и не только понять и

самоидентифицироваться, но и, приняв, утвердить и сохранить, консервировать, это некоторое сущностное значение.

Можно понять, что после смены трех исторических идентификаций, апеллировавших к началам значимо-смыслового порядка («я — православный», «я — солдат великой империи», «я — советский человек, творец нового мира»), государственно-географическая идентификация «я — россиянин» выглядит незначимо и не впечатляюще — и не потому, что неверна или плоха сама по себе, а потому что не отвечает тому уровню значимости, который уже стал исторически привычным. Кто такой россиянин? Гражданин Российской Федерации. А что такое Российская Федерация? Это то, что осталось от Советского Союза и Российской империи. То есть идентифицироваться как «я — россиянин» — значит идентифицироваться в значении «я — гражданин того, что осталось от некогда великой страны». То есть в конечном счете «один из тех, кто позволил этой великой стране прийти к катастрофе и смирился с этой катастрофой».

Понятно, что такая самоидентификация в конечном счете ущербна и носит пораженческий характер.

Один из вариантов преодоления этой ущербности, даже если он себя прямо с этим не ассоциирует, — показать некое сущностно значимое начало, которое может за ним скрываться. Это попытка показать, что россиянин — это носитель некой цивилизационной сущности, некой исторической традиции. Носитель неких ценностей, которые он способен предъявить перед лицом общей деградации страны и сохранить перед лицом наступающего Постмодерна.

Отчасти это отразилось в весьма своеобразном опросе, несколько лет назад проведенном ВЦИОМ²⁹, где опрашиваемым предложено было выбрать среди трех позиций:

сторонники традиционных русских ценностей, национальной независимости и самостоятельности, укрепления сильной державы, защиты интересов русских;

²⁹ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2374>; дата обращения 23.10.2019.

сторонники левых, социалистических идей, социальной справедливости, равенства, защиты интересов людей труда, антиглобализма;

сторонники правых, либеральных идей, экономической свободы, прав человека, политической демократии, сближения с Западом.

Первая позиция получила 31 %, вторая — 18 %, третья — 13 %. Из чего центром был сделан спорный вывод о том, что большинство россиян привержены не либерализму или социализму, а некоему «национальному консерватизму».

Некорректность заключалась в том, что, во-первых, «русская традиция» противопоставлялась социализму и либерализму, хотя на сегодня в ней есть и традиция социализма, и традиция русского либерализма, а во-вторых, исключительно ей были приписаны ориентация на национальную независимость и сильное государство, но одновременно из нее выводилась ориентация на социальную справедливость. Плюс к этому данной позиции, которую ВЦИОМ расшифровал как «национальный консерватизм», была приписана «защита прав русских», притом что национализм как таковой среди вопросов представлен не был.

Но вот здесь как раз и встает проблема: что, собственно, есть сама сущностно русская традиция?

Консерватизм, в отличие от и либерализма, и коммунизма, и в известной степени национализма, есть не в полном смысле слова идеология. Он сам по себе не зовет к той или иной модели общественного устройства как цели движения прогресса, он зовет к сохранению. Лучшее для него в значительной степени — всегда позади, а не впереди. То есть образец в той или иной его форме — либо в качестве формы относительно готовой, либо в качестве тенденции — лежит не в будущей истории, а в прошлой.

Определенного толка традиционалисты говорят о том, что русская традиция — это традиция сохранения неких изначальных ценностей русского народа. Если пытаться представить русскую традицию как традицию обычая, то никуда не деться от того, что с этим обычаем постоянно в той или иной

степени, в той или иной форме боролась русская устремленность к новациям, к «лучшему миру».

Если смотреть с точки зрения традиции как постоянно несомой константы русской цивилизации, то, между прочим, в значительной степени эта традиция в поиске новаций.

А еще в более широком плане — это традиция раскола. В России всегда ориентация на найденную истину (обычай) борется с ориентацией на поиск высшей истины, то есть на ниспровержение обычая, с новацией.

Здесь как раз внутренняя проблема поиска консерватизма в сегодняшней России. Потому что даже если обернуться в поиске лучшего образца в прошлое, отчаявшись увидеть его в будущем, то приходится увидеть бесспорно героическое, но героическое именно в своей внутренней борьбе и расколах, великое прошлое.

Уже весной 2014 года ВЦИОМ представил интересные данные опроса об отношении граждан страны к консерватизму, которые предсказуемо интерпретировал так: «*Консервативные идеи приобретают популярность в российском обществе*»³⁰. И анонсировал два вывода.

Первый: концепция консерватизма благоприятна для поступательного развития общества, уверены 56 % россиян.

Второй: идеи консерватизма сегодня более популярны среди наших сограждан, чем десять лет назад.

Формально это могло бы оказаться верным, поскольку опрос дал именно те цифры, которые называет ВЦИОМ.

Более того: с одной стороны, понятно, что сверху, от власти, идет определенный запрос на консерватизм, определенное настроение, *желаемость* того, чтобы это оказалось верным. С другой стороны, в обществе, конечно, есть наблюдаемый повсеместно запрос на сохранение того, что работает, и нежелание ни новой перестройки, ни новых реформ.

Какой кровью страна заплатила за первое и какой нищетой за второе, слишком памятно. Может быть, об этом и забыли бы, к концу 2000-х ожидалось определенное ожидание

³⁰ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=842>; дата обращения 23.10.2019.

некого обновления. Но после того как вслед за провозглашением лозунга развития, а потом модернизации начали вставать призраки 1990-х и «Болотного мятежа», на сегодня еще и ассоциирующиеся с событиями и погромами в Киеве, люди в основном хотят, чтобы политики оставили их в покое и дали возможность обустроить то, что есть, а не призывали всё перестроить, предварительно всё разрушив.

В то же время, действительно, из двух вариантов ответа, комплиментарного по отношению к консерватизму и негативного, в 2003 году первый выбрали 44 %, а сегодня — 56 %, второй же в 2003 — 27 %, но сегодня — 31 %.

То есть идет не нарастание доли сторонников консерватизма наряду с уменьшением его противников, а размывание, самоопределение тех, кто раньше затруднялся с ответом на этот вопрос. В 2003 году их было 29 %, сегодня их стало 13 %. Это поляризация. Исчезновение промежуточных групп. То есть движение к столкновению и противостоянию. В пропорции примерно два к одному, то есть ситуации, когда две трети общества могут столкнуться с одной третью.

Однако вот конкретные формулировки, вынесенные на опрос.

Первая: «Консерватизм — это то, что позволяет сохранить обычаи и традиции страны, существующий общественный строй и двигаться вперед без рывков и потрясений».

Вторая: «Консерватизм — это то, что не позволяет обществу двигаться вперед».

За первую сегодня действительно 56 %, за вторую — 31 %.

Но во второй формулировке смысловой центр один: согласны ли вы с тем, что консерватизм не позволяет двигаться вперед. Альтернативный вопрос должен был бы иметь смысловой центр такого плана: «Консерватизм то, что позволяет двигаться вперед».

И он есть. Но, кроме этого центра, в первой формулировке присутствуют и другие, их вообще несколько:

первый — консерватизм позволяет сохранить обычаи и традиции;

второй — консерватизм позволяет сохранить общественный строй;

третий — консерватизм позволяет двигаться вперед. Причем, не «двигаться» вообще, а без рывков и потрясений. Кстати, смысл последнего в том, что консерватизм позволяет двигаться вперед медленно, без ускорения. То есть прорывного продвижения не обеспечивает.

С этой точки зрения данные результаты можно было бы интерпретировать прямо противоположно тому, как их интерпретировал ВЦИОМ: если он говорит, что в стране увеличилось число людей, считающих, что консерватизм позволяет двигаться вперед, то с не меньшим основанием можно было бы сказать, что в стране с 44 до 56 % увеличилось число людей, которые считают, что консерватизм не позволяет быстро двигаться вперед и обрекает на замедление развития.

А поскольку еще 31 % полагает, что консерватизм вообще не позволяет двигаться вперед, значит, в сумме 87 % граждан страны полагают, что консерватизм не способен обеспечить решение стоящих перед страной задач прорывного развития и существенным мобилизационным потенциалом не обладает.

Приведенная трехцентровая формулировка обеспечила повышение числа поддержавших ее, но не позволяла выявить реальный расклад предпочтений. То есть годилась, как могло показаться, для пропаганды и не годилась для объективного анализа. И, с одной стороны, дезориентировала тех, кому предстояло бы на ее основе принимать решения, но, с другой, создавала бы и пропагандистскую ловушку, позволяя оппонентам интерпретировать ответы почти прямо противоположно.

Реципиенту предлагалось ответить, считает ли он, что консерватизм сохраняет обычаи, и трудно было бы найти того, кто ответит иначе; что консерватизм сохраняет общественный строй, что, в общем, почти безусловно, если не затормаживает развитие настолько, что этот строй рухнет сам собой; и все эти ответы засчитывались за ответ на третью часть, что консерватизм позволяет двигаться вперед.

Были соединены два бесспорных суждения с одним спорным, и ответы на бесспорные засчитывались за нужные ответы

на спорный вопрос. С таким же успехом можно было бы сформулировать его так: «Считаете ли, что снег белый, Волга впадает в Каспийское море, а консерватизм не препятствует развитию?». И всех считающих, что снег белый, засчитать в почитателей консерватизма. Что по-своему, конечно, правильно, потому что данное суждение — суждение, утвердившееся традиционно. А тот, кто придерживается традиционного суждения, вполне может рассматриваться как консерватор.

Кстати, и тот, кто считает, что для свержения деспотической власти приемлема революция, тоже вполне традиционен, и потому вполне может считаться консерватором.

Если же говорить об артикулируемых симпатиях к консерватизму, то они значительно менее распространены, чем сконструированное ВЦИОМ мнение о развивающем потенциале консерватизма.

О своих определенных симпатиях консерватизму более или менее уверенно говорят 11 % граждан, в 2003 году — 9 %, то есть для одиннадцати лет рост не впечатляющий.

Другое дело, что о частичной симпатии консерватизму тогда говорили 28 %, сегодня — 37 %. И здесь рост больше. Но в обоих случаях этот вопрос следовал за первым который, изначально задавал по сути неадекватное понимание консерватизма, при котором свое формальное звучание «сочувствуете ли вы консерваторам» превращал в подспудное «сочувствуете ли вы тем, кто считает, что снег — белый».

И уже явная противоречивость: в формулировке первого вопроса согласие с тем, что консерватизм сохраняет существующий общественный строй, было отождествлено с согласием с тем, что он позволяет двигаться вперед.

То есть, с одной стороны, делается попытка манипулятивными методами утвердить в сознании человека положение о возможности обеспечивать полноценное развитие без смены общественного строя, а с другой игнорировался простой факт: строй, который на одном этапе является развивающим и прогрессивным, со временем всегда оказывается ведущим к катастрофе и остановке развития.

2.2.5. Антиэнтропийный запрос

Период деструкции, которым обернулись неудачные и концептуально не проработанные попытки проведения трансформаций на территории СССР в последние два десятилетия, вполне естественно среди прочих, как отрефлексированных, так и неотрефлексированных реакций, актуализировал значение и звучание консерватизма в самом широком спектре его подчас причудливых современных воплощений: от экономического консерватизма групп, выдающих себя за либералов, до консерватизма сохранения советского наследия, от архаичного традиционализма, видящего идеалы чуть ли не в допетровской Руси, до «социального консерватизма».

Поскольку консерватизм по определению есть сохранение, то период начавшего социального распада вполне естественно в своей антитезе актуализировал тему консервации при широком расхождении во взглядах на то, что именно подлежит этой консервации.

В основе этого кризиса, который многими аналитиками и исследователями рассматривается как кризис истории, лежали два фактора.

С одной стороны, к середине 1980-х годов было более или менее ясно, что встает вопрос о новом этапе развития, о переходе на более высокую ступень. И при этом характеристики этой ступени оказались неосознанными, предложенные трансформации оказались плоскостными инвариантами, ориентированными не «вперед и вверх», а «вбок и в сторону», либо «назад и вниз».

С другой, бредовость осуществленных в результате вариантов трансформации обернулась запуском механизма исторического и социального регресса в широком диапазоне: от реальной деиндустриализации страны до варваризации духовной и общественной жизни.

Последнее поменяло обычное место консерватизма по отношению к вектору движения общества: если в нормальном, поступательном движении консерватизм выступает противником движения как развития, определенным противником

прогресса, в ситуации попятного цивилизационного движения консерватизм в значительной степени приобрел несвойственную ему роль защитника достигнутых достижений прогресса, защитника освоенного пространства цивилизации от обрушивающих его энтропийных процессов.

В своем наиболее позитивном виде, противостоящем вполне реакционному и разрушительному «экономическому консерватизму» псевдолибералов и дистанцирующемуся зашоренному архаическому традиционализму, в своих наиболее интеллектуально проработанных вариантах (которые, кстати, не так уж часто встречаются), он приобрел вид «антиэнтропийного консерватизма», который не ищет, что бы еще разрушить из достигнутого уровня цивилизации, а пытается сохранить сущность ее гуманистических достижений, выходя на определенное центральное звено проблемы — вопрос о сохранении идентичности.

Однако и в этом своем виде, вполне оправданно пытаюсь выстроить заслон на пути варваризации, он оказывается противоречив и ослаблен противоречиями тех начал, к которым он пытается апеллировать.

В своем позитивном значении антиэнтропийный консерватизм более или менее четко и оправданно называет проявления тех угроз, которые нависли над цивилизацией в результате как противоречивого ее развития в благополучных странах, так и запуска регресса на пространстве СССР.

Веротерпимость, рожденная веком Просвещения, на самом деле в современной Европе оказалась воплощена не в преодолении ограничений религиозного сознания, а в «неоязычестве», когда на деле утверждаются религиозные формы, стоящие по своей организации ниже монотеистических религий, в частности, ниже уровня мышления христианской религии.

Атеизм, заключающийся в принятии сложной научно обоснованной картины мира и его гуманистических ценностей с отказом от гипотезы о высшем существе, оказался подменен «антиатеизмом», по сути означая культ изничтожения высшего существа без принятия ценностей, вызревших в монотеистическую эпоху.

Постулат о самоценности каждой личности был подменен де-факто провозглашением права индивида на пренебрежение к социуму. Право на неприкосновенность личной жизни — легализацией сексуальных извращений. Признание права национальных меньшинств на самобытность — ущемлением достоинства наиболее развитых народов. Интернационализм — полинационализмом, который готов в борьбе против «своего» национализма поддерживать и славить любой другой национализм, если только он провозглашает борьбу с «имперскими притязаниями» существующего государства.

Признание права каждого на неограниченное развитие было подменено де-факто правом на возвышение сильных и презрением к «слабым», т. е. к основной массе. Идея достойной жизни для каждого — культом совершенствования гипертрофированного потребления. Естественный процесс интернационализации всех сторон общественной жизни — экспансионистской версией глобализации, по сути означающей диктат одной части мира по отношению к другой.

Поэтому, когда антиэнтропийный консерватизм говорит о сохранении христианских основ современной цивилизации, в частности русской, о необходимости сохранения державной мощи российского государства (справедливо отмечая, что ее нельзя рассматривать как фетиш), о значении идеи «общего спасения» и «общего блага», о значении сохранения выработанных русской цивилизацией духовных ценностей, о роли солидаризма, об ответственности элиты и отдельного человека перед социумом, он объективно не противостоит прогрессу, как это было бы при защите тех же начал, если бы речь шла о движении общества в поступательном направлении, а защищает достигнутые завоевания, противостоит энтропии попятного реакционного движения. Защищаемые им постулаты могли бы быть ниже достигнутого, если бы они противопоставлялись движению вперед, но на сегодня они выше тех уровней, которые обозначены векторами развития энтропии.

Так, например, христианство и атеизм, боровшиеся друг с другом последние столетия, на сегодня объективно оказываются союзниками в удержании мира от падения к

дохристианским (и вообще домонотеистическим) формам сознания.

Однако выстраивая этот рубеж противостояния цивилизационному распаду, антиэнтропийный консерватизм сталкивается с ограничениями по нескольким направлениям.

Первое. Выстраивая рубеж обороны на уровне «допросветительской» эпохи (что тоже нужно, поскольку объективно в интеллектуальном и ценностном плане сегодня человечество по ряду направлений идет к падению значительно ниже), антиэнтропийный консерватизм не учитывает, что переход от этого уровня к веку Просвещения был предопределен уже несколько столетий назад из-за исчерпания этого уровня, его неспособности в рамках своей парадигмы обеспечить движение общества вперед. Век Просвещения стал возможен не потому, что сумел разбить постулаты старого общества, а потому, что эти постулаты перестали объяснять реалии жизни и интеллектуально обеспечивать развитие. Реформация была порождена к жизни загниванием католицизма, роскошью церкви и торговлей индульгенциями, эпоха Просвещения — ограничениями, которые религия и традиция выстроили на пути науки и общественной самоорганизации.

Антиэнтропийные консерваторы возлагают свои надежды в остановке регресса на «православные основы жизни русского народа». И повторяют тезис о том, что православие было, является и будет основой русской жизни.

Даже в первой, относительно верной, части этого тезиса сквозит неточность: не православие определило нормы русской общинной жизни, а специфика русской истории, организации жизни и культурных алгоритмов создали те действительно интересные формы православия, которые получили название «русского православия». В силу ряда особенностей формирования русской истории и цивилизации, подробно говорить о которых надо отдельно, русская культура приобрела такие важнейшие черты, как установки на поиск высшей истины, ее абсолютизация, определенное мессианство. Кстати, не надо переоценивать и традиции русской общинности: установка на значение личности, на подвиг индивида

просто пронизывает русскую традицию. В своем стремлении к постоянному поиску высшей истины и ее последующему ниспровержению русская традиция несет в себе глубинную установку на перманентно воспроизводящийся раскол, который наполняет всё содержание русской истории. И именно эта установка на воспроизведение раскола содействовала тем великим рывкам, которые неоднократно совершала страна в своем развитии.

Верно, что православие сыграло большую, великую роль в русской истории. Но, во-первых, оно не создавало, а выражало и закрепляло формы жизни, сложившиеся в реалии. Во-вторых, его роль по-настоящему существенна примерно до рубежа XVII века. Выход русского государства за географические границы собственно православной территории, поражение института «государя-патриарха» в противостоянии с «царем-государем» во времена Никона и последовавшая отмена патриаршества, когда православие в значительной степени обрело черты организации арианства, — те рубежи, пройдя которые, Россия от идеи православного царства ушла к идее империи. Можно спорить, что здесь первично, что вторично: то ли православие исчерпало свои организующие духовные возможности, что породило отмену патриаршества Петром, то ли отмена патриаршества привела к упадку православия (более обоснованным всё же представляется первое), но факт остается фактом: с конца XVII века при формальной государственном освящении православия реально отношение общества к нему концентрированно выражается пушкинской «Сказкой о попе и работнике его Балде», как и множеством других народных сказок.

А что касается того, что православие и будет духовной основой... Тут просто желательно посмотреть данные социологии, чтобы увидеть, что при поголовной моде на православие (которая ему вреднее, чем атеистические гонения), относящих себя к верующим хоть в какого бога — меньше половины населения, число более или менее ответственно относящихся к религии — на уровне от 1/20 до 1/50 от числа граждан. Число же способных сказать, в чем суть православия в отличие

от, скажем, католицизма или арианства, исчезающее мало. Известно, в частности, что среди тех, кто называет себя православными, лишь 2 % могут перечислить десять заповедей и мало кто может назвать основные постулаты Нагорной проповеди.

Второе ограничение. Антиэнтропийный консерватизм пытается поставить в центр своих подходов идеи солидаризма, общего дела, ответственности элиты и отдельного человека перед социумом. На фоне атомизации общественной жизни и общественного сознания, на фоне абсолютно деградировавшей, эгоистической и безответственной элиты, рассматривающей остальное общество не то что в качестве «муравейника», а просто в качестве объекта эксплуатации и манипулирования «творческим меньшинством», конечно, это есть попытка выстроить барьер и против этой атомизации и безответственности. Лозунгу 1990-х «кто больше наворует, кто не ворует — тот лох» они пытаются противопоставить осознание того, что нельзя жить за счет растаскивания, надо вспомнить о том, что Россия была рождена «собранием», в частности, собранием земель, и пытаются призвать к этому собранию.

Однако, как ни странно, и в их числе (как и в обществе в целом) оказываются так называемые «уменьшительные националисты», которые то провозгласят, что «империя есть смерть России», то заявят о необходимости преобразования созданного православием, империей и большевизмом многонационального социума в некое «национальное государство» по типу то ли Франции (давно не мононациональна), то ли Голландии (надо полагать, с ее нравами), то ли Люксембурга (где там нация?). То есть предлагают продолжить и ускорить процесс энтропии, предлагая раздать каждому, кто чего еще не украл, а самим остаться жить «без инородцев».

Но важнее другое. Антиэнтропийные консерваторы справедливо отмечают дефектные качества и самой российской элиты, и существующей дифференциации общества, неслучайно пытаются обратиться к ценностям социал-демократии. Положение таково, во-первых, потому что таковы

созданные распадом экономические условия. Во-вторых, потому что элита именно такова. Переделать качества этой элиты нельзя. Ее можно только, скажем, активно ротировать. Создать отношения «соборности» — это, во-первых, значит изменить экономическую организацию, при которой будет устранена разнородность социально-экономических интересов, во-вторых, политически мобилизовать общество в противостоянии данной элите. То есть общество сегодня реально расколото, устранить раскол можно не увещеванием элиты, а такой радикализацией этого раскола, когда его часть, являющаяся носителем энтропии, будет преодолена и снята. И ликвидированы экономические условия, ее породившие и порождающие.

Наконец, третья. Антиэнтропийные консерваторы, противостоя процессу исторического регресса, в своих духовных и философско-политических принципах апеллируют к тому, что можно в самой русской традиции назвать «героическим мученическим стоянием». Но процесс не останавливается стоянием. Процесс останавливается противоположно направленным движением, то есть процессом. «Стоянием» процесс энтропии можно замедлить (что тоже неплохо), можно очистить себя в собственных глазах, получив основания сказать «но мы не поддались», что достойно. Но, если вспоминать идею «коллективного спасения», величественное «истинной верой, даже в огне, вместе спасемся», подвижническое стояние не спасет самого подвижника, если не станет коллективным действием социума. Его значение велико, но лучшее, что оно может дать — пример и оплот для широко-масштабного социального действия.

А такое действие, если опять же не видеть его только в «стоянии», должно иметь цели, проект, механизмы. Даже если бы удалось убедить всех «соборно встать» на пути энтропии, во-первых, энтропию это не остановит: она такая нехорошая вещь, что именно «стоящих» разлагает и уничтожает с особым успехом. Поскольку речь может идти о большем, об «общем деле», то надо сказать, что это за дело. И опять получается «что делать?». Плюс этого антиэнтропийного течения

в том, что они к этому вопросу подводят, сказав об общем деле, но останавливаются перед уточнением «кому делать?», потому что «все» неоднородны, и одним из этих «всех» это «дело» делать будет выгодно, а другим — нет, а кроме того, в чем именно это общее дело должно заключаться, тоже не говорят.

Ведь и псевдолибералы звали к «общему делу» — совместному разрушению страны и ее экономики.

И говорить «все вместе строим соборность» не означает ничего.

В лучшем случае это значит «всем вместе строить XVII век». Но и там где можно увидеть эту соборность? Если на ее счет и заносить изгнание поляков в 1613 году и сбор Земского собора, она закончилась избранием на престол самого слабого из возможных кандидатов, представлявшего к тому же одну из партий национал-предательства Тушинского лагеря, и отстранила от собственной реализации всех тех, кто сделал ее возможной. Ни Минина, ни Пожарского в вершителях судеб отвоёванной ими России не оказалось.

Не соборность творила историю России, а репрессии и бунты, народные вожди и просвещенные тираны — кто угодно, только не соборность. XVII век стал не веком народного единения, а «бунташным веком». И для выхода из исторического тупика этого столетия потребовалась воля Петра, на костях выстроенные Петербург и русский флот, переплавленные на пушки колокола, отброшенные обычаи и превращенное в государственную службу официальное православие.

Всё это, конечно, не отрицает, что антиэнтропийный консерватизм не только стремится к объективно необходимому противостоянию регрессу, но и действительно ему противостоит. И рубеж, который он пытается выстроить, так или иначе замедляет антиэнтропийное движение, то есть объективно служит защите прогресса и цивилизации. И в этом смысле уже сегодня делает «общее дело».

Вопрос в том, что материал, из которого он складывает свою баррикаду, непрочен. Да и просто остановить энтропийный процесс ею нельзя: нужен другой процесс, способный вернуть историю в ее естественное русло и пойти вперед.

2.2.6. Особость русского пути

В этом же смысловом пространстве находится и постоянно обсуждаемая тема «особого российского пути».

Во-первых, потому что не определяется суть «особости». Во-вторых, потому что любой путь любой страны всегда особ. Тем более если какой-то смысл имеет вопрос «вы хотите, чтобы ваша страна развивалась по европейскому или по азиатскому пути», что тоже более чем неопределенно, то вопрос, обращенный, например, к французу: «Вы хотите, чтобы ваша страна развивалась по общеевропейскому пути, по пути, которому ее вел генерал де Голль, или по особому французскому пути?» — всеми будет воспринят как абсурдный, но так или иначе всё склонится к ответу: «По французскому».

Хотя бы потому, что он так или иначе все три варианта будет в себе воплощать.

Но в отношении к выбору пути не это главное. Действительно, за год с марта 2013 года до момента Крымского рубежа число тех, кто на вопросы «Государством какого типа вы хотели бы видеть Россию в будущем?» ответил «государством с совершенно особым устройством и своим путем развития», выросло с 33 до 38 %, а тех, кто ответил «государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой», — упало с 33 до 28 %. И число тех, кто хочет видеть Россию «социалистическим государством типа СССР», осталось на прежнем уровне — 24 %³¹.

В рамках этого, на первый взгляд, можно говорить, что примерно 5 % сторонников «европейского пути» переместились в ряды сторонников «российского», и именно под воздействием недружественных действий западных партнеров.

Конечно, этот фактор тоже имел место конкретно в том году. Но год — сам по себе недостаточно показательный период для долговременных выводов.

«Левада» приводит (хотя и не комментирует) данные с 2008 года. И тут картина другая, хотя для «европеистов» тоже

³¹ URL: <http://www.levada.ru/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put>; дата обращения 23.10.2019.

не утешительная. По сравнению с январем 2008 года доля сторонников «особого российского пути» не выросла, хотя почти и не сократилась: соответственно, 39 и 38 %. При динамике по промежуточным годам: 39 % в 2008-м, 36 % в 2011-м, 41 % в 2012-м, 33 % в 2013-м и 38 % на момент Крымского прорыва. То есть колебания были, но в целом всё осталось на одном уровне.

Одновременно заметно сократилась доля тех, кто хочет видеть Россию «государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой» с 32 % в 2008 году до, как было сказано, 28 % сегодня. По годам здесь колебания давали: 32 % в 2008-м, 30 % в 2011-м, 31 % в 2012 году, 33 % в 2013-м и 38 % через год.

И на фоне этого число сторонников социалистического государства по типу СССР дает куда более яркие результаты (по годам): 17 % в 2008-м, 23 % в 2011-м, 22 % в 2012 году, 24 % в 2013-м и 24 % в 2014-м. То есть если с 2008 года по начало «Крымской эпохи» число сторонников особого российского пути практически не изменилось, а сторонников западного упало, то число сторонников СССР выросло в полтора раза. Интересно, что стабильный показатель имеет ответ «идти по советскому пути», притом что поколение, которое жило в эпоху СССР, постепенно уходит, а это значит, что происходит пополнение данной ценностной ниши представителями уже совсем иных поколений.

Ответ «идти по своему собственному, особому пути» означает в данном контексте «только не по западному пути».

Но есть и еще одна важная сторона вопроса. Когда реципиенты начинают отвечать, в чем они видят «особый путь России», они называют те его моменты, которые без труда узнаются. Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни» — 31 %; несоответствие ценностей и традиций России и Запада — 23 %; учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан — 19 %. И далее необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения, готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства.

Все названные черты — это черты СССР периода его расцвета. Кто-то это осознаёт в большей степени и говорит об этом прямо, кто-то — в меньшей и использует эвфемизм. Но имеют в виду они одно и то же.

То есть, говоря об особом российском пути, люди в не всегда осознаваемом виде, подспудно, по существу имеют в виду именно то, что другие более откровенно называют «советским путем».

Разбивка вариантов ответов на «особый российский путь» и «путь СССР как социалистического государства» — на самом деле лишь манипуляционная уловка социологов, пытающихся разбить голоса отвергающих то, что они называют «государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой». Еще они называют его движением «по общему для современного мира пути европейской цивилизации».

Но вот если первый из этих образов еще собирает 28 % сторонников, возможно за счет пиетета перед словом «демократия», то доля поклонников второго падает уже до 21 %.

Потому что если слова «Европа» и «демократия» хотя бы понятны, то слова «общий для современного мира путь европейской цивилизации» — это вообще оксюморон, который мог родиться только в рамках откровенного когнитивного диссонанса. Не потому, что не бывает общего пути цивилизации, — бывает. И не потому, что современная европейская цивилизация плоха или хороша. Это вообще разные вещи: европейская цивилизация хороша, современная европейская — плоха и нелепа. Хотя бы потому, что она в общем-то к европейской уже никакого отношения не имеет.

А потому, что нужно либо говорить о пути, общем для современного мира, либо это путь европейской цивилизации. Первое — общее. Второе — частное. Европа, хороша она или нет, это просто не весь мир.

На сегодня картина пристрастий к тем или иным политическим идеалам и моделям выглядит примерно так: сторонниками нынешней политической модели являются примерно 25 % граждан. Сторонниками оппонирующей ей

постмодернистской «западной модели» — порядка 12 %. 8 % насчитывают сторонники «традиционализма», считающие целесообразным восстановление монархии (при этом лишь половина последних всерьез выступают за возвращение изгнанной в годы революции династии). И наибольшее число — 39 % — являются сторонниками советской политической модели, существовавшей до катастрофы конца 1980–1990-х годов.

Условно говоря, 8 % «белых», 12 % «голубых», 25 % «трехцветных», 39 % «красных». Большинства нет ни у кого. И оно возможно лишь в некоем союзе или коалиции. Причем, что особо нужно отметить, серьезное большинство нельзя создать никакой комбинацией, исключаяющей «красных».

2.3. Позитивно-деятельностная культура как синтез функций сохранения латентных образцов и целедостижения

2.3.1. «Сохраняющий прорыв»

Если рассматривать мобилизационную способность как некую производную от сочетания ценностей и целей, определяющую потенциал и характер данной мобилизации, мы можем сопоставить общественные запросы современной России с моделями воздействия, которое могут оказать те или иные идеологии.

Решение практических и в то же время стратегических задач, стоящих сегодня перед Россией, требует обеспечения консолидированной позиции и поддержки общества. Притом что на сегодня оно ценностно и идеологически расколото, как по отношению к идеологическим постулатам и символам, так и по отношению к тем или иным периодам российской истории: дореволюционному и советскому.

Основной принцип деятельного политического согласия: нельзя детерминировать себя прошлым, нужно детерминировать себя будущим.

Те, кто идентифицирует себя в большей степени с досоветским периодом, «белые», и те, кто идентифицирует себя в

основном с советским периодом, «красные», никогда не сойдутся между собой в оценке основных культовых эпох того времени, в идеологических постулатах и в методологии. Но они сойдутся друг с другом, как и с «трехцветными», в признании, что суверенитет России по определению приоритетен, что «рыночная парадигма» в XX–XXI веках порочна и бессмысленна, что Россия должна иметь сильную и современную армию, авиацию и флот, передовые технологии и должна тем или иным путем восстановить свою территориальную целостность в границах минимум 1985 года, как и зоны влияния, оговоренные Потсдамской конференцией 1945 года. А также в том, что в стране должно быть создано постиндустриальное производство и сама она должна быть социальным государством.

Историко-идеологические споры по этому поводу могут длиться годами и десятилетиями. Но два факта требуют в этом отношении особого учета с точки зрения текущей политико-социологической значимости.

Первый — то, что наивысшего могущества по своей роли в мире Россия достигла именно в период СССР, когда она сыграла определяющую мировую роль (до двух третей планеты находились в зоне ее политического, экономического и идеологического влияния) и воспринималась большей частью человечества как желаемый образец.

Второй — то, что, с одной стороны, большую часть описанного политического союза составляли бы политические симпатизанты советской модели: 39 % из 69 % доли данного союза среди всех граждан. С другой, что в общем составе населения доля позитивных культовых образов и фигур советской эпохи еще больше и начинает возрастать и в наиболее молодых группах.

В показателях гордости и стыда за страну у граждан России резко выросли две позиции³². Примерно на прежнем привычном уровне остается гордость за Победу в Великой

³² URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>; дата обращения 23.10.2019.

Отечественной войне: ею гордятся 87 %. Выше было только в августе 2008 года — 89 %, потом был спад, 83 % в 2017-м и 87 % в декабре 2018-го. Но в целом, начиная с 1999 года (86%), это примерно один уровень.

На привычном первом месте остается главный показатель стыда: стыд за бедность и неустроенность великого народа в богатой стране — 61 %. Место привычное, первое. Уровень явно вырос: в 2017 году было 54 %. А в 1999 и 2003, соответственно, 79 и 78 %. Затем последовательно падал — и вновь взлетел.

Но что непривычно: резкий рост гордости за первенство страны в освоении космоса: с 41 % в 2017 году до 50 % в декабре 2018-го. Правда, в 1999 году было и вообще 60 %, но тогда на орбите еще была советская станция «Мир», которую вскоре догадалось утопить российское руководство, причем основным мотивом был ультиматум США: либо утопите свою, либо не будем вместе создавать международную. Теперь своей собственной космической станции нет, а МКС по ряду параметров, как оказалось, технологически и по комфорту уступает тому же «Миру». Зато выяснилось, что летать на МКС пока можно только на российских «Союзах», спроектированных еще в СССР.

И резко вырос второй показатель стыда — стыд за разрушение СССР: с 28 % в июне 2015 года, 33 % в январе 2017-го до 45 % в декабре 2018.

В этом опросе «Левада-Центра» вообще много интересного, например, рост стыда за перестройку и падение стыда за репрессии, но это нужно анализировать отдельно. В данном случае — пока только о первых показателях.

Гордимся Победой и Космосом — и стыдимся разрушением СССР. И стыдимся бедности народа в богатой стране, всё же связано. И Победа, и Космос — это СССР. И нищета, и разрушение Союза — это отказ от того, на чем он был построен. И до сих пор сохраняем первенство в Космосе — на работах разрушенного Союза. И до сих пор нищенствуем — благодаря разрушению последнего.

Космос как прорыв страны вообще уникален и показателен. Прорыв, конечно, связан с именем и временем Хрущева: спутник 1957 года, полет Гарина 1961 года, первая женщина-космонавт 1963 года, первый многоместный корабль взлетел тоже еще при Хрущеве в октябре 1964-го. Правда, приземлился уже без него. Но и выход человека в открытый космос в марте 1965 года готовился и был запланирован еще им. Кстати, и первые полеты на Луну, и достижение Луны, начиная с 1959 года, — это тоже при нем.

Хрущев — это триумф СССР в космосе. Но все эти программы начал не он — и работы Королева, и программа этих полетов были развернуты еще при Сталине. А ответственным за космос еще при Хрущеве был, как секретарь ЦК, Брежнев. Кстати, мало кто помнит, что за полет Гагарина Брежнев получил Звезду Героя Соцтруда. Единственную. Вот Золотых Звезд Героя Союза было с перебором — четыре. А Золотая медаль «Серп и Молот» (Звезда Героя Соцтруда) одна, за космос. И единственная, полученная тогда, когда он не был первым лицом в государстве.

Три противостоящих друг другу имени — и три имени, связанных с достижением первенства страны в космосе.

Но космическая программа СССР была начата даже не Сталиным. Мало кто помнит, и многие сегодня удивятся, но космическую программу страны начал еще Ленин: именно при нем была создана Газодинамическая лаборатория при РККА (с 1933 года — Реактивный институт при Наркомате тяжелой промышленности СССР).

Известно, что на VIII съезде Советов, когда обсуждался план ГОЭЛРО, Ленин говорил и об освоении космоса.

Именно по его инициативе в 1918 году Циолковский получил статус академика, а позже — пожизненную пенсию. Именно он, увлеченный услышанным им в 1921 году докладом Фридриха Цандера, увлек его уйти с завода и посвятить себя разработке межпланетной космической техники.

Цандер потом вспоминал: «Всю ночь я не мог заснуть, находясь под впечатлением встречи... Всю ночь шагал я по своей комнатухе и думал о величии этого человека. Я думал:

ведь страна наша разорена из-за войны, хлеба мало, угля мало, заводы стоят, а этот человек, который руководит таким большим государством, выкраивает еще время, чтобы послушать о межпланетных полетах. Значит, осуществится моя мечта, думал я».

Всё это забыто сегодня, но именно тогда, еще в 1918–1920 годах, в частности, по инициативе Ленина были основаны многие будущие научно-технические программы и открыты десятки исследовательских институтов.

Имя «кремлевского мечтателя» Ленин получил от Уэллса не только за политический оптимизм и веру в победу революции — за полет научно-технических замыслов и проектов. Он записал после беседы: «Ленин сказал, что, читая роман (Уэллса) «Машина времени», он понял, что все человеческие представления созданы были в масштабах одной нашей планеты. Эти представления основывались на предположении, что техническая мощь никогда не перейдет земного предела. Но если, продолжал Ленин, мы сможем установить межпланетные связи, тогда придется переосмыслить все наши философские, социальные и моральные представления. И в этом случае техническая мощь, став безграничной, положит конец насилию как одному из факторов прогресса».

Отдел по редким элементам и радиоактивным веществам во главе с Вернадским, Институт физико-химического анализа, Химический институт и Институт платины. В 1918 году под руководством В. И. Вернадского было организовано изучение и добыча радиоактивных веществ. В 1920 году образована Радиевая ассоциация. В рассматриваемый период — физико-технический отдел Государственного рентгенологического института под руководством академика А. Ф. Иоффе. В мае 1919 года — Государственный научно-исследовательский керамический институт.

Вся эта мощь создавалась тогда, еще при Ленине, вместе с созданием советского проекта и СССР.

Вся эта мощь стала обрушаться вместе с разрушением СССР, чего всё больше стыдятся граждане страны.

И даже то, чем продолжают сегодня гордиться, — это остатки того, что было создано тогда, в рамках советского проекта.

Гордятся и тем, что было создано и сделано до революции и советского проекта (литература, искусство, наука, успехи русского оружия), и чем-то, что было в постсоветский период, — Крым. Но и наследием досоветским, и наследием постсоветским гордятся меньше, чем оставшимся от советского.

Даже воссоединением с Крымом граждане страны гордятся сегодня меньше (45 %) чем выходом в космос (50 %), причем если в 2017 году еще больше гордились Крымом (43 %), чем космосом (41 %), то на сегодня они местами поменялись.

После смены власти в 1917 году НИИ стали массово создавать. После смены власти в 1991 году их стали (и продолжают) массово закрывать. Сделав главной в науке не должность научного руководителя и ученого, а главного бухгалтера и коммерциализатора. Для оценок этого во многом достаточно.

Поэтому стране остается лишь гордиться Победой советского народа в 1945 году и первенством СССР в освоении космоса и стыдиться разрушения СССР и наступившей после этого нищеты.

Нужно учитывать и то, что сам коммунизм как общественное устройство подавляющее большинство граждан (59 %) и сегодня оценивает положительно при 15 % отрицательных оценок³³. Это же отношение, хотя и при естественной корректировке, характерно и для возрастных групп в диапазоне 18–30 лет: 47 % против 25 %.

Это обоснованно с точки зрения существа этих целей и идеалов. Но это целесообразно и с точки зрения сегодняшней политической эффективности.

И одновременно первую тройку наиболее значимых для граждан прав³⁴ составляют: право на жизнь — 69 %, право на бесплатное образование, медицинскую помощь, на обеспечение в старости, при болезни — 65 %, право на хорошо

³³ URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11120>; дата обращения 23.10.2019.

³⁴ URL: <http://www.levada.ru/print/27-01-2014/rossiyane-o-svoikh-pravakh>; дата обращения 23.10.2019.

оплачиваемую работу по специальности — 53 %, а тройку, занимающую нижнюю часть перечня: свобода вероисповедания — 27 %, право избирать своих представителей в органы власти — 21 %, право на выезд из страны — 20 %.

Понятно, что сама по себе приверженность тем или иным ценностям может носить разный характер. И высказанное предпочтение тем или иным ценностям не тождественно мобилизационной готовности действовать во имя этих ценностей. Саму методику определения мобилизационного потенциала нужно разрабатывать. Однако если исходить из того, что готовность к действию с риском для жизни или в условиях вооруженного противостояния является его показателем как одна из высших форм мобилизации, нужно особо учитывать следующие моменты:

- ранее приведенные данные ФОМ о том, что в случае возникновения сегодня «дилеммы 1917 года» на стороне красных с оружием в руках выступили бы 26 % граждан, на стороне белых — 6 %;

- данные этой же социологической компании о том, что положительная оценка Ленина и Сталина, сокращаясь по мере уменьшения возраста респондентов до группы 25–34 года, вновь начинает возрастать в группе 18–24 года, причем положительная оценка Ленина в этой возрастной группе существенно опережает положительную оценку Сталина.

Интеллектуалы и политические философы могут спорить о большей или меньшей теоретической привлекательности и гуманистической наполненности той или иной идеологии. Публичные шоумены могут бесконечно эпатировать, предавая проклятиям те или иные события и деятелей истории. Историки — бесконечно спорить о трактовках тех или иных фактов. Для реальной политики и реальных политиков важно другое: что дает наибольший реальный эффект. Важно не то, какая идеология больше нравится принимающим решение, важно то, какая идеология в данный момент может более эффективно решить стоящие перед страной задачи.

«По выражению Ж.-П. Сартра, проза утилитарна, это семантический язык, “прежде всего определенная установка

ума”³⁵. Поскольку “писатель должен о чем-то говорить”³⁶, он, в отличие от поэта, поэтически относящегося к языку, освобожденному от инструментальной функции, пользуется языком, полным значений, не покидает утилитарную плоскость языка и уже в силу этого оказывается вовлеченным, “ангажированным”, по терминологии Сартра»³⁷.

Если перед страной стоят задачи обеспечения национального суверенитета, восстановления территориальной целостности и форсированного технологического прорыва, значит, стране нужно не постепенное, а форсированное, прорывное развитие. Если оно нужно, нужен мобилизационный потенциал. Если он нужен, нужна идеология, обладающая большим мобилизационным потенциалом созидательного характера.

При этом, если вернуться к вопросу о том, что в условиях запроса на сохранение, т. е. на «консервацию», должно быть сохранено, — то нужно признать, в своем сущностно-историческом плане консервация означает сохранение базовых традиций русской социокультуры: стремление к радикальности и завершенности масштабного созидания, мессианство и приверженность общества к исполнению роли открытия смыслов высшей истины и обогащению ими человечества, эгалитаризм и приверженность принципам справедливости.

В своем социальном звучании: как обеспечение социальной справедливости для всех, равных стартовых условий для всех, обеспечение всеобщего бесплатного образования, всеобщей бесплатной медицинской помощи, гарантий достойного труда для всех, гарантий всеобщего пенсионного обеспечения на достойном уровне;

– как обеспечение условий для всестороннего гармоничного и свободного развития каждого человека, реализации его талантов, способностей и потребностей в творчестве;

³⁵ Сартр Ж.-П. Что такое литература? // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 322.

³⁶ Там же. С. 326.

³⁷ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 213.

– как обеспечение условий и развития социального прогресса общества по пути постоянного движения к более совершенным историческим формам.

Что вместе означает не консерватизм как таковой, а скорее парадигму сохраняющего развития, сохраняющего прорыва или даже «сохраняющей революции»: прорыв в будущее при сохранении «всего богатства, накопленного человечеством».

Сохранение созданного необходимо. Но только сохранение — это всегда историческая и цивилизационная оборона. Для успеха нужна та идеология, которая способна обеспечить мобилизацию для наступления и цивилизационной экспансии.

Дело и выбор экспертов — предлагать власти и лидерам ту идеологию, которая больше соответствует их личным симпатиям, или ту, которая в данной ситуации более эффективна. Приятнее и полезнее для себя — делать первое. Полезнее для страны — делать второе.

2.3.2. Задачи внутренней политики страны в рамках осуществления мобилизационного проекта. Культурная реконкиста

Определение форматов выбора желаемых образов будущего и осуществление данного выбора. Между обществом потребления и обществом познания. Форматные дилеммы, возникающие на основании историко-политической самоидентификации социума через выбор желаемого будущего: между обществом потребления и обществом познания и созидания; между обществом, подчиненным диктату действующих тенденций, и обществом, создающим новую надежду; между обществом доминирования в человеке биологического и обществом доминирования социального; между обществом, подчиненным инерционности, и обществом, подчиняющим себе прорывное развитие.

В зависимости от того, каким оказывается выбор, соответствующими оказываются и политический режим функционирования, и политическая форма этого общества.

В случае если речь идет об обществе, действующем в парадигме существующих тенденций и ценностей, ориентированном на удовлетворение равномерно возрастающего потребления, что выступает главной задачей и ценностью общества, оно нуждается в умеренно демократическом режиме при традиционных для современных западных стран формой соревновательной политической демократии.

В случае если речь идет об обществе, уходящем от доминанты постоянства, точнее, реформатирующем постоянство из понимаемого как минимизация крупных изменений в постоянство стабильного ускорения развития, оно нуждается в форсированно-целевом политической режиме, для которого доминантой является не приоритет прав и права, а приоритет целей и эффективности, политическая форма которого строится под сферы решения проектных задач и носит характер организации управления крупным стратегическим проектом.

Осуществление прорыва в экономике невозможно без осуществления прорыва в культуре, который сам по себе включает две составные: 1) приоритет принципа культурного суверенитета, и 2) приоритет самоценности прорыва в будущее.

«Активное привлечение искусства к утопическим проектам переустройства мира зиждется на определенной близости художественного и утопического сознания»³⁸.

Принцип самоценности прорыва в будущее означает создание культуры, собирающей в себя всё в отечественной культуре и истории, в чем содержится посыл прорыва, устремленности в будущее и готовности к мобилизационному подвигу. Понимая под ней не только написанное в России или русскими по происхождению, но всё, принятое в ее истории и культуре из достижений мировой классической культуры как свое значимое.

Ее сущность — в ставке на новое Просвещение, утверждение новой рациональности как научно-технической основы нового, уже не промышленного, индустриального, а информационного производства. То есть создание общества, где в

³⁸ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 222.

производстве доминирует компонент производства знания, новых технологий.

То есть стране нужна культура, сохраняющая свой национальный суверенитет, но утверждающая в обществе те базовые тенденции духовной жизни, в которых наиболее полно сконцентрирована сущность историко-политической самоидентификации: мессианство, радикализм и эгалитаризм. И из этого выстраивается традиция, причем вытекающая из определенного типа отношений с высшей истиной, тоже родившейся абсолютно не мистически, а в ходе определенного — и духовного, и материального — генезиса общества, порождающая склонность к глобальным действиям, глобальному социальному цивилизационному созиданию, постоянному переустройству мира. И если консерватизм опирается на традиции, он должен опираться и на эту традицию революции. Революции не в плане бунта и уничтожения существующего, потому что это примитивизирующая трактовка революции. Революция — это переустройство мира и создание нового на базе старого мира. То есть революция включает в себя всегда элемент консерватизма в этом отношении. Идти вперед, достраивать, всё выше и выше. Другие традиции: тяготение к социальной справедливости, что явственно проходит сквозь столетия истории; традиция опережающих мощных рывков, склонность к масштабному созиданию, к прорывам, к строительству будущего, созданию лучшего мира.

«Единственная форма, на наш взгляд, более тесного, чем диалог, контакта политики и искусства, своеобразного симбиоза политических представлений и средств художественного освоения мира — это социально-политическая утопия XVI–XVIII веков, где симбиоз продиктован потребностью тогдашнего социально-политического проектирования в воображении и образности, пониманием политического идеала в век Разума как высшей разумной, совершенной, а потому прекрасной формы организации общества»³⁹.

³⁹ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 367.

И главное в этом, требующем утверждения, прорывном типе культуры — готовность принять вызов, создав новый мир, основными чертами которого будут:

- создание производства изобилия, являющегося основой не культивирования потребления, а средством для удовлетворения стремления к познанию, творчеству и совершенствованию мира;

- создание общества профессионального самоуправления, обеспечивающего разнообразие, совместное существование групп с разными интересами, увлечениями и пристрастиями, совместно существующих в едином социальном пространстве и взаимно обогащающими друг друга;

- создание условий для свободного развития каждого человека, обеспечение потребности каждого человека в творческой созидательной деятельности, в котором ничто человеку не сможет принести большей радости, чем свободно избранный им творческий труд.

Утопическое, конструктивно-прорывное сознание «зачастую соединяет политическую мысль и художественное сознание. У всех видов утопического сознания имеются общие генетические черты. Они порождены противоречивостью, трагичностью социального бытия, трудностями познания прошлого, настоящего, а тем более грядущего. Эти представления отразили неудовлетворенность человека существующим миром и проистекавшие отсюда стремления радикально перестроить общество, порвать с ним, перенестись хотя бы мыслью в иной, совершенный мир»⁴⁰.

Защищая свою культуру и свой культурный суверенитет, Россия защищает не «национальную ограниченность» от «достижений цивилизации», а достижения цивилизации — от социально-исторического регресса и нового варварства массовой культуры, энтропии Постмодерна с его отказом от признания единства истины и универсализма классических ценностей, от доминирования значимости потребления над значимостью творческого созидания.

⁴⁰ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 316.

Поэтому миссия России — осуществление *культурной реконкисты*:

– сохранение высших достижений отечественной и мировой культуры;

– утверждение причастности к ним, в том числе и на бытовом уровне широких масс населения постсоветской территории;

– распространение ее в остальном мире, восстановление в нем доминирования классической культуры в ее высших проявлениях.

Глава 3. Состояние художественного класса современной России: деструкты и интенции

3.1. Ценностная энтропия общества Постмодерна

3.1.1. Современный мир и энтропия ценностных цивилизационных оснований

Есть люди, которые с поразительной уверенностью и безапелляционностью утверждают, что Россия не является Европой, что «Запад и Европа — это практически одно и то же», что российская политическая система и российское государство не являются ни европейской системой, ни европейским государством. И так далее.

Причем, поскольку для значительной части из них слова «Европа» и «Запад» являются синонимами слов «хорошее» и «передовое», то Россия, как и вообще «не-Запад», по определению означают «дурное» и «отсталое».

С другой стороны, иная часть публицистов и политиков, поддаваясь на уловку, соглашаются, что Россия — не Европа и не Запад, начинают утверждать, что оно и хорошо, поскольку в Европе и на Западе всё вообще плохо.

Одни полны самомнения, приписывая себе право выносить для всего безапелляционные оценки и считать хорошим и передовым лишь то, что им самим нравится; другие полны асимметричного самомнения, полагая, что так, как живет Россия, и нужно жить, рассматривая европейский и западный опыт как для нее неприменимые и вредные.

В значительной степени их объединяет некое общее нежелание напрягаться, лень, неспособность к поиску — и нежелание искать.

Если вторые считают, что не нужно ничего в основном менять — в России всё и так в целом хорошо, просто потому, что она Россия, и ей всего-то и надо, что жить так, как жили раньше, то первые уверены, что напрягаться и искать не нужно потому, что всё и так известно, истина найдена, и она там — в Европе и на Западе.

Но если вторые, по крайней мере, уважают свое прошлое и свою историю, то для первых всё, что не похоже на предмет их поклонения, уважения не достойно. И уважение к себе они черпают из уверенности в собственной «самостоятельности» и «критичности»: они уважают лишь неуважение к собственной истории и собственной стране, хотя подчас выдают его за желание улучшить жизнь последней.

Первые при этом хвастаются тем, что «знают языки и много ездят по разным странам», и потому знают «ту жизнь» и имеют право осуждать отечественную.

Вообще, знание языков — это замечательно. Если, конечно, оно не выливается в смешение «французского с нижегородским» (если не в произношении, то в ментальности), а главное — если является проявлением любознательности и коммуникативности гражданина, уважающего свою страну и интересующегося другими, а не яростной страстью туземца, презирающего свое и поклоняющегося чужому. Просто потому что оно не такое, как свое.

Как ни парадоксально, тяга к иностранным языкам, естественная и нормальная сама по себе, в определенных случаях приводит к непониманию своего, то есть к полному отрыву от отечественной жизни и своего народа. И тогда последний объявляется отсталым, «больным» и нуждающимся в строгом лечении. Правда, если бы эти люди, иногда претендующие на звание историков, действительно знали отечественную историю, они бы помнили, что такие отрывы «элиты от народа» в конечном счете заканчиваются, мягко говоря, «ротацией» подобной элиты.

Элиты приходят и уходят (когда на вилы, когда на гильотину, когда к стенке), а народы остаются. Жаловаться только потом не надо.

И слишком часто изучение иного языка — что, как говорилось, абсолютно нормально — оказывается лишь проявлением колониального мышления. Мышления человека, признавшего свой народ туземным и отсталым, а чужую цивилизацию — цивилизацией априорных хозяев. И свой стиль жизни построившего на демонстрации своему народу своего презрения,

а хозяевам чужого — этого же презрения к своему и благоволения перед чужим.

Кроме всего прочего, чтобы утверждать, что Россия — не Европа, равно как и не Запад, нужно как минимум предложить критерии сравнения. Понятно, хотя и забывается подчас, что Россия не может не быть Европой хотя бы потому, что занимает более ее половины.

Если говорить о координатах «Запад — Восток» — они вообще вполне относительны. Стамбул, не говоря об Анкаре, западнее Москвы. А Токио — куда восточнее. Но Турция никак никем не относится к западным странам, а Япония сегодня ближе именно Западу, чем традиционному Востоку.

Если же говорить о ценностях, то их тоже нужно определить в их параметрах. Если под ними понимать право на однополые браки и употребление наркотиков, можно лишь радоваться, что российская культура их не разделяет.

Если говорить о ценности человеческой жизни и уважении к личности человека, тоже встает вопрос, в чем видеть их проявление. Можно — в признании права человека не соблюдать никакие нормы и отказываться от признания того, что истина одна. Можно — в праве преступника оставаться живым после совершения любого злодеяния. Можно — в признании главным в человеке его животного существования, то есть в признании его животным.

А можно — в признании его способности на подвиг. В том, что человек тогда становится человеком и перестает быть животным, когда имеет нечто большее, чем его биологическое существование, нечто, за что он способен отдать свою жизнь.

И как раз последнее было свойственно изначально именно европейской цивилизации. Как в ее греко-римской традиции в ее прославлении подвига и героизма как такового, так и уж тем более в ее христианской традиции. Можно верить или не верить в подвиг Христа, взошедшего на крест во искупление грехов людей, но само предание и миф об этом подвиге, вдохновлявшие европейцев в течение сотен лет, потому и были значимы, что концентрировали в себе представление о соответствующих ценностях.

А вот то, что европейцы предпочли в 1940-х и близких годах сдавать свои столицы, а не лечь под танки, их защищая, — это правда.

Триста спартанцев, стоявших у Фермопил, или европейские крестоносцы, шедшие на смерть за Гроб Господень, они кому ближе — современным изнеженно-сибаритствующим европейцам или советским (включая и русских) людям, оставившим танки вермахта?..

И тут в значительной степени и причина, почему хвастающие знанием языков и поездками за рубеж (большинство российских граждан просто не имеют для таких поездок денег, как и возможности качественно учить языки) туземцы с колониальным сознанием так не любят Россию, ее «систему», и ее культуру.

В первую очередь потому, что та, западная, культура (не в изначальном историческом, а в современном постмодернистском варианте) освобождает человека от обязанностей и подвига. Она говорит о его уважении и самооценности, но признает в нем лишь его животное начало.

Российская (русская, советская) культура видит в человеке изначально нечто большее. Видит и требует ответственности — и верит в его способность на героизм и подвиг. Именно этого не могут простить ей носители колониального сознания в силу собственной неспособности ни на одно, ни на другое. И всё в человеке, что в нем больше, чем физиология, объявляющие отсутствием цивилизованности, мечтая как о самом большом счастье когда-нибудь удостоиться чести быть принятыми в ЕС. Опять-таки в качестве допущенных на пир вырождающихся патрициев обученных их языкам забавных туземцев.

Библия и мат. По сути, утверждение допустимости нецензурной лексики в кино и публичном пространстве — некий системно-внутренний признак интеллектуально-культурной деградации художественного класса.

И есть те, кто публично заявляют, что лучше вообще не будут снимать кино, чем снимать его без мата. Доводы за мат: без него кино теряет необходимую эмоциональную окраску. И если мы показываем фильмы про людей, которые

используют мат, будет нечестно показывать их, не используя мат.

При прочих равных знающий и прочитавший Книгу Иова или пьесу Софокла знает и то, что свои мысли можно адекватно выражать и без мата. И умеет их выражать без мата.

Правда, уже в советской действительности те, кто из среды завода попадал в среду вуза или начальства, знали и то, что матом больше ругаются во второй среде, нежели в первой. Правда, если говорить о вузе, не преподаватели, а больше девушки-лаборантки.

По исследованиям 2000-х годов больше всех матом ругаются вообще бизнес-леди. Даже став таковыми, не могут избавиться от прошлой ущербности и доказывают себе и окружающим, что ни в чем не уступают мужчинам.

Строго говоря, использование мата — это попытка доказать себе и другим свою состоятельность, когда почему-либо в ней внутренне сомневаешься. С одной стороны, попытка продемонстрировать, что имеешь право нарушать нормы и запреты, принятые другими: «Мне всё позволено», — то есть доказать свое превосходство над ними. С другой — нечто вроде истерического возгласа: «Всех поубиваю — держите меня четверо».

Но это если говорить о тех, кто без него не может выразить свои мысли и эмоции. Кстати, матом больше русских часто ругаются представители южных народов и вообще иностранцы. Отчасти потому, что не понимают оскорбительных оттенков нецензурной лексики, просто не ощущая нюансов русского языка. Отчасти думая, что тогда их примут за своего, «русского в душе». Отчасти это наивная уверенность в том, что, используя данную лексику, выразишь свое особое комплиментарное отношение к России и продемонстрируешь глубину владения русским языком.

В этом отношении «молодая женщина-режиссер», отказывающаяся снимать фильмы без мата, — эта та же ущемленная своим подневольным положением в вузе советская лаборантка либо бизнес-леди, слишком быстро прошедшая путь от начинающей миловидной проститутки до топ-менеджера крупной компании.

Вообще довод сторонников мата и носителей отстойного слоя искусства наподобие Звягинцева о том, что его иной фильм без нецензурной лексики теряет «необходимую эмоциональную окраску», лишь демонстрирует отсутствие мастерства и художественного инструментария, которым эту окраску можно было бы передать нормальным способом. И слабое знакомство с методом Станиславского.

Эмоциональную окраску не умеющий передает словом, умеющий — контекстом, интонацией и своим состоянием.

На самом деле проклятие можно вложить и в слова «Я вас прощаю — идите с миром».

Вообще, интересный вопрос: где больше эмоциональной составляющей и где в большей степени передана ужасность Левиафана — в Книге Иова или в печально известном фильме Звягинцева? И если в Книге Иова, то почему автору Библии это удалось, а Звягинцеву не удалось... Возможно, сказалась разница в эрудиции и таланте.

Кстати, по основной версии, мат на Русь принесло монгольское нашествие, и завоеватели использовали его, с одной стороны, для того чтобы продемонстрировать право на обладание всеми женщинами страны, включая всех матерей, а с другой стороны, чтобы унижить и оскорбить религиозные убеждения народа, унижив почитаемую на Руси Богородицу: монголы даже в свою христианскую бытность были несторичанами, то есть божественность ее отрицали.

Довод же о том, что мат нужно показывать в фильме потому, что люди его используют в жизни, вообще некая дань примитивному натурализму. Потому что в жизни люди вообще делают многое, что на экране не принято показывать, а в тексте озвучивать. Просто потому, что об этом все знают, и потому, что это ничего к созданию образа не добавит. Любовь необязательно показывать через акт совокупления. Жизнедеятельность — через отправление естественных надобностей.

Физиологические подробности нужны тому режиссеру, который не верит в свою способность передать свои мысли без них и в то, что ему поверят без них. И тому зрителю, которому

нужно уверить себя, что «все в мире такие же скоты, как и я сам», то есть тому, кто уже поверил и твердо решил для себя, что сам он — всего лишь животное. И что если показать человека в своем неживотном качестве, то это будет выглядеть неправдой, в которую никто не поверит.

Тезис же о необходимости выпускать в российский прокат иной фильм только потому, что он получил награды на Каннском и Мюнхенском кинофестивалях и был «высоко оценен зарубежной и отечественной критикой», — своего рода воспроизведение грибоедовского сюжета о «французике из Бордо» и страсти определенной части российских высших классов говорить на смеси французского с нижегородским.

На европейских кинофестивалях слишком часто сегодня присваивают призы фильмам, которым их нужно присвоить исключительно по требованиям политкорректности. И если там получают призы фильмы об однополой любви, это не значит ни что они сняты лучше фильмов о человеческой любви, ни что их нужно выпускать в широкий прокат в России.

Точно так же нет сомнений, что если на следующем Каннском кинофестивале будет представлен фильм о мужественной борьбе «Правого сектора» против ужасных российских оккупантов Донбасса, то он, скорее всего, получит самое высокое признание. И это не значит, что его нужно будет пускать в прокат в России. Такие были очень модны в конце 1980-х. Чем тогда всё закончилось, известно.

У сегодняшней пост-Европы свои ценности, у России — свои. У России — классические европейские, у сегодняшней Европы — частью постмодернистские, частью просто варварские.

Они имеют право, если действительно хотят, жить со своими. Но и Россия имеет право жить со своими и не обязана перенимать то, что ей не нравится. Или, во всяком случае, не нравится большинству ее граждан.

Отказывающиеся творить в искусстве без мата имеют полное право не снимать. И нет оснований полагать, что Россия от этого много потеряет. Но ни министр культуры, ни министерство культуры в целом не занимались обеспечивать прокат фильмов, оскорбляющих принятую обществом мораль.

Конечно, не факт, что, если на экране не будут использоваться нецензурную лексику, ее не будут использовать в жизни. Но если на экране ее использовать и ее применение растабулировать, в жизни ее будут использовать больше.

И вообще, культура — это система запретов. Вот культурный человек знает, что ругаться матом нехорошо, и старается не ругаться. А некультурный не знает и старается ругаться больше.

3.1.2. Эволюция интеллигенции: от интеллектуального лидерства — к цивилизационной деградации

Странный класс: деграданты. Интеллигенция — очень странный класс. Не потому, что плохой, а потому, что странный. Потому что под одним своим именем смешивает два разных явления — научно-социологическое и претенциозно-аксиологическое.

Ее представители любят обиженно вспоминать, что ее когда-то называли прослойкой, что на самом деле было очень давно, еще тогда, когда она действительно была прослойкой как нечто среднее между имущим и неимущим классами. По отношению к средствам производства частью она собственности не имела и работала по найму, частью собственность на средства производства имела, но всё равно занималась сложными видами преимущественно нефизического творческого труда. То есть по отношению к средствам производства она была неоднородна, но по виду деятельности ее объединяло занятие умственным трудом, одновременно относясь к самым разным и находящимся в антагонистическом противоречии социальным классам. Потому в начале советской эпохи ее четко разделяли на буржуазную и рабоче-крестьянскую. Позже стали говорить о «трудовой интеллигенции». К тому же, тогда она была в численном отношении предельно немногочисленна, отчего и рождалась уменьшительная форма «прослойка». На более поздних этапах при возрастании ее численности и приобретении умственным трудом массового характера ее стали называть слоём, правда, достаточно часто вульгарно уточняя, что это слой, «занятый умственным трудом и

не имеющий отношения к средствам производства», что было полным бредом и примитивизированным искажением научной формулы «не имеющий своего особого отношения к средствам производства», то есть по отношению к средствам производства не отличающийся от двух основных классов советского общества, рабочих и крестьян.

То есть с научно-социологической точки зрения интеллигенция — это та часть общества, которая занята преимущественно умственными видами трудовой деятельности: врачи, учителя, инженеры, ученые, писатели, актеры, музыканты и т. д.

Социально-экономическим расколом постсоветского общества интеллигенция как профессионально-социальный слой вновь разделилась с на тех, кто занят работой по найму и не обладает средствами производства, и тех, кто так или иначе оказывается входящим в число элитных групп, приобщен к кругу владельцев крупной собственности — иногда в качестве совладельцев этой собственности, иногда в качестве привилегированного обслуживающего класса — придворной элиты и крупного капитала.

Но это с социально-профессиональной точки зрения. В той или иной степени всегда существовала определенная группа, которая свое профессиональное занятие умственными видами труда пыталась представить не как место в функциональном разделении труда, а как особое право на особую роль критически-мессианского характера, как исключительное право давать высшие этические и ценностные оценки всему и вся — от нравов до власти.

Собственно, то, что люди, занятые интеллектуальной деятельностью, и тем более публичной интеллектуальной деятельностью, в любом случае имеют большую возможность влиять на интеллектуальное состояние общества, естественно, очевидно. Но обладание возможностью само по себе не означает обладания правом. Иначе мы могли бы сказать, что человек, профессионально связанный с владением оружием либо боевыми искусствами, имеет особое право утверждать в обществе свои представления о справедливости и особое право на воспитание граждан.

У него, скорее, есть особая ответственность за использование своих возможностей в повседневных условиях и особо за злоупотребление своими преимуществами. Боксер либо каратист лишены права использовать боевое мастерство в повседневных условиях, и сам факт такого использования уже становится предметом уголовного расследования и судебного разбирательства.

Поэтому провокационная мысль: может быть, писатель либо популярный деятель культуры точно так же должны подвергаться ограничениям в общественно-политической деятельности, как боксер не имеет права валить всех вызвавших его недовольство на улице мастерски исполненными апперкотами и хуками... Идея более чем спорная, но из чего-то рождающаяся.

Понятно, что вдохновившись тремя моментами (падением роли религии и старого духовного сословия, прежде претендовавшего на роль нравственного судьи и носителя смыслов, своими возможностями участника публичной интеллектуальной деятельности и еще идеями возможности существования класса-гегемона) эта социальная группа увлеклась и примеркой роли класса-мессии. Некоторые основания в этом можно было бы увидеть в естественных и, в общем, верных идеях последовательной смены элиты знатности и меча элитой богатства и уже затем — элитой знания.

Но только с этой стороны элита знания — это действительно в первую очередь элита именно знания: ученые, инженеры, конструкторы. И если к этому добавить и носителей смыслов — философов и писателей, то именно философов и писателей, а не модных литераторов и художественных критиков, подменяющих производство знаний производством суждений и скандалов.

Именно эти «носители суждений», видящие свою особость в универсально критическом мессианстве собственного языка, говорят о совсем особом праве играть роль всеобщего судьи и морального авторитета. И они утверждают, что, не занимаясь политикой как таковой, уходя от признания политичности своих суждений, они сознательно отказываются от участия в

политике и во власти, в обмен принимая право политику и власть судить.

Строго говоря, политику и власть судить имеет право каждый гражданин страны. Просто не каждый имеет возможность свое мнение сделать публичным. Но обладание такой возможностью скорее должно накладывать большую ответственность и ограничение. В ином случае претензия «производителей суждения» начинает выглядеть малообоснованной узурпацией властных полномочий. В ответ на вопрос «А кто вам это право дал?» они гордо бросают: «Права не дают, права берут». Забывая, что брать без спроса может оказаться и наказуемо.

В их же постановке вопроса претензия на право судить с использованием профессиональных возможностей слишком напоминает формулу известной практики «что охраняю, то имею».

По счастью, искусствоведы и модные актеры еще не предъявили претензию на суждения по технологиям строительства мостов и лечения больных, но почему-то считают, что достаточно компетентны, чтобы судить о политике, экономике и морали. Хотя возмущаются, если политик начинает говорить то, что думает об искусстве.

Всё может быть, все имеют право на мнение, и все имеют право на ошибку.

Проблема в том, что та часть лиц, занятых интеллектуальной деятельностью, которая заявляет о себе как об интеллигенции в смысле воплощения общественной совести, они требуют и им нужно не право на мнение, а право на исключительность и элитарную избранность. И, пользуясь профессиональными возможностями доступа к публичной деятельности, пытается представить себя как высшую касту, стоящую и выше народа, и выше власти.

Причем если церковники имели некое основание говорить о своей высшей роли, поскольку могли сослаться на свою близость к официально-признаваемому абсолюту, просветители XVIII века — на свое профессиональное занятие философией и экономикой, а пролетариат — на то, что именно он является

производителем материальных благ и связан с наиболее передовыми видами производства, то элитарная художественная интеллигенция, твердящая о своем особом мессианском призвании, может сослаться лишь на свою профессиональную возможность доступа к публичности: микрофону, телеэкрану, издательству.

Еще раз, в этом смысле ее право ничуть не больше права охранника воровать водку и колбасу с охраняемого склада.

И что особо важно, она, эта «критически-мессиански мыслящая группа», с одной стороны, претендует на избранность, с другой, в отличие от интеллигенции XIX — начала XX века, крайне мало связана с жизнью реального общества. Даже с той же реальной интеллигенцией: врачами, учителями, инженерами. И если что-либо и выражает, то частью сословные интересы и утверждения той же богемы и светско-художественного бомонда, а частью — собственные экзальтированные фантазии.

При этом, когда, казалось бы, на мгновение загнипнотизированное ее «вольно струящимися потоками сознания» общество приходит в себя и с насмешками и чертыханьем поворачивается к ней спиной, эта вольно струящаяся, претендующая на значимость группа не только возмущается, но и объявляет уставших от ее морализаторства отсталыми, темными, «совками», «ватниками», нуждающимися в радикальном политическом лечении.

Они хотят быть всем и иметь право судить обо всем, хотя на деле в большинстве своем не имеют за пределами своей профессии ничего, а иногда и в своей профессии лишь эпатаж и скандальность представляют как свою известность и талантливость.

Они не могут ничего создавать, но хотят иметь право всё судить.

Свою формальную принадлежность к лицам нефизического труда выдают за свою интеллигентность, а формальную принадлежность к социально-профессиональной группе интеллигенции — за свое особое и высшее интеллектуальное и нравственное состояние.

Они не представляют общество (а если и представляют, то его пороки и начала деградации), но хотят для этого общества быть хозяевами его мыслей.

Они претендуют на принадлежность к классу творцов, на деле составляя лишь класс гиперпотребителей и социальных деградантов.

Они существуют не потому, что нужны обществу, и не потому, что обладают объективным созидательным потенциалом, а потому, что им еще удастся представлять себя в качестве значимых власти и элите, принимающих их за интеллигенцию, хотя являются лишь ее морально деградирующим антиподом.

Псевдоинтеллигенция. После трагедии в Одессе 2 мая 2014 года Андрей Макаревич объявил, что его очень тревожит ситуация на Украине. Нарастающая обоюдная ненависть сторон. И то, что противники нынешнего Киева своими действиями ее разжигают, в частности Крым, который своим референдумом и самоопределением «стал причиной сожжения людей в Одессе».

А еще несколькими днями позже он объявил, что признаёт бедственное состояние, до которого Крым был доведен украинской властью, и даже признаёт право живущих там людей на государственное самоопределение, но никак не может понять, зачем там находятся российские войска.

Вот он понимает, почему людей заживо сожгли в Одессе, — понимает, из-за Крыма. А зачем в Крыму российские войска — не понимает. Ведь они помешали друзьям Макаревича сжечь кого-нибудь живьем и в Крыму, как в Одессе, и пришлось жечь людей в Одессе, а сожгли бы в Крыму — и в Одессе бы жечь не пришлось.

Устроили бы друзья Макаревича и родственников ему «московских интеллигентов» бойню в Севастополе — и не пришлось бы стрелять в Мариуполе.

Кстати, возможно, это вовсе не цинизм и не лицемерие, а искреннее «сумеречное сознание». Хотя скорее — обыкновенная подлость.

Когда-то Андрей Макаревич был неясным символом чего-то столь же неясного, нестандартного, как будто бы вольнолюбивого и располагающего о чем-то тоже смутном и

непонятном размышлять. В его же фильме о нем же «Начни сначала» ему задают вопрос: «Простите, а о чем, собственно, вы поете?» — и ответить он не может.

Трактовать песни можно было как угодно, слева направо и справа налево, но они выглядели «разрушением стандартов», «Машина времени» была в полуопале, и ореол гонимости, полузапретности и глубокомысленности делал и ее, и его сверхпопулярными.

И Макаревича объявили «“Битлз” перестройки». О его участии в государственных переворотах 1991 и 1993 года можно было бы говорить отдельно. Как и об ответственности за это участие и их последствия.

Сегодня Макаревича по-прежнему представляют как певца, композитора и продюсера, избегая упоминаний о его размерах его состояния, иных видах предпринимательской деятельности, суррогатном виноделии и виноторговле. В частности — в Крыму. Как и о его участии в самых реакционных и тяготеющих к мракобесию политических объединениях.

Когда-то считалось, что он поет о свободе. Почему-то оказалось, что слишком многие из тех, кто говорил о свободе тогда, когда ее именем разрушали страну, сегодня оказались адвокатами нацизма.

С формальной точки зрения можно было ждать, что те, кто клялся ее именем и взывал к правам человека, окажутся самыми яростными и непримиримыми противниками нацистского майдана в Киеве, нацистского варварства на юго-востоке Украины и «одесского холокоста».

Но они оказались их самыми яростными адвокатами и союзниками.

Как только зашла речь о том, что Крым не хочет жить под властью неонацистов, а Россия с пониманием относится к этому нежеланию и готова поддержать его антифашистские устремления, Макаревич оказался среди тех, кто выступил против воссоединения Крыма с Россией и политики России по противодействию фашизму на Украине.

А как только оплачиваемые украинскими олигархами неонацистские отряды превратили в крематорий Дом профсоюзов

в Одессе, певец и виноторговец заявил, что в «живосожжении» виноват Крым, не захотевший жить под властью неонацистов, и Россия, его стремление поддержавшая.

Одна логика: фашизм возник в Европе потому, что это спровоцировал коммунизм. Гитлер напал на СССР, потому что СССР готовился напасть на Гитлера. СССР «развалился», потому что его создал Сталин.

Никогда никаких доказательств, просто нужно просто поменять местами причину и следствие: назвать молоко чернилами, а собаку — кошкой. Это о них писал свою сказку Джанни Родари.

Если всем очевидно, что было на само деле, этого не нужно смущаться. Нужно просто открыто признать и объявить эти конструкты продуктом технологичной манипуляции психологической войны, построенной на демонстративной смене местами причин и следствий. Для них неважно, что было на самом деле правдой. Важно, что более интенсивно объявляется правдой.

Очевидец говорит, что людей убивали нацисты. Но защитник нацистов говорит, что это нацистов убивали антифашисты. И вообще, нацисты не были нацистами. А настоящие нацисты и фашисты — это те, кто объявлял себя антифашистами. Царь был хорошим — революционеры плохими.

Нетрадиционность подхода привлекает и слушателю кажется вновь открытой свежей истиной, приняв которую, он докажет самостоятельность и нешаблонность своего мышления. А сам он в своих глазах выглядит свободным. Самостоятельным и взрослым. Имеющим мужество отбросить обветшалые штампы. И умеющим взглянуть на мир свежим взглядом, незамутненным официальной пропагандой.

Это и есть информационная война против страны. И это примерно то, чем занимаются Макаревич и такие, как Макаревич.

И тут можно увидеть минимум три обращающие на себя внимание моменты.

Первый — это, собственно, то, чем всегда и занимался Макаревич: пел что-то новое, манящее, необычное,

главное, чтобы не такое, к чему привыкли. И можно казаться глубоким, мудрым и загадочным.

Второй — это действительно та же самая технология, которой занимались фашисты, утверждавшие, что им «не нужна доктрина», нужно интуитивное чувство вождя и высшего озарения.

Третье — это своего рода мировоззренческое, точнее мироощущенческое, родство с фашизмом. Действительно удивляет, почему те, кто рекламирует себя как борцов за свободу и защитников прав человека, первыми поддержали киевских нацистов. И первыми оправдывали Власова.

Потому что они никогда не были сторонниками свободы и никогда не были защитниками прав конкретного человека.

Они всегда были защитниками «своей свободы» — их личной свободы от любых обязанностей и от любой ответственности, свободы на их личную вседозволенность.

И всегда были борцами за права исключительно себя лично и таких, как они, и в первую очередь их право судить всех, кого они захотят осудить, и их право считать людьми только самих себя, а остальных — «недолюдьми», достойными только костра, когда и как разжигать который только они будут иметь право.

На самом деле, с фашистами у них идеал общий — образ сверхчеловека, которому можно все. «Белокурая бестия», даже когда она не белокура, — образ, который их манит и гипнотизирует в их желании примерить его на себя.

Они по сути такие же фашисты. Именно они своими «нетрадиционными интеллектуальными поисками» прокладывают дорогу фашизму и нацизму. Только фашисты от них отличаются одним: очень любят дисциплину. И не любят «вольных интеллектуалов», когда-то проложивших им дорогу разрушением старых запретов, но не желающих признавать новые.

Макаревич утверждал, что причиной одесских костров был освободившийся Крым. Хотя бы для того, чтобы не признавать, что причиной протеста в Крыму были костры Майдана.

3.2. Ценностная энтропия российского художественного класса

3.2.1. Российская богема: эстетическая доминанта низменности

Культура физиологии и смерти. Проблема ситуации с фильмом «Смерть Сталина» — в основном даже не в политико-идеологическом позиционировании. Как публично в телеэфире повторил Владимир Соловьев, дело не в Сталине — дело в том, что в русской культуре не принято глумиться над смертью, кем бы умерший ни был.

Сам жанр черной комедии, появившийся на Западе, не факт, что в принципе можно признать достойным. Есть определенная разница культур: для постмодернистской западной культуры такое кино нормально, для классической, тем более классической русской, — нет. Хотя, если вспомнить некоторые классические американские комедии XX века, у них считался смешным и вызывал смех брошенный в лицо торт или убранный стул. В России это скорее вызывало скепсис.

Причем, как ни относиться, фильм «Смерть Сталина» так или иначе посвящен одному из руководителей антигитлеровской коалиции. Вряд ли американцы готовы смотреть такой фильм о Рузвельте, а англичане — о Черчилле. И не стоит забывать, что для большей части населения России Сталин — это национальный герой, какие бы споры по этому поводу ни велись. И демонстрация фильма — это неуважение к тем, кто его таковым считает. Болезненна данная тема, на мой взгляд, для очень узкой группы людей элитно-богемного типа по причинам, не имеющим отношения к истории. Потому что даже в условиях постоянного тиражирования в официальных СМИ негативного образа Сталина в обществе доминирует его положительная оценка.

Вообще, сложно припомнить какой-либо исторический фильм о России, снятый на Западе, который не оказывался бы в той или иной степени карикатурой на российскую историю. Необязательно в силу какого-то умысла, а в силу,

во-первых, того, что для них это просто тема, некий отвлеченный сюжет, который они препарируют как угодно, не ощущая связи с жизнью и историей, это раз. А второе — они просто не понимают российскую культурную среду. Когда в России снимаются фильмы по их истории и их произведениям, получается более чем удачно, и они сами признают наш успех. Советского «Шерлока Холмса» в Англии сочли лучшей экранизацией данной темы. Когда они по российским — каждый раз получается что-то не то.

Российская культура, в принципе, в отличие от западной, сориентирована на понимание иных культур.

Дело даже не в том, что этот фильм антисовесткий и антироссийский, а в том, что это скабрёзный фильм, который показывает низкий уровень культуры. Однако в любом случае вне зависимости от того, про Сталина это кино, про Кеннеди или Муссолини, сама стилистика не может считаться искусством. Это грязь. Все-таки большая часть страны считает Сталина национальным героем. Практически всё, что западные кинокомпании снимают про политическую жизнь России, как правило, это глубочайшее искажение, вплоть до карикатурного. И неважно, речь будет идти о Петре I, Екатерине II или Сталинградской битве. Сложно вспомнить хоть один художественный фильм, адекватно показывающий нашу реальную историю.

Они показывают, как казачки спят обнаженными, ну не было такого у нас. Когда они показывают, как кавалергарды пляшут русскую, то для них это всё на тему, про которую они что-то когда-то слышали. Ну а конкретно к реальному политическому деятелю, лидеру антифашистской коалиции — это за рамками морали. Это всё равно что показать порнофильм про Екатерину II.

Это примерно то же, что предложить гражданам оценивать своими кошельками продажу водки в школах или публичную демонстрацию порнофильмов.

Есть просто уровни культуры, ниже которых не нужно опускаться! Называть цензурой отзыв прокатного удостоверения у «Смерти Сталина» — всё равно что называть цензурой запрет детям смотреть порнографию, это же нельзя считать

цензурой. Просто определенные низкопробные вещи должны отсекаются. Это соответствует нормам закона и Всеобщей декларации прав человека, где однозначно прописано, что ограничению подлежат те проявления свобод, которые нарушают общепринятую мораль.

В известной мере появление на Западе подобных фильмов вызвано **иногда даже не враждебностью и злобой, а полным непониманием русской культуры и обычаев.**

Подчас в западной культуре, особенно в вестернизированной-американизированной культуре, многое ориентировано на физиологию. Для них человек в собственных экскрементах — это смешно. Для адекватных людей российской/советской культуры — нет.

Для них по несколько минут показывать, как герой фильма внимательно рассматривает в туалете свои фекалии, — это глубокий психологический прием, для российской культуры — гнусность.

Для них, если герой демонстративно машет на улице перед прохожими своими ягодицами, — это смешно. Для людей российской культуры — дико.

Вот тут какое-то ключевое начало понимания: для них привлекательно и смешно то, что для российской культуры неприлично и дико.

У них, если человек ведет себя как животное, это интересно и забавно. Вызывает смех, похожий на ржание. У человека российской культуры — недоумение и сожаление.

Тут какое-то важное различие, как однажды сказал Жванецкий о различии Аркадия Райкина и современных юмористов: «Райкин заставлял людей хохотать, они заставляют людей ржать». То есть к нам это тоже постепенно прорывается из той культуры.

Хотя и там это было не всегда: помнится, Тиля Уленшпигеля изгнали из родного города за то, что он стал демонстрировать оголенные ягодицы процессии католических монахов. То есть к последним можно относиться по-разному, и Реформация это исторически, конечно, хорошо, но вот оскорблять чувства верующих, пусть и заблуждающихся в своей вере, — это плохо.

Гогот и смех — это разные вещи. Смерть — это всегда трагедия. Не может быть смеха над трагедией. Как не может быть смеха над горем. Смеха над несчастьем. Смеха над изнасилованием. Смеха над унижением. Не может быть комедии о смерти. Не может быть комедии о трагедии. Трагикомедия быть может, но это совсем другое.

Да, одно из явлений комического — сатира. Только это — поэтическое унижительное обличение явлений при помощи различных комических средств. Унижать смерть... Унижать тело умершего... Вспоминается Каддафи — и то, как животное-людоедски торжествовала Хилари Клинтон.

Вот это различие культур — это не различие европейского и русского. Это различие варваризованного и цивилизованного. Физиологического и животного — и человеческого. В одном случае у индивида и культуры доминирует ощущение, что индивид в первую очередь животное, в другом, что он человек. В одном, что в нем главное — физиология, а вспомогательное — личность, совесть и интеллект, в другом — что физиология всё же вспомогательное, а личность, совесть и интеллект — главное.

Первое — это культура дикарей. Второе — это культура цивилизации и Европы. Проблема только в том, что та Европа, которая называет себя Европой сегодня, это не та Европа, которая со времен Афин вознеслась над дикостью, это Европа, опускающаяся в новую дикость, не выдержав тяжести собственной культуры.

А та Европа, которая когда-то возвысилась над дикостью и варварством, которая когда-то принесла в мир свою культуру, все-таки сохранилась — в России как своем последнем бастионе.

Россия сегодня — это и есть Европа. И, может быть, одна из ее миссий — это вернуть Европе и миру ту Европу, которую они когда-то знали и утратили, а Россия сохранила. Точно так же, как когда-то, семьдесят лет назад, Россия/СССР дала Европе возможность остаться Европой и цивилизацией, а не стать зоной коричневой дикости.

Там, где государство не защищает людей от «Шарли», его функции на себя берут Куаши. С «Тангейзером»

Мездрича — Кулябина, в отличие от «Тангейзера» Вагнера, всё достаточно просто.

В России нет монополии ни на ту или иную религию, ни на ту или иную идеологию — гарантируется их многообразие. Поэтому в стране одновременно живут и те, кто почитает Христа, и те, кто Магомета, и те, кто Маркса, Ленина и Сталина, и те, кто Будду, и те, кто Яхве, и не только.

Жить вместе и мирно они смогут лишь в том случае, если, по-разному оценивая взгляды, верования и ценности друг друга, будут уважать право каждого на обладание этими ценностями.

Ценности — это вообще то, что больше человека, что для него более значимо, чем его биологическое существование, то есть это именно то, что и делает его человеком: тот, кто ценностей не имеет и выше всего ценит жизнь и сытную пищу, в общем-то, не человек, а животное. Во всяком случае, по мнению Шекспира, «Что человек, когда его желания — еда и сон? Животное, не боле».

Каждый человек имеет право на свои верования, идеологию и ценности — и никто не имеет права на их оскорбление. Даже посредством «творческого осмысления и новаторского прочтения классических сюжетов». Потому что, кроме права на свободу творчества, каждый имеет право на сохранность привычной ему культурной среды, и первое не может разрушать второе.

Это естественно. Но есть те, для кого эта естественность недоступна, кто считает, что в силу лишь ему известных причин он имеет право на оскорбление любых ценностей любых людей. Эти люди считают, что имеют право оскорблять чувства и ценности других людей и оправдывать это одним — тем, что им это нравится.

Но если они так считают, другие с тем же основанием могут считать, что имеют право свои ценности защищать и первых наказывать. Потому что за оскорбление в классической европейской культуре всегда приходилось идти к барьеру.

Это только малограмотные любители смеяться по любому поводу твердят, что ценность европейской культуры —

это право на постоянную насмешку и злословие. Они просто плохо знают эту культуру: в ее традиции за оскорбление всегда полагалось отвечать жизнью в ходе поединка.

Сюжетом вагнеровского «Тангейзера» был герой, в гроте Венеры опьяненный чувственными ласками и воспевающий их в присутствии друзей и своей невесты. Пытающийся получить прощение за свои грехи у папы римского, отвергнутый им, но прощенный богом после того, как его невеста ценой своей жизни вымолила у того же бога прощение.

С какого творческого наития в этот сюжет нужно было вплетать Христа, наслаждающегося чувственными ласками в гроте той же Венеры, даже если считать, что режиссер, по версии директора театра, пытался показать другого режиссера, поставившего эту сцену, вообще более чем спорно.

Но сам показ того же Христа в подобной композиции так же неприемлем для верующего христианина, как для мусульманина — издевательская карикатура на Магомета.

Чем заканчивается публикация таких карикатур, показала веротерпимая Франция. Бравировать табличкой «Я — Шарли» комфортно, пока в глаза тебе не посмотрит твой Куаши.

Там, где государство не защищает чувства и ценности тех или иных групп, там рано или поздно эти группы берут на себя функцию и вынесения приговора, и приведения его в исполнение. И их нельзя будет остановить никакой угрозой никакого наказания, потому что имеющий ценности имеет их как нечто большее, чем то, чем его можно наказать. Поэтому оскорбление ценностей и привычных для человека ценностных оснований — всегда провокация. Так или иначе имеющая своим результатом кровь и социальную дестабилизацию.

К той или иной религии и ее ценностям можно относиться как угодно. Но оскорблять их и издеваться над ним — значит открывать дорогу религиозной войне.

Мерзко, когда оскорбление становится способом самореализации. Тем более «творческой». Но происходит это в силу двух обстоятельств: с одной стороны, своего рода творческой импотенции претендента на роль «творца». С другой стороны — отсутствия у него самого понимания, что вольное

обращение с началами, для кого-то сакральными, является оскорблением.

Эпатаж вместо творчества — свидетельство отсутствия способности к реальному творчеству, потому что творчество — это всегда созидание, оскорбление — это всегда разрушение.

Потребность в самореализации имеет каждый человек. Самореализация, самоактуализация — это потребность ощутить свой отпечаток на мире, ощущать его подвластность тебе. Тот, кто способен строить, — строит. Тот, для кого это трудно, — разрушает. Потому что писать непотребности на заборе проще, чем строить дома. А бить лампочки в подъездах проще, чем их делать.

Непонимание недопустимости оскорбления ценностей — свидетельство отсутствия своих ценностей у того, кто оскорбляет чужие. То есть, в общем-то, свидетельство того, что оскорбляющий ценности другого человека сам не является человеком.

Сто лет назад (и двести, и тысячу) мир и общество были расколоты на носителей разных ценностей. Сегодня он расколот на тех, кто ценности как таковые имеет, — и тех, кто их не имеет.

Оскорбление религиозных святынь — это не борьба с «религиозным дурманом» и не проповедь атеизма, это цивилизационный вызов тем, кто считает, что человек имеет нечто, что для него важнее жизни, со стороны тех, кто считает, что ничего важнее физиологического существования у человека нет и быть не может.

Эпатирующий прибитыми к брусчатке гениталиями доказывает не свою непримиримость в борьбе с несовершенством мира, а то, что его личное человеческое достоинство и человеческое значение не превысило уровень его гениталий.

Федеральный академический театр — это центр просвещения и храм прекрасного, а не площадка провоцирующей саморекламы. Директор федерального академического театра — это представитель государства, а не хозяин передвижного цирка, развлекающий посетителей ярмарки хвостатыми женщинами и забавными уродцами. И тем более не очаг разжигания общественного, социального и ценностного противостояния.

Три месяца министр культуры требовал от Мездрича, по сути, одного: «Если ты считаешь, что ты прав, выйди к людям и найди с ними общий язык. Объясни, что ты не хотел их оскорблять. Объясни, что именно ты хотел сказать, допуская этот спектакль на свою сцену». Мездрич высокомерно, упрямо и нагло заявлял: «Я с ними не знаком и объяснять ничего никому не намерен». Терпению Мединского можно только удивляться. Наглость и высокомерие Мездрича — только презирать.

Мединский сделал то, что должен был сделать как минимум за два с половиной месяца до этого, — уволил нахала.

Мир искусств предсказуемо раскололся: те, кто любят себя и свою безнаказанность, требуют отставки Мединского. Среди первых — зять Чубайса. Те, кто уважают страну и зрителей, сказали, что министру не в чем оправдываться — они бы столько не терпели. Почему-то среди первых в большинстве оказались те, кто уже топтал и унижал страну в 1980–1990-е годы. Среди вторых — те, кто видел в ее катастрофе, во многом сотворенной первыми, трагедию. И пытались вернуть ей чувство самоуважения.

Дело не в том, что Мездрич позволил себе разойтись в отношении к Христу с верующими, дело в том, что он позволил себе их оскорблять. И сделал государственный театр источником скандала и социальной розни.

Эти люди любят говорить о «творческих поисках молодых режиссеров» и «современном искусстве» и не могут объяснить, почему для них творческий поиск — синоним скандальности, а современным искусством они признают только то искусство, которое вызывает отторжение у большинства. Хотя на самом деле, современное искусство — это не то, что топчет сапогами классику, а всё искусство современников.

Между теми, кто объявил себя абсолютным авторитетом в области искусств, и обществом — разрыв. Разрыв непонимания и разрыв презрения.

Общество не понимает их потому, что они свое достоинство видят в том, чтобы остаться либо непонятыми, либо скандально известными.

Они не понимают общество потому, что давно стали чужими для него, и принимают за общество сеть богемных либо «великосветских» салонов, более всего напоминающих праздных сплетниц шеридановской «Школы злословия».

Возможно, в свободной стране они имеют полное право в этих салонах и своих ночных клубах устраивать всё, вплоть до вакхических игр, впрочем, без публичной демонстрации. Но в государственных театрах — не имеют. Просто потому, что, если государственные театры обеспечиваются государственным бюджетом, они должны вписываться в ту систему ценностей, которую исповедует большинство общества, сформировавшее власть этого государства.

Впрочем, и это не главное. Главное именно то, что можно не разделять ценности того или иного человека или той или иной ценностной группы, но оскорблять их нельзя.

И потому, что никто не обладает правом на оскорбление.

И потому, что за оскорбление нужно рано или поздно отвечать.

И если государство не будет защищать право на ценностные основания и привычную культурную среду социальных групп, эти социальные группы начнут защищать свои ценности сами.

И не нужно объявлять такую защиту «цензурой» и «инквизицией». Потому что вообще культура — это система запретов.

Культурный человек знает, что есть запреты, что есть вещи, которые делать нельзя. Как нельзя голым бегать по улицам даже в летний день. Некультурный, дикарь не знает, что такие вещи есть. Кулябин и Мездрич не знали, или не поняли, или сделали вид, что не поняли, что такие вещи есть, то есть оказались дикарями.

Но дикарь не может возглавлять федеральный академический театр. И защищающий дикаря и его право занимать эту должность, по сути, сам оказывается слишком похож на дикаря.

Художественный класс, богема на защите терроризма.
Почему богема вступает за Сенцова? Потому что он такой же, как они. А они — такие же, как он. Не нужно думать, что они

вступаются за него потому, что не верят в его вину, они вступаются именно потому, что в нее верят.

Сенцова задержали в 2014 году и обвинили в создании террористических организаций в Крыму и подготовке террористических актов. В 2015 году суд его вину признал и приговорил к 20 годам лишения свободы. Сам он вину не признаёт, как и его адвокаты.

Но и он, и последние — в рамках функциональной роли. Они и должны всё отрицать. Теоретически, может быть, он действительно не виноват и осужден напрасно. Только, чтобы это утверждать, тем более после суда, нужно как минимум знать всё дело и все его составляющие.

Те, кто за Сенцова вступаются, — и не юристы, и с делом не знакомились. Более того, для воинствующего клича «спасем Сенцова» им в первую очередь достаточно уже того, что суд признал его вину доказанной. Все эти люди — Алексиевич, Архангельский, Войнович, Гельман, Иртеньев, Пархоменко, Улицкая, Чудакова, Шендерович — и еще несколько десятков им близких поддерживают Сенцова, которого, в общем-то, раньше никто не знал, как раз потому, что внутренне одобряют именно вменявшееся ему в вину. А еще Звягинцев, Тодоровский, Учитель, Лунгин и Александр Сокуров. А еще Познер и Ксения Собчак вместе с мужем. Пока, как ни странно, нет ни Серебрякова, ни Серебрянникова. И даже Кикабидзе.

Богема.

Защищая его, они говорят всем: берите пример. Вот герой, действуйте подобно ему. Готовьте взрывы, создавайте тайные общества, мы с вами одной крови — все мы, ненавидящие и страну СССР/РФ, и того, кто хотя бы немного вернул ее из небытия и перестал заискивать перед нами, Путина.

Позиция общая. Нюансы смыслов — разные.

Одни за него потому, что он против Путина. Другие потому, что он за украинский фашизм, который они поддерживают всеми силами. Третьи считают, что он невиновен именно потому, что бендеровцы и порошенковцы — святые люди, не способные к свершению зла и насилия. Иные потому, что он режиссер. Тут два варианта: для одних — раз режиссер,

значит, не взрывал. Для других — раз режиссер, нужно оправдать, пусть бы и взорвал.

Сущностно они все едины. Сущностно они все деграданты. И сколько бы ни объявляли на западных конкурсах или отечественных богемных салонах того же Звягинцева великим, он скорее позор российской культуры, если его вообще можно назвать ее представителем. Деградант. Просто потому, что всё, что снимает он, рефреном утверждает одно: «Жить противно». В этом, кстати, суть того, что почему-то называют «современным искусством». Если искусство как таковое может говорить разное: «Жить прекрасно!», «жить трудно», «жить трагично» — и так или иначе утверждает, что жить нужно: прекрасному радоваться, трагичному противостоять, добро защищать, со злом бороться, то «современное искусство» утверждает одно: «Жить противно!» И не нужно. Правда, умирать не спешат и предпочитают холить свою ненависть к жизни на корпоративных банкетах с дорогим шампанским.

Все возмущены хамством Кикабидзе по отношению к памяти СССР. И не вспоминают его предыдущее хамство по отношению к России, и обходят стороной вопрос о том, что ненависть к нынешней России и прошлому СССР растет не из национальных республик, она растет из богемно-элитных салонов Москвы.

Сущностно они все едины. Но линия их мотивации растянута. От полюса чистой ненависти к Путину и стране и готовности поддержать хоть дьявола, лишь бы эту ненависть утолить, до корпоративно-солидарной самозащиты. Почему на первый план, что в деле Райкина, что в деле Звягинцева, что в деле Серебрякова, что в деле Сенцова, выходит клич: «Он же режиссер»? Потому что они сами принадлежат к той же или близким социальным группам. И опасность «социосо-племеннику» воспринимают как опасность себе. К своей нарождающейся касте. Давно уже передающей по наследству не столько состояния, сколько привилегии. И статусные приобретения: они передают по наследству театры, профессии, групповую известность и групповую солидарность.

И провозглашая «Режиссера трогать нельзя, он же творец!» («Они же дети!» — вопили комментаторы телевидения Украины, сгоняя пушечное мясо для госпереворота), они имеют в виду одно: утвердить представление, что это их трогать нельзя.

Чем режиссер лучше сантехника или фермера, понять невозможно. Но их задача — многократным повторением вбить это в подсознание общества, утвердив, подобно принципу депутатской неприкосновенности, принцип «художественной неприкосновенности», объявив свою принадлежность профессиональной группе тождеством талантливости.

Хотя талант тоже не индульгенция. И судить совершивший преступление талант, если на то пошло, резоннее жестче, чем того, кто им не обладает. Да, талант — во всем талант. И если он встает на сторону зла, он не обеляет ни себя, ни зло: он делает зло более опасным.

И в этом отношении тот же Сенцов для них — повод. Потому что когда они утверждают, что режиссера нужно освободить, даже если он террорист, они готовят восприятие своей абсолютной безнаказанности и принятие постулата о том, что «художественный талант» имеет право на всё и не наказуем никогда. Потому что если он не наказуем, если он террорист, он тем более не может быть наказан, если он простой вор.

А если он не наказуем ни за что, он имеет право быть вне контроля и вне оценки и государством, и обществом, и зрителем.

Он имеет право на любое нарушение, на любой каприз, на любую неприкасаемость.

Защищая Сенцова, они, конечно, ведут свой бой с Путиным и властью и ведут его тем более смело, что уверены и что доказано: этот бой для них безопасен. И поскольку они имели тысячу поводов убедиться, что это безопасно, то они твердо уверены, что власть слаба и труслива и на самом деле — их боится. И уверены, что чем больше они будут на нее нападать, тем на большие уступки она будет идти. И каждую

ее уступку они будут воспринимать как повод для новых требований.

Но в еще большей степени они ведут эту борьбу за то, чтобы стать полноценной кастой, находящейся вне законов государства и вне оценок общества.

И все эксперименты этой предкасты с «новыми формами», с «творческим поиском», с правом на «художественный эксперимент», большей частью за бюджетные средства — это способы и инструменты утверждения своей личности и исключительности, инструментальным истоком имеющие лишь приемы мошенников из андерсоновского «Нового платья короля».

Всё это было про них. Они сегодня такие же, как и всегда. И, как и тогда, требуют восхищения собой под угрозой объявления «невосхищающегося» недостойным и ретроградным. Делая принятие моды на заказ им пошива ими «новых платьев» обязательной для «рукопожатно-достойного».

Они не больше, чем заевшиеся деграданты. Окалина на искусстве, паразитирующая на любви людей к искусству и на заискивании власти перед искусством.

3.2.2. Энтропийная атомизация акратических составных российского художественного класса

Звягинцев и заказ. Режиссер Звягинцев вступился за актера и режиссера Константина Райкина. И уверил, что в культурную жизнь страны цензура вошла в полный рост. Потому что, по его мнению, когда представители государства решают, что ставить или что не ставить в государственных театрах, это цензура. Когда государство решает, какие выставки проводить в государственных музеях, это цензура. Когда министерство культуры объявляет конкурс на ту или иную тему, это тоже цензура.

И вообще, когда государство решает, как распоряжаться бюджетными средствами, выделенными на культуру, это безусловно цензура, потому что решать это должны не представители государства, а **свободные художники, рождающие новое**, «до поры до времени не известное даже самому художнику». Которые

должны получать деньги из бюджета не на цели, определенные как приоритеты государственной политики в области культуры, а на поддержку своего свободного творчества и «свободного струения» своего «вольного ума». И только в процессе мучительного творческого процесса жизнь покажет, что родилось у художника в результате освоения этих средств. Или родится лишь «свободное струение».

Он сказал, что ему не нравится госзаказ, потому что за исполнение госзаказа нужно отвечать.

Он сказал, что ему не нравятся люди, которые формулируют госзаказ, потому что у него с ними разные представления о задачах искусства.

Он сказал, что ему не нравится, когда представители государства решают, на что в области искусства тратить государственные деньги, потому что эти деньги принадлежат не государству, а всему народу. И поэтому распределять их должны исключительно *свободные художники*, которые много лет учились, осваивали профессию художника, и только они знают, как распоряжаться этими принадлежащими всему народу деньгами. Потому что это их деньги, поскольку они сами и есть народ. Именно они, а не все стальные.

Строго говоря, свободные художники — замечательные люди. Особенно когда не пытаются уверить, что только они понимают, что такое творчество, искусство, и не начинают утверждать, что именно и исключительно они и есть народ, и всё, что принадлежит народу, принадлежит в первую очередь им.

Есть свободные художники — и есть бюджет страны. Действительно, принадлежащий, по идее, народу. И деньгами распоряжаются те, кого народ избрал, и те, кому избранные народом президент и парламент поручили эту работу, — правительство, в том числе министерство культуры.

Деньги не дают на «свободу творчества». Деньги дают на реализацию государственной политики в той или иной сфере.

Между «свободным художником» и государством как созданным гражданами механизмом выражения их интересов, и в

первую очередь интересов большинства, возможны три модели отношений.

Первая — у свободного художника есть замысел и есть возможность его реализовать без поддержки государства. Он его и реализует, не нарушая закон.

Вторая — у свободного художника есть замысел, но нет денег на его реализацию. Он убеждает государство в перспективности и соответствии замысла интересам государственной политики.

Третья — и замысел, и деньги есть у государства, оно формулирует госзаказ, а художник берет на себя ответственность его исполнение.

Художник вправе выбирать любую из них.

Первый фильм Звягинцева «Возвращение» был создан без господдержки — его профинансировали телеканал Рен-ТВ и его владельцы, Ирена и Дмитрий Лесневские. Правда, особой благодарности Звягинцев к своим спонсорам не сохранил: в его понимании Лесневские лишь исполнили свою обязанность — помогли ранее непризнанному таланту. Такие же отношения он хотел бы установить с государством: оно признаёт его гением, дает деньги, а он поощрительно кивает, не беря на себя иных обязательств.

Лесневские давали свои деньги, государство дает деньги народа. И поэтому отвечает за то, чтобы использование их отвечало интересам страны. И поскольку государство на предложенные Звягинцевым условия не соглашается, Звягинцев провозглашает: «Цензура вошла в полный рост. Отрицать это может только лжец или невежда». Потому что цензура, с его точки зрения, — это когда государство дает деньги на то, что считает важным для страны, и не дает на то, что считает интересам страны не соответствующим.

Он сетует: «Когда, наконец, чиновники поймут, что их дело — организовывать и поддерживать труд людей, а не раздавать им свои “заказы”?» Но тогда он сам должен определиться: чиновники, поддерживая труд людей, должны давать на этот труд деньги или не должны? Если не должны, чего будет стоить эта поддержка? Если должны, кто будет решать, кому

они должны их давать и на что? Или решать будут Звягинцев и его круг, а деньги будет давать государство?..

Он утверждает: «Не художник обязан государству, а государство обязано помогать художнику. Власть обязана пестовать гений, поощрять свободный поиск талантливых представителей народа... Глядя на свободно струящееся тело произведения вольного ума, зритель видит, как в отражении, себя самого свободным и вольным»⁴¹.

Звучные и красивые фразы: «Помогать художнику... Пестовать гений... Свободно струящееся тело... Вольный ум... Себя самого свободным и вольным...» И ведь действительно — свободно струящийся вольный ум... В переводе — поток сознания. Красивые фразы, содержащие строгую иерархию: 1) государство обязано платить художнику и бюджетными деньгами оплачивать «свободное творчество, то есть рождение нового, до поры до времени не известного даже самому художнику»; 2) художник имеет право свободно медитировать и рождать «свободно льющийся продукт вольного ума»; 3) все остальные — восхищаться.

А если восхищаться они не хотят, им надоедает, что на их деньги создается то, что воспринимается ими либо как шарлатанство, либо как провокация, и они начинают протестовать, то объявляются «страной безнравственных блюстителей нравственности <...> усредненным, однообразным, изоляционистским, послушным стадом».

И особое сетование на «активность этих расплодившихся как кролики общественных организаций <...> чудовищные выходы людей, публично ломающих скульптуры и обливающих мочой фотографии».

Звягинцев одновременно сетует на то, что государство берется регулировать культурную жизнь, и на то, что нерегулируемая «свободным телом льющаяся культурная жизнь» в ответ получает не менее «свободные потоки» другой жидкости от множющихся общественных организаций.

⁴¹ Андрей Звягинцев. *Дурной сон госзаказа*. Коммерсант. 26.10.2016.

URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3126654>, дата обращения 23.10.2019.

И он не понимает, что одно есть именно свободный ответ на другое. Ему представляется, что эти общественные организации протестуют против изливаемых его кругом «свободных потоков» потому, что «хорошо чувствуют такой госзаказ».

И он не понимает, что соотношение обратное: это именно власть формулирует свой госзаказ в соответствии с ожиданиями общества, а не общество проявляет свой протест в соответствии с требованиями власти. Он объявляет протестующих против его «свободных потоков» маргиналами и не то что никак не поймет, но никак не задумается о возможности обратного, что именно он и его круг давно стали провозгласившими себя «элитой» маргиналами в своей стране.

Вечная проблема российских элитных групп — полагать, что это именно их экзотические вкусы, представления и привычки продвинуты и просвещенны, и не понимать, что сами они могут относительно безопасно существовать лишь постольку, поскольку их безопасность и благополучие защищает от непосредственной протестной реакции общества проклинаемая ими «темная и реакционная тираническая власть».

И не понимать, что там, где государство будет отказываться от регулирования и ограничения их «свободных потоков», там их начнут посещать представители «множащихся общественных организаций». Потому что жить в обществе и презирать общество — проблемно. А жить в обществе и оскорблять общество — опасно.

Либо культурную жизнь общества будет регулировать государство, и оно же будет ограничивать некоторые специфические культурные группы в «свободном избиении вольных потоков их струящихся тел творческих изысканий», либо регулировать эту жизнь и ограничивать эти «свободные изливания» начнут представители свободно организующихся групп общества.

И еще раз о том, что его особо поразило: представители государства «изъяли из своего сознания простую и очевидную мысль, что это не *их* деньги, а *наши*. Общие. Деньги, на которые они “заказывают” свои агитки, взяты у народа». И он хочет, чтобы *они* этими деньгами не распорядились. Говоря,

что эти, т. е. бюджетные, деньги не *их*, а «*наши, народные*», он либо отождествляет себя с народом, либо ограничивает понятие *народа* комплиментарным для себя кругом.

Тогда либо он считает, что именно *его круг* и есть *народ* и, соответственно, именно этот круг и имеет право распоряжаться всеми деньгами народа, либо полагает, что его круг к народу как минимум принадлежит, а люди, находящиеся на государственной службе, к народу отношения не имеют.

Но, во-первых, люди, находящиеся на государственной службе, есть часть народа как минимум не в меньшей, если не в большей степени часть народа, как и *круг Звягинцева*. А во-вторых, этих-то людей в той или иной форме народ так или иначе к себе на службу взял. А Звягинцева и его круг — пока нет. И этим людям так или иначе избранная народом власть распоряжаться «деньгами народа» доверила, а *кругу Звягинцева* — нет.

Поэтому сегодня они решают, давать Звягинцеву деньги или нет, а не *круг Звягинцева* решает, как *ему* потратить деньги народа. И поэтому они сегодня формируют госзаказ, а *круг Звягинцева* может решать, принимать этот госзаказ и нести ответственность за его исполнение либо искать деньги для «свободного струения» своего «вольного ума» в другом месте. Например, продать свой загородный дом и на вырученные деньги снять новый фильм. Кстати, та же Ирена Лесневская, некогда создавшая Звягинцева как модного режиссера, создавала РЕН-ТВ не на деньги государства: она продала квартиру, поселилась чуть ли не в подвале и на эти деньги создала тот телеканал, за счет которого Звягинцев и снимал прославивший его фильм.

И последнее, что вызывает тоску Звягинцева, по его словам, много лет не имеющего дома телевизора, что, как он ни ограждал своего семилетнего сына от информации о реальном положении дел в мире, как только тот пошел в школу и вырвался из круга созданной в семье информационной изоляции, он тут же, придя домой, рассказал то, что узнал в реальном мире: «В Москве есть Красная площадь, Кремль и зоопарк, а еще у нас есть президент Путин, он хороший и добрый».

В семье ребенку не говорили даже о зоопарке... Пример того, чем кончается самоизоляция: тем, что человек, прорвавшись в реальный мир, наконец узнаёт правду и начинает понимать, что до сих пор ему лгали самые близкие люди.

Бунт и война против цивилизации. Организаторы неформатного фестиваля «Артдокфест» объявили о переносе части своей программы в Ригу. Туда, где и живет с 2015 года его основатель и организатор Виталий Манский, с определенного момента начавший явно раздражать и большую часть общества в России, и собственно нынешнюю российскую власть.

Официально главные задачи кинофестиваля — неформатное кино и развитие киноязыка. Определенный апогей — показ в 2017 году в рамках фестиваля откровенно неонацистских фильмов. Результатом оказались протестные акции прямого действия, депутатские запросы в правоохранительные органы о проверке кинофестиваля на экстремизм, судебные иски и штрафы.

Но поссорился Манский с Минкультом еще за несколько лет до этого, когда стало ясно, что этот фестиваль с его антигосударственными фильмами государственную поддержку получать не будет. Кто-то может риторически запрашивать, на каком основании министр культуры объявил фильмы фестиваля и деятельность Манского антигосударственной, и можно завязать увлекательную политико-философскую дискуссию. Только среди прочего есть и простой ответ: на том основании, что ему как министру поручено разрабатывать и осуществлять государственную политику в области культуры, и он считает, что данный фестиваль и данная деятельность Манского являются антигосударственными.

Как было сказано в старом и великолепном советском фильме «Частная жизнь»: «У министра свои резоны. На то он и министр».

Станет министром культуры РФ Манский — получит право по-своему судить, что антигосударственным является, а что им не является. Но что-то подсказывает, что пока Россия остается Россией и мнение общества играет роль в формировании

власти и выборах президента, Манский министром культуры в РФ никогда не будет. Если Манский не верит, пусть на ближайших выборах любого уровня, от местных до федеральных, выдвинет под озвученными им лозунгами свою кандидатуру, и он сможет замерить отношение к себе.

Но интереснее другое. Перенос части фестиваля в Ригу организаторы объясняют в первую очередь, переназначением Мединского на пост министра культуры. Что само по себе логично: сказал же последний, что пока он министр, Манский от государства денег не получит. И Манский знает, что в России он их от государства не получит. И еще он знает, что в России он открывать дорогу на экран фильмам с матом и тем более фильмам с пропагандой нацизма и неонацизма не сможет. Он и переносит «неформатную часть» фестиваля туда, где это показывать можно: в столицу государства, где нацизм и неонацизм официально поощряются, где власти ведут враждебную России политику, открыто утверждают в жизни форматы апартеида и расизма, закрывают русскоязычные школы и по возможности запрещают говорить по-русски.

Всё логично: Манский уехал туда уже несколько лет назад и туда же переносит ту часть фестиваля, которая, как понимает, в России вызовет протесты общества. Потому что жить в стране с неонацистской общественной атмосферой ему комфортнее, чем жить в России.

И, что еще важнее и интереснее, попытался подвести под свою позицию политико-философскую базу: «Конец — это когда государство, подменяя культуру пропагандой, теряет связь сперва с элитами и, как следствие, — с обществом. Идеальная почва для бунта или войны с цивилизацией в целом, в которой поражение неминуемо. Культура призвана формировать и подготавливать общество к эволюции. Иначе только революция»⁴².

С теми или иными утверждениями этого декларирования можно соглашаться, а можно и спорить, например, культура не менее часто готовила общество именно не к эволюции,

⁴² URL: <https://echo.msk.ru/blog/mansky/2204782-echo/>; дата обращения 23.10.2019.

а к революции. И не из чего не вытекает, что это плохо, если это революция, то есть прорыв и выход на более высокую стадию развития, а не майданно-болотный погром, обрушивающий страну в нечто украинно-ливийскообразное.

А то, что Манский называет «эволюцией, которой культура готовит общество», если под культурой иметь в виду то, что культурой называет он, скорее не эволюция, а деградация. Потому что именно провозглашаемое им «культурой» и есть поминаемые им «бунт или война с цивилизацией».

Говоря, что государство, недооценивая его и таких как он, благодаря своей политике, «потеряет связь сперва с элитами и, как следствие, — с обществом», он имеет в виду, что государство, то есть существующая государственная власть, теряет связь с ним, с такими, как он, а потом — с почитателями их творчества. И не понимает, что относить себя и таких, как он, к элите — на деле необоснованная самоуверенность. Элита это не те, кто себя ею объявляет. Это даже не «лучшие», а те, кто обладает возможностью и авторитетом для принятия ключевых решений в политике, искусстве, экономике и т. д.

Он и такие как он ни возможностью, ни авторитетом не обладает. Потому что авторитет — это уважение в широких массах и обладание моральной значимостью для них. И для художественной элиты создание произведений, которые любят, и в которых купается большинство.

Точно так же, как почитатели деятельности Манского и таких, как он, любящих на экране мат, кровь, грязь и нацизм, не есть общество, не есть большинство, не есть даже его значимое меньшинство. Скорее — его деграданты.

Художник может находиться в разных отношениях с властью и обществом. Он может быть любим обоими. Он может быть обласкан властью и презираем народом. Он может быть любим народом и преследуем властью. Манский в особом положении: его не любит власть и одновременно мероприятия срывают зрители, представители общества.

Можно спорить, нужно ли срывать фильм, который тебе не нравится, или на него просто не нужно ходить. Только если

показ некоего фильма или серии фильмов оскорбляет мораль и ценностные основания общества, либо власть должна эти показы пресекать, либо общество будет это делать через своих активистов.

Потому что, в чем Манский прав, если власть разорвет с элитой, то есть, в частности, с лидерами общественного мнения, а затем разорвет и с обществом, это окажется ее концом. И может привести к бунту и войне против цивилизации в целом, в которой поражение неминуемо.

Поэтому государство и не дает денег Манскому, который готовит и латентно ведет этот «бунт и войну против цивилизации», благо государство и выступает на стороне цивилизации, а Манский и его почитатели — на стороне бунта и войны.

И уехал последний именно в ту страну, в которой сегодня укрепляют культ нацизма, то есть культ той самой войны против культуры и цивилизации, которую вели нацисты и почитаемые сегодня в Латвии легионы «Ваффен СС».

3.2.3. Разрыв с реальностью и претензия на избранность. Художественный бомонд как синтез акратизма и антидемократизма

«Королевский жираф» российского бомонда. Должно ли государство влиять на репертуарную политику театров и должно ли защищать «вольно струящихся» творцов от зрителей, если зрители остались ими недовольны?..

В «Приключениях Гекльберри Финна» Марк Твен описывает эпизод со спектаклем «Королевский жираф». Два проходимца, назвавшиеся один французским королем, другой — английским герцогом и навязавшиеся в спутники на плот Гека, мошенничают тем или иным способом в проплываемых городках. В одном из них попытались дать спектакль. Назвались именами Дэвид Гарик-младший и Эдмонд Кин-старший (знаменитые английские актеры: Дэвид Гарик умер к этому времени почти за полвека, Эдмонд Кин — за десятка полтора лет). Хотели сыграть Шекспира — не пошел: не справились

с материалом. Разозлившись, решили играть крупнее: торжественно объявили спектакль «Королевский жираф», предупредили, что будет идти только три дня, и в объявлении приписали: «Женщины и дети не допускаются».

Уже в первый вечер зал был забит. Герцог торжественно объявил выход, король в голом виде, раскрашенный во все цвета, вылетел на сцену и начал строить рожи, прыгать, кувыряться и подпрыгивать. Зал ревел от восторга. Минут через десять король убежал со сцены, а герцог объявил спектакль законченным. Ошарашенная публика растерянно разошлась. Но в городе они не стали соседям рассказывать, как их обманули, напротив, стали восторженно хвалить и уговаривать остальных обязательно посмотреть спектакль. На второй день зал снова был набит — картина повторилась.

На третий день в театр ломились и те, кто смотрел его в первый день, и те, кто смотрел во второй. Одежда их топорщилась, карманы набиты, лица угрюмы и решительны. Билеты были распроданы, зал переполнен. Но на сцену уже никто не вышел: забрав выручку от билетов, герцог и король уплывали на плоту Гека вниз по течению.

Зато уже в другом городке, где они пытались спектакль повторить, к нему оказались готовы и артистов линчевали на первом спектакле...

Свободные Северо-Американские штаты середины XIX века гарантировали полную свободу для всех: свободу творчества для претендентов в актеры, свободу форм и методов оценки их творчества для свободных зрителей.

Когда персонажи российского театрального бомонда, что Райкин, что Звягинцев, что Евгений Миронов, возмущались мнимым ограничением их свободы творчества, они жаловались не только на мнимую цензуру, на что всегда любит жаловаться художественная богема. Они жаловались именно на то, что произошло с мошенниками Марк Твена, что публика может побить.

Райкин жаловался, что ему напомнили: если театр находится на государственном финансировании — он должен работать в соответствии с приоритетами государственной

политики в сфере культуры. И на то, что в обществе появились люди, которые позволяют себе непосредственным образом реагировать на возмутившие их выставки и спектакли.

Звягинцев куда более многословно жаловался и на то, что государство формулирует госзаказ, и на то, что плохо защищает от реакции разозленных зрителей.

К ним же присоединился Евгений Миронов. Он жаловался: «Всё время возникают угрозы по отношению к деятелям искусства, к их спектаклям, выставкам, книгам, фильмам — угрозы со стороны отдельных людей или каких-то сомнительных организаций, которые присваивают себе право судить об искусстве, самозванно берут на себя миссию защитников якобы нравственности и традиций». «Что делать, когда агрессивные невежи влезают в сугубо профессиональную деятельность, пытаются дискредитировать понятия «художник», «творчество», «свобода»?»⁴³.

Константин Райкин — сын великого актера и сам неплохой актер, запомнившийся ролью Труффальдино в фильме «Труффальдино из Бергамо» и унаследовавший театр своего отца.

Андрей Звягинцев — режиссер, созданный изначально Иреной и Дмитрием Лесневскими, получивший ряд премий за границу, очень нравящийся художественной богеме России и вызывающий недоуменное пожимание плеч обычного зрителя. Правда, на что-то в жизни очень обиженный: обида, печаль и раздражение чуть ли не в каждом фильме.

Актер Евгений Миронов... Обстоятельнее и программнее всех был Звягинцев, утверждавший, что, если государство решает, как распоряжаться бюджетными средствами, выделенными на культуру, это безусловно цензура, потому что решать это должны не представители государства, а **свободные художники, рождающие новое**, до поры до времени не известное даже самому художнику», которые должны получать деньги из бюджета не на цели, определенные как

⁴³ URL: <http://www.rbc.ru/politics/31/10/2016/581723749a79477bd2a8363d>; дата обращения 23.10.2019.

приоритеты государственной политики в области культуры, а на поддержку своего свободного творчества и «свободного струения» своего «вольного ума». И только в процессе мучительного творческого процесса жизнь покажет, что родилось у художника в результате освоения этих средств. Или родится лишь «свободное струение».

Он провозгласил свое видение того, как государство должно радоваться своему праву давать деньги «свободному художнику».

Но дело даже и не в этом. Дело в сущностной парадоксальности картины.

Привычно, когда художники жалуются на ограничение их свободы: правы они в той или иной ситуации или нет, но это привычно. И привычна ситуация, когда власть художника не любит, но народ (народ, не придворные) восхищается.

Привычна ситуация, когда художник обласкан властью, но его освистывает народ.

Привычно даже, когда художника любит и народ, и власть.

Но, судя по обидам Райкина, Звягинцева и Миронова, они чувствуют совсем иную ситуацию, когда ими недовольна и власть, которая не торопится давать им деньги без понимания, на что они их потратят, и зритель, который рвется их побить за их «свободное творчество» ровно так же, как зрители американского городка побили авторов «Королевского жирафа».

И они требуют, чтобы их а) обеспечили и б) обезопасили.

Власть постаралась закрыть вопрос, дав Райкину денег и на содержание не до конца заполняемого театра, и, по сути, на поддержку его торгового бизнеса, торгового центра «Райкин-плаза». Причем в результате ему выделили чуть ли не больше средств, чем на всё документальное кино страны. Было подтверждено то, что и так очевидно: что цензуры в стране нет. Ее действительно нет, потому что цензура — это система предварительной проверки художественного произведения представителями власти до выхода произведения в свет при невозможности такого выхода без разрешения власти.

«Свободным художникам» сказали, что они должны обладать чувством ответственности и сами думать, что в искусстве

приемлемо, а что нет, и заодно заверили, что от возмущения зрителей их будут обязательно защищать, а зрителей, в случае если их возмущение примет формы, непредусмотренные законом, строго наказывать.

Формально всё верно. Художник должен сам думать и сам понимать, что может вызвать возмущение зрителей, а что восторг. А закон, конечно, нарушать нельзя.

То есть если режиссер наглеет и оскорбляет чувства тех или иных групп, его ни линчевать, ни даже закидать помидорами нельзя. Можно написать статью, от которой художник отмахнется. И можно подать в суд, который будет длиться неизвестное время и ничего, по сути, не решит, потому что в судебном порядке оскорбление почти не доказуемо.

И тогда получается, что власть и закон защищают богему, выдающую оскорбление за перформанс, и не защищают зрителя и общество, этим оскорблением возмущенных.

Но если власть и закон не защищают общество от надругательства, то у общества не остается ни законных средств, ни надежды на власть в защите своих чувств и своих ценностей. А тогда ему остается выбирать: терпеть оскорбления и надругательство, оставляя их безнаказанными, либо наказывать за них, но уже не прибегая к закону и не надеясь на власть. А прибегая к своему естественному праву на защиту своих ценностей от оскорбления и на прямое действие.

Кто-то может сказать, что у нас «защитников нравственности развелось как кроликов», но кто-то ведь скажет, что у нас и «театров и театрально-кино-художественной халтуры развелось как кроликов».

Власти просто надо определяться, с кем она, с большинством или с меньшинством, и не пытаться примирить всех со всеми. А власть или, во всяком случае, определенные ее сегменты либо ощущают слишком большую близость с богемными кругами, либо слишком (и неоправданно) ее опасаются.

В известном смысле не так уж не обоснованно. Кто возмутился осенью шестнадцатого года мнимой цензурой и недостаточной защитой от возмущенной реакции общественных активистов? Художественная богема. Кто на другом конце мира,

в тех же Соединенных Штатах, объявил войну на смерть избранному президенту страны? Художественная богема. Деградирующая часть художественной элиты, яростно сопротивляющаяся любым устойчивым ценностям и любой национально-ориентированной политике. Потому что сама имеет одну главную ценность — собственный комфорт и собственную безнаказанность.

Она может быть опасной. Но ее, как всякого агрессора, не нужно ни умиротворять, ни подкармливать: ее нужно ставить на место и побеждать. Она не так опасна, как кажется: она была против того же Трампа уже в ходе избирательной кампании — и он победил. Она участвует в его травле сегодня — и если он будет достоин того, как заявлял себя в ходе выборов, он опять победит.

И если выбирать свободу и свободу творчества, то полную. Как в Америке XIX века: хочешь ставить «Королевского жирафа» — ставь. Ты свободен. Но и зритель свободен тебя линчевать, если ему не понравится.

А если выбирать безопасность — согласуй, за что государство примет на себя ответственность за твою защиту, за что — не примет.

3.3. Свобода творчества и право на сохранение культуры

3.3.1. Богемизация элиты: фактор деградации

Искусство может быть на грани — а может и не быть. Вообще-то, оно само создает грань. Талант может увидеть и показать грань там, где другие ее не видят, те, у кого таланта нет, с воплем указывают на ту, о которой другим просто скучно либо неприлично говорить.

Но искусство не в том, чтобы вызывать эмоцию как таковую, иначе самое эффективное средство — облить человека хотя бы ведром ледяной воды. Искусство — это создание эстетической ситуации, то есть создание ситуации ощущения своего соприкосновения с идеалом. В трех основных вариантах: 1) ощущение того, что идеал громаднее действительности; 2)

ощущение того, что идеал равновесен с действительностью;
3) ощущение того, что идеал гибнет в соприкосновении с действительностью.

Кто-то это делать умеет. А кто-то нет, но хочет быть признанным умеющим этого делать. И тогда последний либо мастерит заведомо бессмысленное, имитируя непонятую глубину, либо утверждает себя в надругательстве над сакральным для других, принимая роль бесстрашного обличителя либо открывателя.

Умеющий творит. Не умеющий — разрушает и оскорбляет.

Один строит скворечники. Другой бьет лампочки.

«Наиболее наглядное соприкосновение этих двух форм сознания проявляется в том, что искусство, интересуясь общественным в жизни, не может не вобрать в себя политических мотивов»⁴⁴.

Многое значит Гойя. Но величие его не в «Махе» и даже не в «Капричос», оно в портрете королевской семьи. Писалось по заказу. Другья, увидев картину, схватились за голову со словами: «Теперь тебя не спасет ничто». Семья была показана во всем торжественном облике — и каждой деталью говорила о вырождении. Король, увидев картину, долго смотрел. Он всё понял: про Гойю, про картину. Про себя. И про будущую катастрофу.

Но он восхитился тем, что всё это Гойя не только понял, но и показал то, что было правдой, причем показал, ни на шаг не отступив от правил торжественного королевского портрета и соблюдая полную меру уважения к королю.

Одни утверждают, создавая. Другие — скандаля.

Богемизация элиты — фактор деградации. Известна классическая мысль Парето о том, что неспособность применять насилие есть свидетельство деградации элиты. Не менее известно и изречение Наполеона: «Со штыками можно делать что угодно, но сидеть на них нельзя».

Наверное, можно считать эти формулы не противоречащими друг другу, но определяющими две порочные крайности,

⁴⁴ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 182.

демонстрирующие деградацию элиты, требующую ее ротации: с одной стороны, боязнь крови и применения насилия и репрессий, с другой стороны, вера в то, что одно обладание инструментами насилия достаточно для обеспечения устойчивости своей власти.

Но, похоже, некие подобные закономерности действуют и в применении к отношению власти, политической элиты и деятелей культуры и искусства.

«Все три стороны наличествуют в отношениях политического и художественного сознания. Первая — в усилиях определенной ветви искусства во времена активизации политической деятельности подключиться к общественным задачам путем легитимации высших ее идеалов, даже путем “переливов” некоторого количества деятельности из политической сферы в художественную или обратно. Художественный авангард начала века, собственно, и есть такой пример стремлений искусства стать побуждающей силой для политической деятельности или даже политической акцией. Позднее так же повело себя и официальное искусство нашей страны после революции. (И это понятно, если считать его в некотором смысле преемником авангарда.)

Обмен информацией как вторая сторона диалогического взаимодействия наличествует в опосредованном влиянии политических идей на идеи художественные. Третья сторона проявляется в интересе политического и художественного сознания друг к другу, в попытках по мере возможностей и в соответствии с их природой понять друг друга»⁴⁵.

Власть, не понимающая роли и значения культуры в развитии общества, либо обречена на падение, либо обрекает общество на распад и деградацию. Но власть, которая начинает заискивать перед художественной элитой и главным в своих отношениях с последней считает необходимость нравиться ей и уступками завоевывать популярность в ее среде, также обречена на падение либо обрекает общество на распад.

⁴⁵ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 155–156.

Игнорируя либо рассматривая как вторичные интересы развития культуры и искусства, власть разрушает систему производства базовых латентных стереотипов поведения, ценности и смыслы существования общества. С этим всё более или менее понятно.

Но если она начинает мерить себя требованиями художественной элиты, она приходит к тому же результату.

Безусловно, художественное и образное мышление предельно необходимо политическому деятелю. И с точки зрения владения политической борьбой как искусством. И с точки зрения обладания способностью к идеальному политическому конструированию. И с точки зрения режиссерского умения ставить политический спектакль. И с точки зрения умения сыграть в нем главную роль. И с точки зрения умения увидеть цели, предлагаемые им обществу, под углом рассмотрения их в эстетическом ключе.

И в этом плане политический лидер, если он обладает качествами политического лидера, родствен художественной элите, но представляет ее высший уровень: они создают имитации, подчас гениальные, — он реконструирует жизнь.

И он должен чувствовать это, понимать художественную элиту и знать цену ее собственному тщеславию, эгоизму и фанатерии. И осознавать ее значение в обществе как социальной группы, допущенной к публичной деятельности, обладающей собственными эгоистическими интересами, лишь частично совпадающими с интересами общества в целом, но уверенной в том, что именно она и есть истинный выразитель истинных идеальных интересов народа.

А потому часто готовой подчинить своим интересам интересы всех остальных. Каждый художник создает свои миры. Они безмерно важны и необходимы для реального мира, но они не есть этот реальный мир.

И, что еще хуже, то главное чувство, которое владеет художником — желание утвердить себя в мире через создание своего мира, — столкнувшись с реальными проблемами либо недостатком таланта в решении этих проблем, начинает реализовываться уже не через созидательное взаимодействие с

этим миром, а через уход от него, имитацию и, в конечном счете, его же и разрушение.

Талант художника и его достоинство — умение перевоплощаться. Но его оборотная сторона — слишком частое забывание того, кто они есть на самом деле, вернее, способность с одинаковым талантом превращаться и в ангела, и в демона.

Политическая элита всегда должна понимать, с кем она имеет дело, и понимать, что элита художественная — это своего рода прирученные тигры, которые садятся у ног сильного лидера, но всегда готовы вырваться из-под контроля слабого. Растерзать и его (что они часто делают посмертно), и всех, кто окажется рядом.

Как только политическая элита начинает демонстрировать, что она хочет нравиться элите художественной, последняя понимает, что перед ней слабая элита, «слабый хозяин», а слабому хозяину нужно мстить и потому, что он оказался в статусе хозяина, и потому, что он слабый, и потому, что, будучи слабым, он позволил себе претендовать на первенство над ними.

Причем художественная элита, будучи наделена чувством эмпатии, очень хорошо чувствует слабости и комплексы элиты политической. И чувствует, что желание политиков понравиться художникам — это всегда проявление некоторых подростковых комплексов и фобий.

Каждый человек, тем более подросток, увлечен миром фантазии. Каждый любит те или иные виды искусства, большей частью кино, театр или книги, и каждому хочется либо оказаться одним из героев фильма или романа, либо стать актером, играющим его роль, либо оказаться знакомым и подружиться. Но это порождает и комплекс того, что ими не стал.

Удается это явному меньшинству. К нему относятся и те, кто сам стал художником, и те, кто стал политиком.

Сильные политики избавляются от этого комплекса. Слабые и случайные его сохраняют.

Почему избавляются сильные? Потому что они понимают, что они стали больше, чем их кумиры. Они их ценят, но знают цену и больше не поклоняются, не ощущают зависимости от одобрения вчерашних полубогов.

Почему сохраняют слабые? Потому что становятся политическими деятелями либо случайно, либо в результате движения по «менеджерской» лестнице: они пришли в политику не для того, чтобы ставить цели и реализовывать проекты, не для того чтобы служить стране, а для того чтобы служить руководству. Они не реализованы, какими бы должностями, деньгами и званиями они не обладали. Они не знают, для чего они. Раньше им задачи ставили те, кто был над нами. Теперь высших рангов достигли они, и ставить им задачи и разъяснять смыслы стало некому. Они стали хозяевами, не избавившись от комплексов слуги.

И, став хозяевами, они ищут себе новых хозяев, вполне естественно обращаясь к образам тех, кого боготворили в юности: актерам и как актерам, и как носителям образов почитаемых героев. И как робкий подросток, они, уже облеченные властью, собирают на встречу деятелей искусства, тайно мечтая: что же мудрого мне скажет этот воображаемый кумир.

И представители художественной элиты приходят на встречу, сами думая, что идут на встречу с хозяином, и чувствуют, что пришли на встречу с недорослем, оказавшемся в кресле политического лидера. И начинают его дрессировать: они же не дрессированные собачки, они-то действительно тигры и подчиняться готовы лишь тому, при взгляде которого опустят свои глаза, но не тому, кто глядит на них заискивающим недорослем, до сих пор видящим в них полубогов.

Но слабый политик, не осознавший, что он здесь главный режиссер и главный актер, будет смотреть на них только так.

Сильный, понявший, что весь этот театр один и это его театр, будет смотреть на них, безусловно, ласково, но с лаской предводителя, который понимает их лучше, чем они сами, умеет больше, чем они сами, и зная, что они полезны и нужны, готов их сохранять, если они сумеют быть ему нужными в его большом спектакле и в большом проекте, который он ставит.

Слабый политик хочет нравиться художественной элите. Сильный политик будет ее использовать. Слабая элита думает,

что богема полюбит ее за доброту и слабость. Сильная элита знает, что богема любит только тех, в ком видит жесткость и силу.

Слабый политик поддается мантре о том, что «таланту многое прощается». Сильный политик понимает, что талант — не индульгенция.

Таланту может многое проститься, если его грехи не мешают политике. И не прощается то, что создает политику проблемы.

Верно, что неспособность применить силу, — свидетельство деградации элиты. Но верно также и то, что желание понравиться артистам, писателям и художникам — свидетельство начала такой деградации.

Они не куклы — они тигры. Очень часто жадные и эгоистичные. И уступать им нельзя.

3.3.2. Свобода творчества и право на сохранение культуры

Права и обязанности граждан России определены 44 статьей Конституции РФ. Они включают сущностно три позиции: каждый имеет право на свободу творчества; каждый имеет право на доступ к культурным ценностям; каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия.

Каждый имеет право творить новое, каждый имеет право пользоваться имеющимся, и каждый обязан сохранять уже созданное.

Понятно, что существует тенденция акцентировать внимание на первом положении и оставлять в тени второе, то есть считать право на свободу творчества первичным, а право человека на привычную и значимую для него культурную среду молчаливо признавать незначимым.

Мы исходим из иной позиции: право каждого на привычную среду первично.

Первое, человек и страна в своей идентификации формируются той средой, которая создана до них, ее разрушение уничтожает и личность, и самосознание страны и народа.

Второе, свою самореализацию в создании нового в культуре утверждает часть граждан. Свою самоидентификацию выводит из имеющегося культурного наследия всё общество, все граждане или как минимум их подавляющее большинство.

Позитивное творчество, даже создающее более высокие образцы культурного богатства, строится только на основе и материале имеющегося наследия, разрушение его лишает основы и само творчество нового.

Свобода творчества бесспорно значима, но нужно отличать свободу цивилизованного человека, предполагающую принятие определенных цивилизационных запретов, от свободы дикаря, отвергающего любые запреты, нормы и ценности. Равно как нужно отличать реальное творчество, заключающееся в создании нового на основе имеющегося, от имитации творчества, выдающего за новацию разрушение созданного и пренебрежение к нему.

Свобода творчества несет в себе огромную энергию, но, как и ядерная энергия, она может реализоваться и в ядерной бомбе, и в атомной электростанции. В конце концов, чернобыльская катастрофа тоже стала результатом предельно вольного отношения к свободе научного творчества.

При всей важности принципа свободы творчества каждого он продуктивен только при его ограничении правом каждого на сохранение и пользование культурным наследием и обязанностью каждого заботиться о его сохранении.

Культура и «художественный класс». Для «художественного класса» культура — это то, что находится в их корпоративном ведении. Их удельное владение, где они собирают дань с посетителей, причем нередко передаваемое по наследству. Задача публики — их любить, задача государства — их охранять и делить между ними бюджетные деньги.

Другая же точка зрения исходит из того, что культура — это сфера производства базовых образцов поведения. Культура — это не то, что человек прочитал в книге и увидел на киноэкране и на сцене. Это то, как увиденное повлияло на его поведение.

Произведения искусства и события культурной жизни — это некий инструмент, которым выработанные социумом ценности и идеалы утверждаются в человеке и регламентируют его поведение.

Сам по себе факт массовости распространения произведения еще не является критерием уровня культуры: часто массовость распространения произведения иллюстрирует лишь падение уровня культуры в обществе.

И тут встает вопрос о массовости и массовой культуре. Если всё, обретшее популярность, объявляется своего рода низким жанром, то ему противопоставляется некая элитарная культура, критерием значимости которой является непонятность массам и признанность теми, кто сам объявил себя интеллектуально-художественной элитой. И тогда всё, что нравится массам и воспринято массами, объявляется недостойным «маскультом». А достойным — либо то, что вызывает брезгливость, либо то, о чем долго будут спорить, пытаясь угадать, что данная бессмыслица означала: старый прием старых мошенников из старой сказки о новом платье короля.

Культура не делится на массовую и элитарную. Потому что она либо культура, либо элитарная. «Элитарная культура», «культура меньшинств», как непонятая либо не воспринятая, не обеспечивает и передачи обществу базового образца. А значит, не выполняет функции в системе культуры как таковой.

Противостояние существует не между культурой масс и культурой элиты, а между культурой, ориентированной на низменное в человеке, на «обезьяну, сидящую в каждом, с которой человеку приходится всю жизнь бороться»⁴⁶, и культурой, ориентированной на начала возвышенного, прекрасного и героического. Вопрос в том, чему культура помогает одержать верх, обезьяне либо человеку.

И политика в сфере культуры — это часть политики страны. И она не существует вне задач, которые стоят перед страной. Если страна ведет войну, культура должна работать на победу. Если страна работает на прорыв, культура должна работать

⁴⁶ Стругацкий Б. Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью. М., 2007.

на прорыв, то есть транслировать и утверждать образцы и идеалы, нужные для побед и для прорывов.

«Обращенность к политическим идеям и событиям в творчестве великих мастеров от Аристофана до Шекспира, от Свифта до Гойи, Домье, Мазереля, писателей и художников XX в. вовсе не помешала признать их творчество гениальным»⁴⁷.

Результаты в долгосрочной перспективе определяются историей и результатами страны. В краткосрочной — количеством открытых кинотеатров и музеев, библиотек и снятых фильмов, числом кинозрителей и читателей, причем в первую очередь не в столицах, а в провинциальных малых городах.

Тем, довольны ли приходящие в библиотеки, и тем, насколько недовольна культурная богема и художественные олигархи. И если последние недовольны министерством культуры страны, значит, оно работает хорошо.

Гражданское общество — это не некие люди, присваивающее себе право на критику власти и постоянное оценивание ее деятельности, а совокупность отношений, не опосредованных государством. То есть это все формы активности и самоорганизации общества. Всего общества, а не отдельных претендующих на избранность групп.

Гражданское общество — это все люди. А не только те, кто сам себя объявляет «гражданским обществом» и определил произвольные критерии, по которым сам решает, кто гражданским обществом является, а кто нет.

Да, государство — это не господин над гражданами, а созданный для управления общими делами институт. Который может больше или меньше служить разным и подчас противоречивым социальным группам и может отрываться от общества и осуществлять диктат над ним.

Для того чтобы этого не допускать, нужен контроль гражданского общества над государственными структурами. То есть контроль самоорганизующихся граждан. Правом контролировать государственную машину своей страны и чего-либо требовать от нее, т. е. от государства, действительно

⁴⁷ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 182.

имеет гражданское общество, то есть совокупность **граждан своей страны**.

В первую очередь их большинство. Те, кто не признают приоритетность суверенитета своей страны и пытаются утверждать суверенитет иных прав, иностранных государств или международных организаций и их норм, уже не являются гражданами данной страны и не имеют такого права ее гражданина, как права определять ее судьбу и контролировать деятельность ее государства.

Те, кто пытаются утверждать, что гражданское общество и граждане — это не люди, отождествляющие себя со своей страной и ее суверенностью, а люди, обладающие некими иными, только «избранным» присущими политико-идеологическими качествами, не принимающие ценность истории своей страны, пропагандирующие приоритет норм внешних организаций над нормами своей страны, приоритет «универсальных прав человека» или чего-либо подобного над суверенностью своей страны, не признающие принципа верховенства воли народа (его большинства) над иными началами, уже не являются гражданами и не могут пользоваться правами граждан своей страны и ее социальными гарантиями — и тем более претендовать на контроль за ее властью. Они не граждане — они «проживающие на ее территории», они могут считаться иностранцами, могут считаться лицами без гражданства, могут проживать в соответствии с нормами, установленными для таких лиц, но они не являются гражданами и не могут пользоваться конституционно закрепленными правами граждан страны.

Они, соответственно, не имеют отношения к гражданскому обществу данной страны и не имеют права на политическое участие, политическую деятельность и участие во власти в данной стране, равно как и права на вмешательство в ее внутренние дела.

Они — не гражданское общество. Они сообщество «неграждан». Или диаспоры других стран, которые они же добровольно выбрали как приоритет для своих устремлений и образец для политической и социально-экономической организации.

Гражданское общество — это не они. Гражданское общество — это те, кто принял решение о мобилизационном прорыве своей страны и принял вызов, согласившись на создание нового мира.

Бесспорно, каждый гражданин страны обладает неким безусловным комплексом гражданских прав, обеспечивающих ему и возможность полноценного существования в обществе, и возможность полноценного участия в обсуждении и решении его проблем. Но для того чтобы этими правами обладать и пользоваться, прежде всего, нужно быть гражданином своей страны. Ни одно нормальное общество не предоставляет равные со своими гражданами права тем, кто перестал считать себя гражданами данной страны.

Глава 4. Образы будущего и государственная политика в сфере культуры: формирование деятельности и форматы созидания будущего

4.1. Классическая культура и идентификация будущим

4.1.1. Классическая культура и национальный суверенитет

Объективный анализ сегодняшней реальности показывает, что как мир, так и современная Россия исчерпывают предыдущие парадигмы развития и требуют поиска альтернативных вариантов развития.

Современный мир сталкивается как минимум с тремя уровнями кризиса.

1. Мир подходит к границам развития рыночной экономики. Рожденные конкуренцией монополии в течение последнего столетия существовали за счет расширения ареала своей деятельности. Сегодня они распространили его на весь мир — и тем самым уничтожают породившие их основы.

2. Политическое оформление современного мира было результатом установления нового баланса сил, сложившегося в итоге Второй мировой войны. С разрушением СССР этот баланс нарушен. Подобное изменение всегда ведет к переделу мира. Оно началось. События в Ливии и Сирии — это преддверие нового глобального военного конфликта. Либо баланс будет восстановлен, либо мир ждет мировая военная катастрофа.

3. Исчерпывает себя модель развития общества потребления. Человек не может существовать без потребления, но оно не может быть смыслом производства и жизни. Стоит вопрос о переходе к обществу познания и творчества и подчинения его целям общественного производства, возвращения потреблению роли средства общественного развития, а не его цели.

Сегодня из инструмента обеспечения прогресса потребление превратилось в инструмент деградации. В мире запущен механизм социального и исторического регресса.

Наступление Постмодернизма, утверждающегося в моральном релятивизме, провозглашении множественности истин, отказ от традиционных ценностных оснований одновременно с отказом от научного познания мира, отрицание его целостного видения.

Варваризация экономических и политических отношений, сползание к решению политических вопросов жестким насилием.

Отказ от идеи исторического прогресса, нарастание тяготения к архаике как в форме радикально-фундаменталистских движений, так и в тяготении к реабилитации фашистских течений.

Единственным возможным барьером на пути приближающейся мировой войны и разрушения достижений предыдущего цивилизационного развития является восстановление баланса сил в результате ускоренного развития России и восстановление ее роли и места в мире.

Перед Россией сегодня стоят следующие задачи:

- вернуть утраченное в результате катастрофического развития последнего пятнадцатилетия XX века;

- стать лучшими в мире: создать лучшее производство, лучшее искусство, лучшие социальные отношения, лучшую науку, лучшее образование, лучшую медицину, утвердить в качестве ментальной задачи — быть лучшими во всех сферах жизни;

- осуществить возмездие в отношении тех сил и групп в мире, которые несут вину за постигшую Россию и мир катастрофу.

Стратегическими целями России в современном мире сегодня является:

- остановить регресс;

- овладеть рычагами социального управления общественными процессами;

- запустить механизмы исторического прогресса.

И в результате этого — принять вызов, создав новый мир, основными характерными чертами которого будет:

- создание производства изобилия, являющегося основой не культивирования потребления, а средством обеспечения

удовлетворения стремления к познанию, творчеству и совершенствованию мира;

– создание общества профессионального самоуправления, обеспечивающего разнообразие групп с разными интересами, увлечениями и пристрастиями, взаимодействующих в едином социальном пространстве и взаимно обогащающими друг друга;

– создание условий для свободного развития каждого человека, обеспечение потребности каждого человека в творческой созидательной деятельности, в которых ничто не сможет принести человеку большей радости, чем свободно избранный им творческий труд.

Принципом этого развития становится принцип «корни и крона», единство ощущения всех этапов российской истории, от Изборска в его значимости образа древней русской истории до Обнинска как символа успехов советского периода и достигнутого СССР научно-технического превосходства и лидерства.

Общество распутия. При всей объединенности российского общества темой Крыма, то есть, по сути, приоритета национального суверенитета страны, оно пока остается обществом разделенности.

Обобщая данные разных опросов, можно сказать, что по своим политическим предпочтениям российское общество делится на четыре сектора: 1) сторонники нынешней политической модели — 23 %; 2) сторонники модели современных западных стран — 13 %; 3) сторонники традиционалистской модели «до февраля 1917» — 8 %; 4) сторонники прежней советской модели — 37 %⁴⁸. В данном случае речь не идет о том, кто из них прав или не прав, речь идет о том, что эти группы есть и они численно примерно таковы с учетом динамики по годам.

Воссоединение Крыма по прежнему поддерживает почти 90 % граждан (86 % по опросу «Левада-центра» от 21–27 марта 2019 года)⁴⁹.

⁴⁸ URL: <https://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/>, <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=557>; дата обращения 23.10.2019.

⁴⁹ URL: <https://www.levada.ru/2019/04/01/prisoedinenie-kryma/>; дата обращения 23.10.2019.

Крым здесь играет достаточно важную роль, именно он сформировал подобные численные показатели этих четырех и ранее существовавших групп: до него, еще в 2013 — начале 2014 года, сторонниками нынешней системы были 17–19 %, сторонниками западной модели — 21 %, традиционалистской — 11 %, а число сторонников советской стабильно оставалось примерно на нынешнем уровне 35–39 %.

При этом, выбирая между системой государственной плановой экономики и системой рынка и частной собственности, от 50 до 55 % выступает за первую, а число сторонников второй шаг за шагом снижается с 36 % в 2012 году до 26 %.

То есть если общество в чем-то едино, то в признании приоритетности права на суверенитет, права страны самой решать вопросы и своего поведения на международной арене и своего внутреннего устройства. И осознание значимости данного права является в принципе базовым, потому что без его признания страна в принципе не может решать, какой образ жизни, модель политической системы и социально-экономический строй она избирает.

Но признания такого права самого по себе недостаточно, потому что за этим согласием возникает вопрос, как именно страна хочет жить дальше. И в этом отношении общество разделено, и даже о минимальном согласии говорить не приходится.

Можно привести и другие данные по отношению к ключевым событиям истории: по опросам 2017 года, случись Гражданская война сегодня, на стороне белых с оружием в руках выступили бы 7 % граждан, а 3 % оружия не взяли бы, но поддержали, при этом 32 % взяли бы оружие в руки на стороне красных, и 4 % поддержали бы, не беря в руки оружие.

Из нынешних групп со стороны белых, прежде всего, наверное, можно соотнести и «дофевральских традиционалистов», и «западников», со стороны красных в первую очередь, очевидно, сторонников советской системы.

В полной мере расколом это, наверное, нельзя считать, но общество разделено и в своем видении прошлого, и в своем видении будущего, причем названные четыре группы в той

или иной мере лишь терпят друг друга, поскольку ни одна из них не составляет абсолютного большинства.

Причем эти линии раздела носят и вертикальный, политико-ценностный характер между данными группами, и горизонтальный, то есть между находящимися «внизу» 52 % предпочитающих плановую экономику и государственную (общественную) собственность четырьмя названными с одной стороны и 26 % большей частью находящимися «наверху», навязывающими стране рынок и частную собственность.

Если низы явно хотят одного, а верхи настойчиво навязывают другое, система стабильной быть не может. И либо модель должна быть изменена, либо общество скатывается к системному катаклизму. Впрочем, в данном случае это отдельный вопрос, хотя так или иначе приходится признать, что за треть века навязывания стране рыночных отношений они не смогли убедить страну в своих значимых преимуществах.

Всё же важнее другое: в политико-ценностных предпочтениях нет большинства и устойчивого доминирования. Властная модель нынешней политической системы опирается менее чем на четверть граждан и удерживается за счет неких форм союза с другими группами.

Причем при четырех политико-ценностных группах невозможно сформировать большинство без участия «советчан»: без них суммирование 23 % нынешней модели, 13 % западников и 8 % традиционалистов монархистского толка дает 44 %, лишь немногим больше, чем имеет советская группа с ее 37 %. Тогда как при союзе с ней сторонники нынешней модели уже имеют 60 %, при оппонировании 8 плюс 13 % двух других групп. Это вопрос общественной и электоральной поддержки. При этом в публично-информационной сфере, равно как и в сфере активности и личностной энергетики, картина явно иная.

В значительной степени общественная дискуссия разворачивается между двумя достаточно агрессивными группами социально-идеологического меньшинства, представляющими пятую часть общества: 8 % монархо-традиционалистов и 13 % вестерно-либералов.

Дело даже не только в том, что их системные части в значимой мере представлены в реальной власти. По факту они активнее и агрессивнее. И энергичнее, а поэтому навязывают подчас свою повестку дня, одни — требуя строить больше рынка, другие — требуя строить больше церквей. В образах будущего расходясь в видении того, кто из них будет распределять финансовые потоки и в какой обстановке они будут отмечать свои памятные даты — на церковных службах либо западных курортах.

Напротив, две группы большинства, условно «современников» и «советчан», социально предельно мало активны, в значительной степени параолихальны и не субъектны. Они представляют большинство, но не предлагают целей и образов будущего.

На сегодня по тем или иным причинам и «массовые современники» (в отличие от их элитных частей) так же мало имеют доступ к контролю за элитой и формулированию решений власти, как и сторонники советской системы. Отсюда постепенно нарастающее противоречие между массовыми ожиданиями групп, составляющих большинство, обеспечивающее поддержку власти, и реальной политикой власти.

Если их ожидания не будут учитываться властью, а ее политика ведет ко всё большему жизненному дискомфорту большинства населения, публичная дискуссия в России будет сводиться в противостоянию оторванных от социума меньшинств, в значительной степени к своего рода «битве вампиров с оборотнями», к спору, что лучше строить: новые «Ельцин-центры» или церковные новоделы (или захватывать старые). И чем нужно руководствоваться в жизни: резолюциями Конгресса США и Европарламента — или библейскими текстами. Что в равной степени будет раздражать и уже раздражает всё большие массивы общества.

Ни «западники», ни «монархо-традиционалисты» не представляют интересы общества, хотя и монополизуют право говорить от его имени. Ни одни, ни другие не имеют ни видения будущего, ни мечты о будущем и не могут его дать, почему могут привести страну либо к умиранию, либо

к внешнему управлению. Но они активны и властью поощряемы, а большинство и пассивно, и властью от себя дистанцируемо.

Вопрос в энергетизации и субъективации основных ценностно-политических групп, как в вызревании ментальности «массового демократического путинизма», так и в возвращении проектности и омоложении «советчан», когда-то мечтавших о большом будущем, а сегодня утешающемся воспоминаниями о великом прошлом.

4.1.2. Проблемы языка: между деформациями Постмодерна, национал-архаизацией и сохранением наследия классических смыслов

Выбирая язык, общество выбирает имена. Выбирая имена, выбирает оценки. Выбирая оценки, выбирает свое будущее.

Если мы предложим обществу выбрать между, скажем, капитализмом и социализмом, большинство выберет социализм. Если между тоталитаризмом и демократией — большинство, скорее, демократию.

Если на референдум вынесем вопрос о сохранении союзного государства — получим положительный ответ. Если вопрос, скажем, о желании жить в «независимой и процветающей Украине (Литве, Грузии, Молдавии и т. п.)» — тоже положительный.

Если предложить выбор между именем «православный» и «неправославный», большинство граждан России назовут себя православными. Если задать вопрос, верят ли они в бессмертие души и загробную жизнь, большинство ответят, что не верят.

Выбирая язык, мы выбираем, что мы чем называем. Отсюда — что мы чем считаем, соответственно, по каким законам к этому относимся.

Кто выберет рынок, если назвать его «стихийно-хаотичным развитием экономики»?

Кто откажется от плана, если определить его как «социально ориентированное регулирование экономики»?

Вопрос в том, первое, выбранный язык описывает сущностные моменты явления (в определении которых всё дело, вся полемичность) или его вторичные, несущественные проявления. Второе, в том, соответствует ли тому языковому и культурному типу, который характерен для той массы, интересы которой данным языком хотят агрегировать и которую хотят политически мобилизовать. Третье, в том, согласуется ли используемый язык со стилем и реалиями исторической эпохи. Представьте себе, что большевистские призывы отдать землю крестьянам были бы сформулированы в стиле писем и указов Емельяна Пугачева. Они заинтересовали бы лишь любителей старины. Хотя по сути своей они предельно сходились.

Последний более или менее цельный в рамках своей избранной доктрины политический язык, имевший хождение в стране, — это язык позднесоветской реальности. Он действительно, так или иначе, с определенной позиции отражал экономические и социальные реалии, имевшие место в обществе. Но историческая степень развития тех процессов, от которых он отталкивался (процессы классовой борьбы и индустриального общества), дошла до такого уровня, когда в этом языке реальность отражалась лишь в тяжеловесных, трудно воспринимаемых формах. В результате он настолько оказался далек от повседневного и языка, и опыта, что утрачивал главное достоинство своего предшественника, языка большевиков и раннесоветской реальности, — понятность, доступность и эмоциональность.

В результате, когда появился Горбачев, заговоривший на совсем ином, казалось бы, легком и льющемся, свободном языке, он до какого-то момента почти завораживал общество, изначально приведенное в восторг: «Смотри-ка, **оно** еще и говорить умеет!» «Говорящий генсек» казался таким же чудом, как летающая тарелка, женщина с хвостом или говорящий попугай.

Родство «языка Суслова» и «языка Горбачева» было в том, что оба они были многосоставным набором слов. При этом в первом смыслы реально были, но трудно воспринимались,

поскольку обозначавшие их термины были обобщениями обобщений, во втором смыслов не было, поэтому улавливать было нечего. Но поскольку на первый план выходило то, что а) язык «свободно льется», б) смысл с первого прослушивания оказывался непонятен (и со второго тоже), то у слушателей, т. е. у общества, создавалось впечатление наличия некоего важного смысла. Пока сохранялось впечатление новизны, обществу было интересно. Когда это впечатление прошло, общество попыталось понять, что имеет в виду «говорящий генсек», но оказалось, что не больше, чем говорящий попугай.

Однако Горбачев добился одного результата: требование к содержательности языка резко понизилось. И последовавший за этим новый «субъязык», язык прорабов поздней перестройки, оказался неким смешением в определенной пропорции слов, не значивших ничего, и слов, означавших что-нибудь противоположное понятиям, привычным с советской эпохи. Это в той степени, в какой ставилась задача простой игры в слова, поражающей воображение слушателей. Там же, где ставились более прагматические цели, цели демонтажа существующей реальности, в язык вплеталось нечто, обладающее способностью разрушать сущность старых смыслов. То есть единственный реальный смысл, который включался в этот язык, был смыслом передела собственности, причем даже не столько смыслом создания новой экономической системы, сколько смыслом именно передела как такового, с достаточно четким осознанием того, кто выиграет, а кто проиграет от передела.

Единственная попытка предложения более-менее целостного языка — это попытка Гайдара говорить на академическом экономическом языке, который обладал почти всеми прелестями «сусловского языка», и потому не мог быть и не был никому понятен.

В целом то, что утвердилось с тех пор в языковом политическом пространстве, в общем виде было не языком перестройки, не языком демократии и не языком реформ, это в наиболее полном виде было языком Жириновского, который

наиболее талантливо выразил общую тенденцию: «Поскольку вы все (т. е. общество) сдурели настолько, что судите не по практическим действиям, а по тому, кто какую ахинею свободнее наболтает, то я навру больше всех и могу на восьми языках».

«Язык реформ» так же отвечал сущностным сторонам действительности, как сам термин «реформа» — характеру проводившихся в стране пертурбаций. Строго говоря, реформа — это именно «ре-форма», то есть модификация формы без изменения содержания. Пожалуй, никто, как бы он к проходившим метаморфозам ни относился, не решится сказать, что реформы 90-х были изменением формы прежнего общества без изменения содержания. В этом смысле они скорее относились не к категории реформ, а к категории революций, т. е. коренных и радикальных изменений действительности.

Но поскольку они, с одной стороны, были направлены противоположно вектору, в котором собственно совершались революционные изменения в России столетие назад, а с другой, вели не к прорыву в будущее (объективно необходимому), а к отказу в прошлое, эти изменения всё же по сути были не революцией, а контрреволюцией.

Язык же, который использовался при этом, был не языком выражения и определения происходящих процессов, а языком некой «психотерапевтии», «заговаривания». Как только исчезла необходимость политической мобилизации масс на разрушение старой социально-политической системы, эти массы стали не нужны, и встала задача не их мобилизации, а их успокоения, демобилизации.

Власть оказалась у тех, кто и хотел ее получить, преимущественно в интересах передела собственности и богатств страны. Этот передел привел к обнищанию большинства населения. Но как только это большинство начинало проявлять признаки недовольства, включалась политическая терапия: более или менее «тихий вкрадчивый голос», транслируемый почти по всем коммуникационным каналам, начинал завораживающе изливаться потоком слов, среди которых главное было чаще повторять набор разрекламированных:

«Демократия... реформы... процветание... свобода... ответственность... богатство... комфорт... возможности... свобода... реформы... процветание... комфорт... демократия...»

У необходимой части общества в глазах терялись проблемски начавшей появляться осмысленности, и ее представители, утратив активность, с потухшим взором заторможено начинали кивать головой, повторяя все эти заклинания.

Поскольку по разным причинам эта психотерапия влияла не на всех, в обществе сохранялась оппозиция, в значительной степени пытавшаяся сохранить что-то из того, что было потеряно. Часть ее пыталась сохранить прежний «условский язык», часть пыталась реанимировать старый большевистский, часть пыталась пойти еще дальше и заговорить не то языком Пугачева, не то Минина и Пожарского.

В результате доминирующей линией языка оппозиции в 1990-е годы стало своеобразное воспроизведение ведущего принципа доминирующей психотерапии, только на место упомянутого языкового ряда гнезда «демократия — реформы» ставился более архаичный и не менее бессмысленный ряд гнезда «патриотизм — государство»: оппозиция в ответ на властный речитатив отвечала своим: «Державность... государство... традиции... соборность... общинность... катастрофа... нищета...»

С одной стороны, у нее ничего не получилось: относительно живых слов, поскольку вектор был развернут в архаику, было меньше, они были куда дальше от бытовых реалий, чем властный набор, в то же время, и это очень важно, такой психотерапевтический речитатив может выполнять функцию демобилизации, сброса напряжения, но не политической мобилизации.

Власти нужна была общественная демобилизация — и она своей цели достигала, оппозиции нужна была мобилизация, но, пытаясь ее достичь, она использовала инструментарий демобилизации, поэтому она проигрывала все политические противостояния 1990-х, на деле лишь усиливая воздействие властной психотерапии.

Однако власть за 1990-е годы натворила столько, что психотерапия ее словесного ряда всё больше теряла свое воздействие. Собственно, к концу 1990-х она вообще утратила всякую эффективность, что уравновешивалось лишь еще более демобилизационной психотерапией оппозиции.

Ротация власти в 1999–2000 годах поставила естественный вопрос о том, что словесный ряд надо менять, в полной мере используя опыт оппозиции с учетом образных ожиданий общества. Появился новый психотерапевтический субъязык, в котором были смешаны гнезда «демократия — реформа» (субъязык «реформ»), «патриотизм — государственность» (субъязык оппозиционного отрицания разрушения 1990-х), плюс еще одно гнездо — «эффективность — прагматизм», выдернутый из позднесоветского языкового ряда компонент.

В результате власть получила возможность продолжать свою политику передела собственности, закрепляя саму власть за самой собой, неразрывно связывая ее еще раз перераспределяемой собственностью. Одновременно она за счет выросших цен на энергоносители смягчала напряжение в обществе и продолжала его умиротворять новым психотерапевтическим рядом: «Патриотизм... демократия... суверенность... государственность... реформы... прагматизм... свобода... эффективность... демократия... прагматизм... национальные интересы...»

Ряд действительно оказался с точки зрения психотерапевтического воздействия куда более эффективным, чем прежний.

Однако первый его недостаток, что он не описывает ни происходящие в обществе процессы, ни сущность проводимой политики.

Второй его недостаток, что он может демобилизовать (и более эффективно чем раньше), но не может мобилизовать, не может организовать и направить общественное действие. В условиях, когда главной задачей является переход к новому типу производства и к новой цивилизационной эпохе, неэффективно обеспечивать адекватное движение вперед на пути демобилизации и снижения общественной активности.

Третий недостаток — отсутствие формулирования целей развития, социальных, экономических и политических абрисов того, что является целью развития.

Действительное движение требует его организации, определения контуров будущего, формулировки целей и этапов движения. Но для всего этого действительно нужен не психотерапевтический речитатив, а полноценный политический язык, мобилизующий общество на движение, на достижение целей, на поиск путей этого движения.

И среди качеств и параметров этого языка можно выделить:

- обращение к реальным интересам общества, не трактовке этих интересов властью, а самим более или менее осознаваемым интересам, причем если эти интересы не осознанны, то задача языка — помочь обществу их осмыслить в их сущности, а не затушевать;

- обращение к реальному содержанию исторической эпохи, возврат к включению в свой арсенал (и в перечень общественных ценностей) идеи исторического развития и прогресса;

- обращение к энергетике действия, к ориентации общества на прорыв, на движение в будущее;

- способность описать и объяснить как то, что сегодня происходит в обществе, так и то, что делает или предлагает сделать активная часть общества;

- способность поставить в центр ценностей и проблем реального человека и его восходящее развитие, а не предсказанного еще Стругацкими «гения-потребителя».

В конечном смысле проблема образования этого языка — это проблема общества и его развития. Но в более узком плане создание этого языка или его вариантов — это проблема тех политических сил, которые хотят на что-то претендовать в этом обществе.

И здесь разница между теми, кто властью является, и теми, кто на нее претендует, как раз в том, что если первым достаточно (правда, до известного момента) психотерапевтического речитатива, лишаящего общество воли на протест

в ответ на те или иные глупости, которые делает власть, то для тех, кто на замещение этой власти претендует, никакого варианта подобного речитатива не достаточно, если этот названный претендент на власть не хочет повторить судьбу оппозиции 1990-х, имевшей все шансы на победу, но усыпавшей саму себя патриотическим речитативом ее предсказания.

Этой силе нужен язык, понимание сущностей происходящего и умение формулировать параметры и цели будущего.

4.2. Российская политическая культура: традиция проектирования

4.2.1. Будущее как ключевая доминанта отечественной национальной памяти

Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я повернул обратно... И с тех пор всё тянутся передо мной кривые, глухие окольные тропы⁵⁰.

Вспомнить о будущем. Россия сегодня живет без цели. И если даже не вспоминать морально-риторическое «нельзя жить без надежды», жизнь без цели никогда и никого не приводила к успехам. Утвердившаяся четверть века назад или несколько более мысль о том, что «не нужно ничего строить, нужно просто жить», привела к тому, к чему она и могла единственно привести, — к потере ориентиров развития, причем в итоге страна, с одной стороны, не достигла каких-либо стратегических успехов, но, с другой, и текущая жизнь для большинства стала скорее хуже, чем она была три десятилетия назад.

Дело даже не в «неромантичности» бесцельного и беспроектного существования. Дело в том, что, не зная своих целей, ни человек, ни социум не могут соотнести свои планы и действия — они сегодня не закладывают основы будущего,

⁵⁰ Стругацкие А. и Б. За миллиард лет до конца света // Собр. соч. в 11 т. Т. 7. М., 2007. С. 352.

но, более того, вместо них создают препятствия, не позволяющие никуда двигаться завтра. Жизнь без целей, поставленных тобой, оборачивается подчинением целям другого.

В октябре 2011 года Россия, не оглянувшись, прошла юбилей события, о котором в любом случае стоило говорить: исполнялось 50 лет принятия Программы строительства коммунизма. Скоро ей исполнится 60 лет.

Не оглянувшись на нее, общество не задумалось и о том, что эти полвека состоят из двух практически равных частей. Первые 25 лет, когда так или иначе считалось, что страна по обозначенному в 1917 и 1961 году пути идет, — и вторые 25 лет, когда она явно по этому пути идти и не пыталась. И самое интересное, что, если за первые четверть века она так или иначе действительно шла вперед, вторые четверть века она либо разрушала созданное ранее, либо ходила кругами.

Нельзя идти вперед, не зная, что ты хочешь получить в будущем. Российское общество сегодня этого не знает. И оказывается, что никакой цели, лучшей или худшей с точки зрения той или иной идеологической пристрастности, чем та, от которой отказались четверть века назад, не было ни сформулировано, ни провозглашено, ни поставлено. За исключением смутной и сомнительной — стать колониальной периферией иного мира. И не говоря о том, что этот «иной мир» сам сегодня не знает хотя бы приблизительно, что ему делать со своими проблемами, сама цель быть колонией вряд ли достойна служения и вдохновения.

Но если так и нет иной сопоставимой цели, нужно как минимум предположить, не стоит ли всё же пойти к отброшенной. И как минимум задуматься, зачем мы от нее отказались.

Может быть, потому, что сочли ее недостойной. Может быть, потому, что сочли недостижимой. В обоих случаях, может быть, мы были правы, но может быть, были и неправы. Не говоря о том, что, может быть, цель была правильной и достижимой, но именно те, кто от нее отказался, попросту не сумели найти пути и средства ее достижения.

То есть вопрос, который сегодня выглядит, возможно, абсолютно несерьезно: а не построить ли нам коммунизм. Раз

всё равно мы не знаем, что строить вместо него, а идея не строить ничего пока оставляет лишь в чистом поле среди развалин.

Конечно, если исходить исключительно из того, что «коммунизм — это бесклассовое общество, где будет устранена эксплуатация человека человеком и осуществлен принцип распределения по потребности», это будет теоретически правильно, но на сегодня даже не вполне понятно. И потому, что не вполне окажется понятен сам язык. И потому, что, хотя сегодня большая часть граждан страны работает по найму, почти никто из них не вполне понимает слово «эксплуатация». И потому, что в обществе на сегодня не сложились адекватные социально-классовые самоидентификации. И потому, что распределение «по потребности» будет воспринято не то как право не работать, не то как бессодержательная утопия.

Тем не менее, если для простоты спор о тех или иных определениях вывести в инструментальных целях за скобки и вести речь о смысле и сути, в частности, закладывавшихся самим Марксом, что имелось в виду.

По мысли Маркса, всю предыдущую историю человек был порабощен необходимостью подчинять свою жизнь поиску средств пропитания и обеспечения первичных жизненных потребностей. Между тем, по его же мысли, по своим родовым признакам человек — существо, способное к творчеству, и самим своим развитием имеющее творчество, созидательный труд внутренним стержнем своей сущности. Чтобы дать ему возможность эту способность реализовать, нужно освободить его не только политически, но и экономически, освободить от экономического порабощения — необходимости постоянно думать исключительно о собственном материальном обеспечении. Возникновение крупной машинной индустрии, современных уже Марксу производительных сил объективно такую возможность создает. Вопрос в адекватной организации общества, распределения и дальнейшего развития производства. То есть главная цель движения к обществу познания и главное содержание общества познания, коммунизма — создание условий для свободного развития человека, при которых каждый человек был бы не обречен на

повседневное добывание средств существования, а имел возможность развития своего творческого потенциала, труд же из проклятия экономического рабства становился способом самореализации личности. Идея уничтожения частной собственности (не нужно забывать: на средства производства, а не на вещи текущего потребления) при всей важности имела не целевое, а инструментальное значение. И заключалась не в том, чтобы лишить всех собственности и сделать равными в небогатом достатке, а в том, чтобы устранить такое положение, когда есть люди, лишённые собственности на средства производства, попадающие в зависимость от других людей, её монополизировавших, и вынужденные работать не столько на себя и на общество, сколько на них. И в том, чтобы всех собственностью на средства производства наделить, то есть каждому открыть доступ к свободному труду, отвечающему его склонностям.

То есть главное здесь вообще не то, как делить, а то, как производить, как сделать труд свободным. Существовавшая крупная машинная индустрия создает возможности для такого положения дел, но еще его не обеспечивает. И Маркс сформулировал параметры, для такого положения необходимые, еще в ту эпоху не существовавшие, но возможные для достижения: 1) наука превращается в непосредственную производительную силу; 2) в результате «общественные блага льются как из рога изобилия»; 3) человек выводится из непосредственного процесса производства и становится над ним как организатор и контролер.

То есть как условие собственно общества познания формулировалась идея того, что спустя столетие и более назовут «информационным обществом». Дэниэл Белл в своем «Грядущем постиндустриальном обществе» просто прямо писал, что его концепция полностью основывается на идеях Маркса.

«... Может создаться и такое положение, когда политический документ как текст в целом или в его частях, политический лозунг становятся поэтическим произведением. Таким поэтическим произведением стал лозунг третьей Программы партии о том, что нынешнее поколение советских

людей будет жить при коммунизме. Программа партии 1961 года в целом может характеризоваться подобным образом по следующим причинам: она имела самое тесное отношение к фантазии, являющейся полем искусства, не была адекватна подлинной действительности, как и любое произведение художественного творчества, отличалась многозначностью, допускала самую разнообразную смысловую трактовку в соответствии с разнонаправленными интересами людей, вызывала определенную эмоциональную реакцию и давала творческий импульс, направленный на преобразование мира»⁵¹.

Отметившая свой полувековой юбилей Третья программа КПСС, «Программа строительства коммунизма», определяла это общество так: 1) бесклассовый строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества; 2) обеспечение всестороннего развития каждого человека; 3) производительные силы, основанные на приоритетном и опережающем развитии науки и техники; 4) высокоорганизованное общество свободных тружеников, в котором утвердятся полное общественное самоуправление; 5) труд станет для всех первой жизненной потребностью; 6) полностью будут реализованы способности каждого.

При этом, хотя в основе «Программы строительства» лежало создание материально-технической базы коммунизма, это была лишь одна из трех составных создания такого общества. Кроме нее в качестве второй ставилась задача преобразования системы государственного управления в общественное **самоуправление**, обеспечивающее активное участие всех членов общества в управлении общественными делами. Общественные функции, аналогичные привычным сегодня государственным функциям управления хозяйством и культурой, должны были утратить политический характер и перейти к органам общественного самоуправления. Коммунистическое общество мыслилось как высокоорганизованное содружество людей труда.

⁵¹ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 161.

Третья составная — формирование нового человека, высокообразованного, овладевшего богатством всей предшествующей культуры, относящегося к окружающим по нормам братства, выше всего ценящего возможность творчества и увлеченного любимым трудом.

Свободный труд свободно собравшихся людей. Пресловутая дата 1980 года, всерьез или с сарказмом называемая датой предполагаемого и не исполненного завершения строительства коммунизма, была датой лишь создания его материально-технической базы. Имелось в виду, что к этому сроку общество лишь «вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям», произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Полностью построение коммунистического общества предполагалось завершить в последующий период, который должен был стать предметом на тот момент еще только будущего планирования.

Причем имелось в виду, что развитие общества и производства будет обеспечиваться «не путем принуждения, а на основе понимания общественного долга, определяются всем укладом коммунистического общества. Труд и дисциплина не будут в тягость человеку; трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости».

Что не удалось, почему не удалось и кто в этом виноват, и кто просто был заинтересован в том, чтобы это не удалось, — вопросы естественные и огромной исторической и политической важности, но это вопросы самостоятельные и отдельные. В данном случае речь идет о другом.

«Деятельность политика и политического мыслителя и деятельность художника сталкиваются не только в духовном пространстве времени как явления культуры, но иногда и в жизни конкретного художника, как в случае с Данте, английскими утопистами XVII века, Дж. Оруэлла, австрийского писателя, драматурга и политического антрополога, лауреата Нобелевской премии (1981) Элиаса Канетти и др.»⁵².

⁵² Манжора О. Б. Указ. соч. С. 217.

Превращение человека из потребителя в творца, свободного времени из не всем доступной роскоши — в главное общественное богатство, самого общества из общества, где главное — потреблять, в общество, где главное — познавать и созидать.

Эти цели — не вознаграждение за праведную жизнь и послушное поведение. Эти цели — не то, чем коммунизм обещает вознаградить за идеологическую верность. Эти цели — его суть.

Вопрос в том, хотим мы иметь общество с вышеописанными параметрами или не хотим. Если не хотим, с какими параметрами мы хотим получить общество? Живущее по законам шариата? Реабилитировавшее «Майн кампф»? Принявшее за основной закон Домострой? Колонию США, живущую под управлением комиссаров ОБСЕ, почти два десятка лет назад описанную в антиутопии Рыбакова⁵³ и в трагическом 2011-м — в инсоровско-юргенсовских докладах⁵⁴?

Страну, производящую научные знания и на их основе обеспечивающую функционирование своего производства, — или страну, поставляющую сырье и зависимую от чужих технологий?

Страну, основанную на всеобщем участии и общественном самоуправлении, — или страну, опекаемую «железной пятой», более ста лет назад описанной Джеком Лондоном, и хорошо еще, если своей отечественной?

Страну, где человек ни от чего не получает большего наслаждения, чем от своего любимого труда, — или страну, где он ни отчего не получает большего наслаждения, чем от счета в зарубежном банке и поездки в Куршавель?..

⁵³ Рыбаков В. На будущий год в Москве. М. : Аст, 2003.

⁵⁴ Серия докладов аналитического центра ИНСОП, под руководством И. Юргенса, рекламировавших в качестве идеально-привлекательного общества Россию 2050 г., ставшую частью ЕС, отказавшуюся от национального суверенитета и руководствующуюся нормами и законодательством евроинститутов и Брюсселя. В докладах активно утверждалась мысль о недопустимости возвращения В. Путина на пост Президента РФ.

Волей или неволей всё выводит на ценностные и морально-риторические вопросы. Но развитие вообще не существует без ценностей.

В первую очередь это развитие отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс, приоритетное развитие фундаментальной науки и технолого-производящих направлений с параллельной организацией реконструкции существующих производств на тех технологиях, которыми располагают отрасли, остающиеся лидером в технологической сфере, и тех технологиях, которые удастся получить извне.

Причем, в любом случае центральный здесь вопрос — это именно создание производства, в котором всё, что не требует самостоятельного решения, отходит технике. Всё, что требует таких решений, отходит человеку.

С одной стороны, здесь стоит задача освобождения человека от неинтересного труда, с другой — его использование там, где наибольшую отдачу могут дать именно его творческие способности и его потенциал нестандартных решений.

При этом стоит вопрос и о собственно технологической реконструкции, то есть старая тема создания новых материалов, нового типа энергопотребления, нового использования продуктов топливно-энергетического комплекса.

Опять-таки, если вспоминать, задача преимущественного использования нефти и газа как сырья для химических производств, а не как топлива, тогда, полвека назад, хотя бы ставилась. Сегодня, через полвека, о ней вообще никто не говорит. Хотя так же известно, что себестоимость производства электроэнергии на атомных станциях в три-четыре раза ниже производства ее на ТЭС. И экологически безопаснее. Точно так же известно, что, если просто ввести в строй все остановленные после Чернобыля реакторы и достроить все замороженные, можно обеспечить энергетическое потребление страны только на этой основе, всё предназначенное для сжигания сырья либо, что лучше, направив на производство новых материалов, либо на внешний рынок. Причем, такой вариант приведет к снижению до трех раз внутренней цены на электроэнергию и для граждан, и для потребления

промышленности с последующим снижением цены и на ее продукцию.

Кстати, еще тогда, более полувека назад, говорили о задаче замены механической обработки материалов химическими методами, технологическим использованием электроэнергии, электрохимией и ультразвуком.

Ясно также, что и техническая, и технологическая реконструкция — это и вопрос повышения производительности труда. Что Россия по ней сегодня отстает от тех же США — общее место. Но то, что государство не занимается развитием и реконструкцией производства и созданием высокотехнологических производств, — тоже общее место.

И понятно, что, если идет задача создания нового производства, для него нужна не двухуровневая система образования, производящая магистров для научных исследований и бакалавров для выполнения инструктивных задач, а производящая инженеров-специалистов, способных создавать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи. Бакалавры если и нужны, то именно для рабочих специальностей, то есть для подготовки и оформления статуса высококвалифицированных рабочих, людей, занятых физическим трудом с преобладанием интеллектуальных функций, требующих самостоятельного принятия решений.

Понятны все проблемы, которые страна имеет с сельским хозяйством. И понятно его отставание в советский период. Только все предпочитают забывать, что, отставая по уровню технической вооруженности от США примерно в шестнадцать раз, советское сельское хозяйство отставало от американского же примерно в 4–6 раз, то есть уровень эффективности использования имевшегося оборудования в техники в СССР был в несколько раз больше, чем у ведущего конкурента.

Точно так же странно старательно забывается, что наиболее эффективным видом сельскохозяйственного предприятия в тех же США является не отдельное фермерское хозяйство, как уверяли страну четверть века назад, а хозяйство с площадью примерно в 1000 гектаров, несколькими десятками работников

и полной компьютеризацией, позволяющей в зависимости от влажности, ветра и температуры определять тонкости производимых в тот или иной день работ.

Точно так же понятно, что нормализация деятельности производства и самого его создания и развития требует иной транспортной системы, чем та, которая есть сегодня в России. И дело не только в низком качестве шоссейных дорог. Задача полного освоения водных путей ставилась еще тогда, в 1961 году, но сегодня символом речного пароходства стал теплоход «Булгария»⁵⁵. Из одного региона в другой самолеты летают подчас только через Москву, европейская часть страны связана с Дальним Востоком одной нитью железной дороги. Почти не используются Северный морской путь, хотя транспортировка из тихоокеанского региона в Европу через него в несколько раз выгоднее транспортировки через Суэц и только сама по себе могла принести огромные суммы в бюджет страны. Не разработана и почти полностью забыта идея создания Среднесибирского железнодорожного пути по линии Свердловск — Тюмень — Якутск с дальнейшим раздвоением на Чукотку и на Владивосток, хотя это означало бы и освоение сегодня полуобжитых регионов, и заселение их, и создание приемлемой для комфортной жизни среды в новой зоне страны. Хотя опять-таки задача освоения и заселения Западно-Сибирских областей тоже была поставлена в рамках «Программы строительства коммунизма».

То ли мы определяем, что всё это делать вообще не нужно, и программа была плоха тем, что эти задачи ставила. И тогда нужно поставить другие. То ли мы признаём, что они были правильны, но программа неверно определила пути их достижения. Но в последнем случае отказ от нее выглядел бы обоснованным, если бы страна получила предложения о других путях и за последние четверть века ощутимо продвинулась к данным целям другими способами. Но именно последнего нет.

⁵⁵ Крушение теплохода «Булгария» — кораблекрушение, произошедшее 10 июля 2011 года в Куйбышевском водохранилище в районе села Сюкеево Камско-Устьинского района Республики Татарстан. Основной причиной крушения стало нарушение правил эксплуатации и изношенность корабля. На борту находился 201 человек, спасти удалось только треть.

Строить коммунизм сегодня — это значит создавать преимущественные условия для науки и культуры. Когда-то, как раз после принятия Хрущевым названной программы, президент Кеннеди сказал, что Америка никогда не догонит СССР, «если не создаст своим интеллектуалам таких же привилегированных условий, какие Советы создали своим». Штаты такие условия создали, Россия 1990-х — уничтожила.

Сегодня Россия никогда не восстановит для себя достойного места в мире, если не создаст для своих ученых и инженеров того положения, которое сделает их производителем энергии движения вперед.

России нужно новое производство. Новые технологии. Новые материалы. Новая медицина. Развитие атомных отраслей. Освоение космоса. Биотехнологии. Новая транспортная система. Новое продовольственное производство. Информационные технологии и робототехника. Общественная самоорганизация граждан и специалистов. Новый тип стимулов к труду и новый характер труда. Восстановление культуры. Люди, умеющие читать книги, а не только записи в блогах сумасшедших.

Просто, в конце концов, нужна осмысленность существования.

России сегодня нужна структура экономики, при которой 1–2 % трудоспособного населения будут заняты в производстве аграрной продукции, достаточной, чтобы прокормить всю страну. 10 % будут заняты в традиционном промышленном производстве, работающем с производительностью, которая обеспечит материальные потребности потребления и нового производства. Но только если при этом 90 % населения должны быть заняты в производстве новых знаний и новых технологий, позволяющих первым двум группам обеспечить материальные потребности общества.

Всё описанное России нужно делать и нужно создавать. Потому что иначе она не сохранит ни свою независимость, ни свое существование.

4.2.2. Современная Россия: запрос на формирование культуры проектного прорыва

Некогда эта страна была значительно сильнее...

Некогда эта страна была значительно обширней.
Аркадий и Борис Стругацкие,
Обитаемый остров

Россия: цели и смыслы. У России сегодня много проблем, и перечислять их можно долго. По официальным констатациям профильных представителей власти, сегодня страна по экономическому развитию вышла лишь на 95 % от уровня РСФСР 1990 года.

Тридцать лет назад страну постигла катастрофа. Проблема в том, что страна так и не смогла преодолеть ее последствия.

Одно из последствий этой катастрофы — в стране блокирована социальная энергетика: общество не видит целей развития, не видит, каким оно хотело бы быть или хотя бы, каким его видят те, кто опирается на его доверие.

Нужна новая энергетика. Мотивационная система, которая не только сможет привлечь людей к действию, но сможет предложить такое действие, в котором люди уже получают удовлетворение, которое сможет стать для них стимулом к новому действию.

Собственно, что означает «запустить реактор» — дать обществу смыслы, цели, возможности действия.

Сложно сказать, можно ли это сделать, не опираясь на свое прошлое, тем более что ценности исходно рождаются этим прошлым. Но почти с уверенностью можно сказать, что это нельзя сделать, не видя образы будущего. Сто лет назад «красные» победили «белых» не потому, что были храбрее их: «красные» победили «белых» потому, что несли с собой образы небывалого будущего.

Нельзя создавать будущее, не опираясь на прошлое. То, что в общественном сознании утвердилось представление о единстве и значимости всех периодов истории страны, — успех. И образы прошлого дают основу для образов будущего.

Но образы прошлого разные, потому что на разных этапах были значимы разные ценностные начала — не только как этически-ценностные, но и как начала отношения к миру.

Российская цивилизация дореволюционного периода была великой. Советская цивилизация, продолжив ее, была не менее, а наверное, еще более великой: как писал Дж. Гэлбрейт, посетив СССР, «здесь создан прообраз общества будущего, к которому человечество, увы, еще не готово».

Обе цивилизации были великими. Обе они были в части едины, и можно обоснованно считать их фазами одной цивилизации. Но они были различны, и что в основе своей их различало — формат мироотношения и базовая политическая культура. Цивилизация России до 1917 года была цивилизацией, признающей мир таким, каков есть, и не требующей его сущностного изменения. Это была цивилизация постоянства.

Цивилизация Советской России/СССР была цивилизацией, в которой мир воспринимался как несовершенный и подлежащий сущностному изменению. Это была цивилизация прорыва, начала и алгоритмы которой существовали еще на прежних этапах развития.

Отсюда, если мы хотим опереться на прошлое, то на какое прошлое? Ясно, что движение в будущее невозможно без знания и опоры на всё предыдущее, выработанное историей богатство. И все-таки остается вопрос, что оказывается приоритетом: прошлое величие или то, что позволяло создавать это величие. И еще в большей степени: образы форм прошлого, образы ценностей прошлого или образы тенденций прошлого. Иначе: статика прошлого — или динамика прошлого...

Если мы берем в основу образы форм («образы образов»), то с неизбежностью раскалываемся уже по пристрастиям к этим конкретным «образам образов» разных эпох.

Если берем в основу «ценности прошлого», расходимся в не меньшей степени, как перед революцией даже монархисты разошлись в определении базовой ценности между ценностью «великой России» и «святой Руси».

Если ставим задачу приоритета значимости постоянства, скорее, образ цели окажется связан с дореволюционной Россией.

Если задачу воссоздания алгоритма и энергии прорыва — с советским периодом.

Но сегодня стоит задача именно возрождения энергии прорыва. Более того, есть все основания полагать, что в наступающую эпоху себя сохранить сможет только тот народ и та страна, которая сам прорыв превратит в постоянство, то есть само состояние прорыва и порыва сделает константой своего развития. Разумеется, в том случае, если при этом окажется способно в прорыве сохранить тот исторический и ценностный фундамент, на который она опирается, но сохранить его как значимый фундамент, а не как приоритетное состояние.

Что в этом отношении значит само понятие «советское»? «Советское» в этом смысле — это весь тот мир, который был создан в стране за семьдесят лет великого, в общем, эксперимента.

Вот здесь, наверное, главное в ощущении массами того «советского», которого им не хватает сегодня, — мир реализуемой мечты. Уверенность в том, что потребление менее важно, чем созидание. Что материальное благополучие — лишь вторичная сторона жизни. Что дружба может быть важнее денег. Что может быть общество, где человек человеку друг. Вера в торжество свободы и справедливости. Попытка бросить вызов всей предыдущей истории и всему остальному миру и создать свой особый, нигде не виданный мир.

«Советское» для массового сознания — это все те успехи, которые были, и поскольку люди так или иначе сами были задействованы в их достижении и, кстати, подчас платили за них своим собственным перенапряжением, своим собственным недоеданием и своим собственным недопотреблением, они были тем дороже и тем явственнее.

И вот тут «советское» несло в себе некоторое разделение: оно было и тем, о чем мечталось, — и тем, что удавалось. Но тем самым несло в себе развилку, дельту между этими началами. То, в чем они различались.

Относительно массовое противопоставление себя системе к концу советского периода несло не характер антисоветского протеста и не посыл к досоветскому началу. Оно несло в себе разницу между мечтой и достигнутым. Не их

противостояние, а требование их соединения. Требование дойти до мечтаемого.

И родилось всё это не потому, что так людей настроила современная пропаганда власти, это пропаганда власти стала такой, потому что поняла: в утверждаемых в обществе своих образах нужно не элиминировать «советское», а, напротив, насыщать его им или имитировать это насыщение. Что править обществом при таком его состоянии — другого и не может быть объективно исторически — можно, только опираясь на его «советскую составную» во всех ее проявлениях.

Успех Путина в значительной степени заключался в том, что, неся в себе самом много «советского», он оказался органичен этим настроениям и к тому же понял, что нужно не ломать их, а, с одной стороны, по возможности укреплять, а с другой, на них опираться в своем движении.

В конечном счете машин времени не бывает. Вернуться в досоветский период Россия не может. Никакая реставрация никогда не бывает полной, и чем более полной она пытается быть, тем быстрее ее сметает новая революция. Сделать из «опирающегося на советское» «несоветское» невозможно, опираться не на что. И потому постсоветское общество может двигаться и развиваться, только вбирая в себя и используя в качестве опоры «советское». Более того, как ни парадоксально, но во всех своих целях и устремлениях оно подспудно, подчас не сознавая этого, основной их иметь будет в той или иной форме «советскую мечту». Иначе не получается.

Вопрос в том, чтобы не только не падать и не просто постепенно карабкаться вверх, но осуществить прорыв. Технологический, производственный, социальный, ментальный.

Не имея современных технологий и современного производства, можно сколько угодно рассуждать и о правах человека, и о величии страны, всё это будет либо коллаборационистским оправданием прислуживания внешним центрам влияния, либо мечтаниями в послеобеденный час.

Духовность — это замечательно. Но всякая духовность только тогда чего-либо стоит, когда на ее страже стоит современная армия. Стратегический бомбардировщик не

удастся сбить троеперстным крестом, ракетный удар не остановит взметнувшийся ему навстречу портрет Сталина.

Но для производственно-технологического прорыва нужна другая организация экономики, ориентированная не на быстрейшую и наибольшую окупаемость, а на программы развития, создание наукоемкой продукции. То есть на производство не того, что можно быстро и выгодно продать, а того, что обеспечит создание нового производства.

Есть две цивилизационные задачи: переход к постиндустриальному производству и создание системы, скажем так, социальной демократии при доминирующей власти тех, кто является носителем обеспечивающего это производство труда. Чтобы всё это создать, нужно поменять экономику, реорганизовать производство и создать новую систему власти, то есть изменить производственные отношения, производительные силы и политическую организацию общества. Строго говоря, именно это и называется революцией.

Стране и большинству общества это нужно. Определенным социальным группам не нужно: и тем, кто экономически выигрывает от нынешнего состояния, и тем, кто получил возможность политически, интеллектуально и информационно их обслуживать. Они, естественно, заинтересованы в противоположном — даже не в сохранении статус-кво, а в возвращении в «допутинский» период. И они, естественно, сопротивляются и будут сопротивляться всему тому, о чем шла речь выше: и невозврату назад, и движению вперед. И нельзя двигаться вперед, не сломав их сопротивление и не разрушив их рубежи обороны. Речь идет о необходимости строительства, созидания. Когда говорится о необходимости прорыва, говорится о необходимости созидания и строительства. И формирование способности общества к таким деятельностным алгоритмам, когда оно сам процесс созидания воспринимало бы как естественное состояние, само по себе представляющее ценность человеческого самоутверждения.

Свержение, разрушение, подавление, слом и прочее тому подобное не есть продукт революции как таковой, это результат сопротивления тех, кто не хочет строить и создавать, кому

это невыгодно. В принципе, можно (более того, желательно) и вполне реально обходиться без этого.

Советский период значим не тем, что восстановил старую империю, а тем, что создал еще более мощную новую империю: взяв и сохранив фундамент и достижения прежней, он качественно изменил внутренние основания, сделав ими не постоянство, а прорыв. Кризис последней наступил именно тогда, когда она попыталась формы, созданные для прорыва, заполнить основаниями постоянства: это всё равно, что сначала пересест из телеги на велосипед, а потом перестать крутить педали, решив отдохнуть, как в телеге.

Бжезинский однажды писал, что главным противником его цивилизации, мешающий последней сокрушить СССР, является «русский советский национализм», воспринимающий «советское» и достижения «советского» как наиболее значимое достижение русской российской истории. И считал необходимым нанести главный удар по этому началу, противопоставив историческое русское содержание — советскому, а его интернациональное содержание — русскому.

Попытка создавать будущее без уважения прошлого и опоры на него всегда окажется лишь разрушением, тем более если при этом не имеешь видения будущего. Попытка законсервировать прошлое и жить в самогипнозе прошлого величия ведет к отторжению от жизни и политическому и историческому поражению, как это было с теми же белыми сто лет назад.

Чтобы решать задачу воспитания патриотизма, нужно все-таки знать, что воспитывается: уважение к прошлому, готовность к действию, ориентация на будущее. По идее, важно сочетание всех этих моментов. Но каждый из них сам требует решения комплекса задач.

На этом понимании, в частности, формируется и воспитание второго компонента патриотизма — готовности к действию. Сама по себе гордость за прошлое необходима — и недостаточна, потому что она сама по себе превращается в созерцательность и самоудовлетворенность, тогда как, напротив, скорее должна приводить к определенной неудовлетворенности, обеспечивая созидательное действие.

То есть в этом отношении воспитание патриотизма, как уже говорилось, должно давать не только морально-психологическую готовность к действию, но и навык действия, то есть умение воздействовать на окружающий мир и социально-активистский темперамент.

При этом этот темперамент не должен оказываться установкой на действие как самоцель, потому что действие, ставшее самоцелью и не ориентированное на сформированное представление о результате, не отвечает за свои последствия и оборачивается растратой энергии и ресурсов человека и общества на то, что оказывается как минимум ненужным, и теряет различие между созиданием и разрушением, обретая характер социального вандализма.

То есть в этом отношении патриотизм является готовностью к действию при готовности к ответственности, причем ответственности за действие и за бездействие — ответственности за результат.

Действие должно иметь цели, и в этом отношении патриотизм есть обладание целями; если нет представления о лучшем и имеющемся несовершенстве, он оказывается готовностью к действию по защите того, что есть, но неготовностью к развитию.

Патриотизм как целеполагание предполагает цели создания более совершенной страны, но при сохранении сущности того, чем она является, сохранении ее самоидентификации.

И здесь как раз возникает необходимость воспитания третьего компонента патриотизма — стремления к будущему, ориентация на его создание, но для этого необходимо наличие образа и целей этого будущего.

Только для того, чтобы это качество воспитывать, те, кто будут его воспитывать, должны сами его иметь. Или воспитание стремления к будущему без образа этого будущего, без предложения путей его создания и самих возможностей участия в его создании окажется воспитанием людей, которые уже сами создадут свой образ будущего, в котором, кстати, может не остаться места тем, кто их будет воспитывать.

Стране, людям и обществу — обидно. И они всё чаще ностальгически вспоминают о том, когда они чувствовали

себя мировым лидером и маяком исторического прогресса. И тоскуют по той мощи и уважению, которые оказались сменены на многообразии товаров повседневного потребления.

Им хочется вернуть мощь и величие СССР, но не хочется расставаться с товарным изобилием на полках. И возникает вопрос: что России взять с собой из советского наследия, чтобы стать такой же сильной, богатой и уважаемой, каким был Советский Союз? Но дело не только в этом, не только в этих материальных факторах силы.

Дело в том, что если Советский Союз ставил задачу самому создавать свое будущее и имел представление о том, куда он хочет прийти, то есть был ориентирован на постоянное движение и созидание, то Российская Федерация не знает, куда она хочет прийти, не имеет тех целей и идеалов развития и не может ответить на вопрос, где она хочет оказаться в результате своего движения. Она уже понимает, что ей чего-то не хватает от СССР, но пока не может дать себе отчет в том, чего же именно.

Брать нужно не столько то, что удалось создать, сколько то, что позволило всё это создавать со скоростью, опережающей развитие лидеров остального мира.

Здесь корень того, что позитивно отличало Союз от империи. И на всякий случай относительно легенд о рывках развития дореволюционной России: рывки были, но в целом с 1861-го по 1913 год ее разрыв с ведущими странами мира не сокращался, а увеличивался.

Значит, после 1917 года в стране появилось нечто, что позволило эту динамику переломить, и на место нарастающего отставания пришло нарастающее же ускорение. Вопрос в том, чем было это нечто, и в том, что именно это нечто нужно восстанавливать и брать с собой в новую эпоху.

Вообще в советском начале можно выделить как минимум три пласта.

Самый последний и чаще всего вспоминаемый — пласт сытого благополучия, зажиточности и гарантий социальной справедливости, отождествляемый в первую очередь с «советским викторианством» — брежневским периодом.

Второй, более глубокий, — это пласт динамичного роста, наступательного фронтального порыва: пласт космоса и целины, пласт Победы и создания великой индустрии.

Третий пласт — это именно то, о чем шла речь выше: пласт романтики и мечты, железного натиска и штурма старого мира. Еще и потому что в походных котомках красных конников лежали зачитанные томики «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы.

«Объяснение причины известного истории длительного периода (с XVI по XIX век) сближения социально-политической утопии с искусством, повлекшего за собой превращение социальной утопии в некую разновидность художественного творчества, автор не сводит к простому тяготению утопии к литературной форме, но усматривает в близости политического прогнозирования того времени, когда в политической мысли смутно осознаваемые потребности и далекие идеалы не могли быть выражены без воображения. Фантазии и вымысла, с поэтическим воображением. Важно, что “идеальное государственное устройство” само в то время выступало как значимый эстетический предмет»⁵⁶.

И одним из ядер этого ощущения является укоренение постулата о том, что потребление — не главное. Это средство, главное — это созидание. Не созидание — средство для потребления, а потребление — средство для созидания. Мир изменяем, а познавать, творить и созидать интереснее и важнее, чем потреблять. Это центральный пункт советского наследия и советского мира.

Запуск прорывного развития сегодня — это решение трех задач. Если описывать их не в рамках той или иной политико-идеологической пристрастности, а на технологически-функциональном уровне.

Первая — создание производства и экономики постиндустриальной и информационной эпохи, производства и экономики высоких технологий и информационного типа,

⁵⁶ Манжора О. Б. Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра философ. наук. М., 1994. С. 27.

основанного в первую очередь на достижениях передовой науки, технологии и предполагающего, что в нем все трудовые операции, не требующие самостоятельного принятия решений, переданы технике и автоматике, а за человеком сохранены лишь операции с самостоятельным принятием решений. То есть человеку оставлен лишь тот труд, который требует от него и дает ему возможность творческой реализации.

Вторая — создание всеохватывающего общественного самоуправления, в котором в решении затрагивающих их вопросов будут принимать все заинтересованные граждане. Да, понятно, что если не исповедовать идею экспорта революции и совершения ее в форсированном темпе в мировом масштабе, общество будет нуждаться в системах, защищающих его от возможных внешних угроз своих конкурентов, но всё остальное действительно передается самоуправлению. Суть — люди, их самоорганизация, а не отстраненный от них бюрократический аппарат, решают проблемы организации своей собственной жизни.

Третья — развитие человека, предоставление ему всей полноты доступа к образованию и культуре, формирование его отношения ко всем согражданам как к братьям. По сути, отношение по принципу «отнесись к другому так, как хочешь, чтобы отнеслись к тебе». И создание возможностей и потребности реализовывать себя в творческой созидательной деятельности художника, врача, инженера, исследователя, поэта, учителя. В целом превращение в непосредственную производительную силу не только науки, но собственно человеческой творческой способности.

«Политика широко использует эстетическую законченность, жанровое строение как принцип построения политического действия или образа политического лидера. Особенно пригодными стали жанры: мелодрамы — политический деятель как незаслуженно обиженный герой; приключенческий — образ отважного деятеля политики, не боящегося неожиданностей, смело бросающегося в водоворот политической жизни и т. п. Возможны здесь и стихийные воздействия, причем с

опережающим воздействием художественных представлений на методы политической борьбы»⁵⁷.

Превращение человека из потребителя в творца, свободного времени из не всем доступной роскоши — в главное общественное богатство, самого общества из общества, где главное — потреблять, в общество, где главное — познавать и созидать.

О чем угодно можно спорить, но нужно определять узловые точки, когда приходится признать: так не получается, поэтому от не оправдавших себя одних инструментов переходим к другим, альтернативным.

Думать, что другие страны и транснациональные корпорации будут давать деньги на то, чтобы Россия становилась в XXI веке технотронной капиталистической сверхдержавой, — всё равно что рассуждать о возможности турецкого султана стать римским папой: им это не нужно, и им это опасно. Если они и будут давать на что-то деньги, то только на то, чтобы она ею не стала. Значит, решать свои задачи нужно ей самой.

Сосредоточить средства на ключевых направлениях. Отработать технологии. Создать ключевые плацдармы, определяющие будущее технологическое наступление. Прорваться и закрепиться на них — и подтягивать отстающие отрасли. Честно сказать людям о целях и признать, что это будет нелегко. И идти вперед, каждую неделю публично говоря о том, что удалось, а что не удалось. И что помешало.

Вопрос прагматики. Создать свободное общество можно, только создав экономику свободного общества на пути технократического прорыва. Технократический прорыв в полной мере возможен только при опоре на готовность человека открывать, изучать, конструировать, строить.

⁵⁷ Манжора О. Б. Указ. соч. С. 177.

4.3. Позитивно-деятельностная политическая культура: формирование алгоритмов проектного действия

4.3.1. Политическая культура и формирование «человека созидающего»

Можно выделить несколько пластов смыслов, затрагиваемых словосочетанием «позитивно-деятельностная культура»: политический, социальный, философско-аксиологический, целеполагающий.

Вполне возможно, что термин в значительной степени детерминируется рамками его интуитивно-образного понимания, осознания того, что где-то здесь, в сочетании начал социума и гуманизма, кроется то нечто, что является наиболее ценным, является неким звеном, ключевым моментом особой политической и социальной значимости, актуализированной и ситуацией в стране после очередного безвременья, и ее сочетанием как с историческим этапом цивилизации, так и с теми целями, вокруг которых в конечном счете и вращались мировые и исторические перипетии последних полутора, а то и двух с половиной столетий. И это последнее, пусть и интуитивное, предположение в значительной степени оказалось верным.

Как понятие социального государства означает, прежде всего, принятие и признание государством своей ответственности перед обществом и человеком за решение социальных вопросов, так непосредственно вытекающее из самого звучания значение термина «социальная справедливость» в первую очередь означает ответственность общества перед человеком за его состояние и за создание возможностей для его полноценного развития.

Собственно, опыт советского социалистического строительства включал в себя минимум три этапа различной трактовки взаимных обязанностей человека и общества.

Первоначально, в «героический» период раннего социалистического развития, в принципе, на исходном уровне признавалась изначальная необходимость равновесия и единства этих обязанностей. Однако в силу самих особенностей этого

этапа и тех сверхнапряжений, которыми приходилось обеспечивать поступательное развитие и решение стоящих перед обществом задач, в практическом приближении на первый план всё же выходила обязанность человека в его служении обществу.

Позже, примерно с конца 1960-х годов, была сделана определенная попытка «отдачи долгов» обществом, которая вылилась в тезис о задаче всё большего удовлетворения материальных потребностей. Именно после этого была создана та реальность «зажиточного общества», которая выявила свою противоречивость, ограниченность и недостаточность к концу 1970-х — 1980-м годам. Притом что эта задача имела свои ресурсные ограничения, она несла и определенную внутреннюю порочность. Акцент на удовлетворение материальных потребностей хотя и был оправдан после исторических перенапряжений предыдущего периода, с одной стороны, не мог создать объемы потребления больше, чем созданные в рамках западного общества потребления, имевшего большие материальные возможности, с другой, вел к гипертрофии потребительского начала, с третьей, тормозил и ограничивал возможности стратегического развития. Потребление было практически возведено в ранг ненасытного божества, но поскольку оно продолжало отставать от потребления цивилизационных конкурентов, а в жертву ему всё больше приносились начала нематериального богатства, само сравнение систем было как бы предложено осуществлять по параметру, в котором советское общество заведомо отставало.

Ответственность общества перед человеком обернулась лишь всё большими требованиями потребителя к обществу, еще до этого блестяще зарисованными Стругацкими в образе их «гения-потребителя», желающего всего и способного в удовлетворении своих желаний на всё, вплоть до сворачивания пространства и времени. В этом отношении перестройка и оказалась, по сути, «бунтом сытых», творящим в своих желаниях салат «из осетрины с конституцией» и в конечном итоге сворачивающим своей безумной энергией историческое время и социальное пространство.

На этом этапе как неотрефлексированное отражение этих невнятных желаний руководством позднего СССР было сотворено столь же невнятное положение о «гуманном демократическом социализме», в котором, если отвлечься от общей невнятности его определения, социализма было значительно меньше, чем во Всеобщей декларации прав человека, написанной и признанной теми, кто ни о каком варианте социализма и не собирался вести речь (что, конечно, не отрицает ее понятных достоинств).

Наступившая пора реформ, хотя и декларировалась ее идеологами как создание условий для свободного выбора каждым своей судьбы, на деле была лишь откровенным отказом государства от всех своих обязательств по отношению к обществу и отказом общества от своих обязательств по отношению к человеку. В этом плане действительно сложно придумать что-либо более бесчеловечное и людоедское, нежели начало 1990-х годов.

Оказалось то, что и так можно было предвидеть: реализация на рубеже XX–XXI веков лозунга «каждый сам по себе», особенно в огромной стране и сложноорганизованном обществе, может привести лишь к постепенной гибели этой страны и этого общества.

Если в государственной политике последних лет в результате всех потрясений и перипетий стали всё же появляться элементы ответственности государства перед обществом, то внесение в повестку дня принципа справедливости развития, если он будет реализован, ставит вопрос о возвращении к ответственности общества перед человеком.

Что, в конечном счете, это значит?

В общем плане здесь очевидна классическая формула о недопустимости превращения человека в средство и его значимости исключительно как цели, а также классическое и ключевое марксистское положение о том, что условия свободного развития личности являются условием свободного развития всех.

В самом непосредственном, первом приближении «государство справедливости» как и «политика социальности» есть

некое функциональное (а не сущностно гуманистическое требование) обеспечение общественной стабильности, которая недостижима при высокой степени имущественной дифференциации и социальной напряженности.

Но это требование, в общем-то, не есть требование гуманистичности, поскольку социальные гарантии личности здесь важны не как гарантии развития человека, а как гарантии ее удовлетворенности, ее лояльности власти. В этом отношении сама социальность, «забота о человеке» вполне может быть как заботой патерналистской, заботой о рабе, заботой о слуге, так и заботой инструментальной — заботой о средстве. Во всех данных случаях здесь, по сути, нет человека, здесь есть средство или объект заботы, человек выведен как ценность, но не как самоценность общества и истории, а как ценность того, кто является истинным хозяином данного общества.

Но поскольку это есть забота о средстве или объекте, сам человек исчезает из данных вполне, казалось бы, социализированных отношений.

Он отсутствует как субъект, отсутствует как личность, отсутствует как самостоятельное начало развития. Он важен не в своих стремлениях, не в возвышении своих способностей, а лишь в двух отношениях: как имеющий качества удовлетворенности (и потому лояльности) и качества работоспособности (и потому исправности). Человек довольный, человек работоспособный, почти по Грибоедову: «Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей». Хотя по сравнению с условиями дикости (как первоначального капитализма Европы, так и российской дикости 1990-х годов), это само по себе не то что шаг, а огромный скачок вперед, само по себе это подразумевает огромные, но далеко не конечные условия человеческого бытия.

Как таковые они включают в себя:

- гарантии биологического существования, т. е. гарантии того, что человек имеет еду, жилище и одежду, соответствующие современным представлениям о достойной жизни;
- гарантии поддержания его здоровья, т. е. гарантии доступного и качественного медицинского обслуживания,

иначе говоря, в обществе, принимающем на себя такие обязательства, должна существовать либо бесплатная медицина, либо такой реально обеспеченный минимальный уровень дохода, при котором платная медицина становится доступной во всех своих основных проявлениях;

– гарантии формирования и обеспечения его работоспособности и эффективности, что, кроме того же поддержания его здоровья, предполагает формирование человека как носителя рабочей силы, то есть гарантии по сути бесплатного общего и профессионального образования.

Эта триада является ведущей. Но сюда же на тех же основаниях должны быть включены гарантии трудовой занятости и обеспечения старости, причем не зависящего от объема трудового вклада в течение жизни.

Однако всё это, строго говоря, не имеет отношения ни к гуманности, т. е. представлению человека в качестве самоценности и цели развития, ни к социалистичности в ее последовательном выражении как начала «завершенного гуманизма».

Сами по себе эти начала содержатся не только в обычном, т. е. социал-демократическом социализме, но и в современном либерализме, в том его виде, который он приобрел после начавшего его пересмотр Томаса Грина и начавшего воплощать его новые постулаты Франклина Рузвельта.

Но как раз поэтому эти начала еще не есть ни начала социализма как нового типа общественного устройства, провозглашающего человека своим субъектом и ценностью, ни коммунизма в его третьем воплощении «завершенного гуманизма» по Марксу, ни «социогуманизма» как принятой на себя обществом ответственности за создание условий развития и возвышения человека.

В этом отношении саму «справедливость развития» можно как принцип и явление определить через три упомянутые момента: на первом уровне это собственно признание обществом ответственности за условия развития человека; на втором (как собственно социализм) — общественное признание человека не только объектом заботы, но субъектом и самоценностью социума; наконец, на третьем — создание для

человека гарантий возможностей его восходящего культурно-творческого развития.

Сама по себе «справедливость развития» в научном смысле — это не строй, не политическая система, это принцип отношения общества к человеку. Но как принцип, воплощенный в конкретном общественном устройстве, он может рассматриваться и как определенный тип этого устройства.

Естественно, в определении параметров этого устройства мы на том или ином этапе столкнемся со старым и глобальным вопросом об отношении к частной собственности и ее допустимости или недопустимости. Но именно поэтому данный вопрос на каком-то этапе имеет смысл оставить в стороне, поскольку в конечном счете это вопрос средства, инструмента обеспечения неких целей и принципов.

В этом отношении до решения вопросов о средствах важнее определить те приоритеты, которым они должны служить.

И в этом отношении позитивно-деятельностная культура предполагает:

– признание человека субъектом и в качестве гарантий такового требует гарантии права человека на участие в делах социума, причем не только в смысле формального права отправлять некие электоральные процедуры, а в качестве гарантий реальной возможности «знать обо всем и обо всем судить обоснованно»;

– но это же признание требует гарантий права не только на политическое участие, но и на творческое содействие, т. е. гарантии не только на формирование в качестве элемента совокупной рабочей силы, но в качестве права на ее развитие и совершенствование, права на творческое соучастие, выдвижение и осуществление своих творческих проектов;

– и в дальнейшем его развитии — гарантии права на развитие человека, т. е. общество видит его как цель и принимает на себя обязательство по созданию условий его возвышения, изменения.

Иначе говоря, если на уровне первой, своего рода патерналистской социальности главное, в чем заинтересовано

общество, точнее господствующий в нем субъект, — это иметь результатом своей социальной деятельности человека довольного и работоспособного, т. е. не бунтующего и готового к использованию в интересах господствующего в обществе начала, то на уровне социогуманизма как социальной гуманистической общество признает свой интерес и свою обязанность иметь и результатом, и целью своей социальной деятельности человека «недовольного», и «не используемого», т. е. «человека преобразующего».

В первом случае обществу ценен человек, рассматривающий мир в качестве в основном завершенного и не стремящегося к его существенному изменению, признающего мир лучшим из миров. Во втором случае ему ценен человек, не признающий этот мир лучшим и стремящийся к его постоянному изменению, принимающий вызов данности, соглашаясь на создание нового мира.

Эта гарантия может заключаться в признании человеком права на разрушение, может — в признании права на созидание.

Первый момент начинает доминировать, если при установке на формирование человека «недовольного» общество не дает ему реальных возможностей, реальных производственных средств менять и совершенствовать этот мир, преобразовывать и творить его. Тогда этот «человек бунтующий» начинает бунт против условий, в которые он поставлен, которые призывают его к творчеству, но не дают для него возможностей.

Второй момент реализуется тогда, когда за призывом, признанием и формированием к способности на преобразование человеку даются адекватные средства такого производственного преобразования, то есть изменяется производство и создаются орудия труда, позволяющие осуществлять творческий созидательный процесс, когда начинается реальное выведение человека из непосредственного процесса производства и постановка над ним в качестве организатора и контролера. В завершенном виде это означает утверждение новой эпохи и нового общественного устройства в его развитой форме.

Но в его начатом, реально осязаемом виде это уже есть хотя и не завершенная форма нового общества, но новая форма, новое устройство, суть которого в конечном счете заключается в гарантии предоставления человеку орудий труда и видов труда, которые сам этот труд оборачивают творческим эвристическим процессом.

То есть в этом плане формирование позитивно-деятельностной культуры означает и требует как минимум двух особых гарантий:

– первая — это гарантия возможности развития самих потребностей и способностей человека, тогда как в начальной простой форме гуманизм требовал лишь гарантии удовлетворения непосредственно имеющихся потребностей, признавая их абсолютными в их наличном виде (отсюда псевдогуманистические требования признания права человека на любую форму искажения его человечности, от права на наркоманию и гомосексуализм до права на самоубийство);

– вторая — это гарантия реализации творческой потребности человека, создание адекватных средств, требующихся для удовлетворения такой потребности, т. е. проведение коренной реконструкции производства, оставляющей за человеком виды деятельности, требующие исключительно творческого, эвристического труда, при передаче простых видов деятельности современной технике.

Отсюда справедливость развития в его относительно развернутом понимании означает не только возвышение социальности от свойственного социал-демократизму акцента на совершенствование распределения и потребления до развернутого вида социальности с акцентом на совершенствование производства и творчества, но и возвышение гуманизма от признания самоценности данного состояния человека до признания самоценностью его возвышающего творческого развития. В общем-то, это именно то требование, которое вызревает так или иначе во всем развитии современной цивилизации и которое не удовлетворяется современной цивилизацией.

Поэтому даже наиболее успешные и наиболее богатые страны сегодня всё больше теряют свой авторитет в мире. Просто потому, что остальной мир видит в них носителей богатства, но не видит носителей морального лидерства и начала, несущего с собой нового уровня справедливости.

В намечающемся новом мировом противостоянии РФ как «сохраненной территории Советского Союза» (В. Путин) и западной коалиции первая в традиционном смысле слабее и беднее второй. Но вторая находится в фазе делегитимизации своего морального авторитета.

То есть в мире оказывается три силы: западная коалиция, оказавшая ей сопротивление Россия и остальной мир, не видящий морального лидерства за первой, но не чувствующий ни силы, ни воплощения ответа на свои запросы нового типа справедливости от второй.

В одиночку Россия в противостоянии с наиболее богатыми странами не выстоит. Чтобы победить, ей нужно предложить миру свое, высшее, отвечающее на его требования понимание справедливости, вернуть себе моральное лидерство.

А для этого решить вопросы нового уровня социальной справедливости у себя, представить образ новой надежды, за которой потянется мир.

Для американского сознания осмысление другого как возможного друга начинается со щелчка взведенного курка кольта, приставленного к голове, хранящей это сознание. Не потому, что они способны дружить только из страха (смелости и безрассудства у них не меньше, чем у нас), просто потому, что человек, не способный приставить револьвер к их голове, не воспринимается как равный и достойный уважения.

Когда-то США воспринимали СССР в образе «смелого парня». Потом — «сильного парня». При Рейгане — в образе «плохого парня». При Горбачеве — в образе «глупого парня». Затем — в первую очередь «слабого парня».

Постсоветская Россия для элитного, и не только элитного, сознания США — это страна:

первое — отказавшаяся от борьбы, сдавшаяся;

второе — отказавшаяся от борьбы и сдавшаяся в тот момент, когда для этого не было ровно никаких оснований;

третье — это страна, позволяющая себе всерьез рассчитывать на то, что в мире существуют какие-либо иные нормы отношений, кроме отношений «по силе»;

четвертое — это страна, отказавшаяся от своих идеалов, от выбранного ею пути;

пятое — предавшая свою мечту.

Еще страна, в отличие от США, не сумевшая отстоять свою целостность. Не решившаяся и не умеющая подавлять мятежи, позволяющая себе унижать свое прошлое.

То есть страна, способная делать то, что ментальность США всегда презирала. И то, чего США никогда бы не сделали.

Чтобы противостоять западной коалиции, России нужно сделать то, чего не способен, как сегодня ясно, сделать ее противник — решить вопросы справедливости и социальной, и исторической, и самоидентификационной.

4.3.2. Исчерпание цивилизационной модели и формирование образов желаемого будущего

Будущее: ожидая или вспоминая. Официальным лозунгом президентских выборов 18 марта 2018 года было «Выбираем будущее».

Строго говоря, здесь содержания много больше, чем, возможно, вкладывали организаторы: определение образов желаемого будущего — это действительно центральный вопрос. И о нем речи практически не идет.

Потому что форматы будущего определяются не столько привычными политическими и идеологическими именами, сколько некими форматными приоритетами. XX век ушел, забирая с собой остатки великих иллюзий, которые были, возможно, не иллюзиями, а лишь преждевременно открытыми истинами. Самые масштабные из них — вера в могущество научно-технического прогресса и вера в возможность создания общества разума и справедливости. Самым тяжелым в катастрофе СССР была, казалось, разрушенная вера

в человека, в то, что он может работать и творить не потому, что его заставляет нужда и корысть, а просто потому, что он человек и ему интересно трудиться и создавать новое.

Тогда, треть века назад, триумфальное утверждение в обществе идеи рынка означало, что человек признаётся ограниченно разумным, то есть достаточно разумным для того, чтобы осознавать свою корыстную выгоду, но недостаточно разумным, чтобы осознавать, что твои разумные цели могут быть за горизонтом бытовой выгоды. И недостаточно разумным, чтобы действовать в общих интересах всего социума.

Но рынок тоже оказался иллюзией, зато куда менее возвышенной и романтической, чем общество свободного труда.

И встал вопрос, куда идти дальше. Соответственно, какое общество мы видим перед собой и чего хотим от будущего.

18 марта общество должно было определиться, каким оно хочет быть в XXI веке, хотя бы потому, что до сих пор оно этого не сделало.

Считать это символом или нет, но 18 марта в том календаре той страны и того строя, который как минимум официально присягал идее возможности самим создавать свое будущее и работать лишь потому, что ни от чего в жизни не испытываешь большего удовольствия, чем от любимой работы, в календаре той страны и того строя 18 марта значилось как день первой в истории попытки такое общество создать. День Парижской коммуны.

Сегодня дело не в ней, сегодня дело в дне выбора будущего. Точнее, просто в осознании возможности и необходимости его выбора.

Этот рефрен и лозунг был выбран для этих выборов. И именно об этом речь почти не шла. Кто-то говорил о правах предпринимателей, кто-то о пенсиях. Кто-то о «независимом суде», кто-то о томящихся в тюрьмах (имелось в виду — под домашним арестом) артистах и режиссерах. Кто-то ругался матом, кто-то плакал. Все говорили о том, что нужно больше давать денег на науку, медицину, образование и культуру.

Поэтому, как ни парадоксально, все выступали во многом с левых позиций, со значительной долей левого начала. Как минимум на словах.

Никто, правда, не говорил о том, откуда должны были взяться средства и ресурсы для новых Больших Прорывов, а если говорили, то о том, что их нужно отобрать у одних и отдать другим. Расходились в том, у кого отбирать: у богатых или у военных.

Но странным образом речь, как правило, не шла ни о том, как сделать так, чтобы их стало больше, если не печатать, а просто больше производить продукции. Ни о том, каковы должны быть цели общественного развития, образы и тип того общества, к которому мы хотели бы прийти и начало движения к которому нужно было бы закладывать по результатам 18 марта 2018 года.

Конечно, за шесть лет нового президентства привести страну к новому обществу нельзя. Но повернуть к движению в этом направлении, может быть, и можно. Потому что если не повернуть, через шесть лет в обществе одни будут махать иконами и коронами, обещая вернуться на сто пятьдесят (лучше четыреста) лет назад, другие — прятать под подушками звездно-полосатые флаги, в надежде приветствовать ими когда-нибудь реставрацию порядков 1990-х годов, а третьи — просить об одном: дать дожить спокойно и ничего не менять, потому что как раз треть века назад так всё смело поменяли, что до сих пор страна в себя прийти не может.

Отвечать на то, что должно быть дальше, наверное, сегодня сложно. Но задавать вопрос о том, каким хотя бы в общих чертах оно должно быть, уже давно нужно. На деле выбор не между словами-символами, не между цветами знамен — выбор между приоритетами и форматами.

Форматные дилеммы, возникающие на основании историко-политической самоидентификации социума через выбор желаемого будущего:

– между обществом потребления и обществом познания и созидания;

- между обществом, подчиненным диктату действующих тенденций, и обществом, создающим новую надежду;
- между обществом доминирования в человеке биологического и обществом доминирования социального;
- между обществом, подчиненным инерционности, и обществом, подчиняющим себе прорывное развитие.

В зависимости от того, каким оказывается выбор, соответствующими оказываются и политический режим функционирования, и политическая форма этого общества.

В случае если речь идет об обществе, действующем в парадигме существующих тенденций и ценностей, ориентированном на удовлетворение равномерно возрастающего потребления, что выступает главной задачей и ценностью общества, оно нуждается в умеренно демократическом режиме при традиционной для современных западных стран форме соревновательной политической демократии.

В случае если речь идет об обществе, уходящем от доминанты постоянства, точнее, переформирующем постоянство из понимаемого как минимизация крупных изменений — в постоянство стабильного ускорения развития, оно нуждается в форсированно-целевом политическом режиме, для которого доминантой является не приоритет прав и права, а приоритет целей и эффективности. Политическая форма его строится под сферу решения проектных задач и носит характер организации управления крупным стратегическим проектом.

Это должно быть общество, в котором доминирует бычий и постоянство, или это должно быть общество, в котором на место постоянства приходит прорывное развитие или даже постоянный прорыв?

Это должно быть общество, в котором главной ценностью является возможность растущего потребления, или общество, где главной ценностью становится стремление человека к познанию и открытию нового?

Это должно быть общество, в котором человек будет работать только тогда и потому, что это выгодно, или общество, в котором ему будет интересно работать потому, что работать — интересно?

Это должно быть общество, которое живет и развивается так, как жило и развивалось столетиями, или общество, которое само решает, по каким законам ему жить?

Без самоопределения в этих дилеммах можно неограниченно долго говорить о независимом суде, характере налогов, соотношениях полномочий ветвей власти, особенностях выборной системы, свободе творчества людей, называющих себя художниками и иных фетишах, в этом не будет равно никакого смысла.

Потому что спор о кинжале бессмыслен без ответа на вопрос, в чьих руках он находится, спор о власти бессмыслен без ответа на вопрос, каким целям она служит, а спор о независимом суде трижды бессмыслен без ответа на вопрос, от чего он независим. Благо, полностью независимый суд — это суд, во-первых, независимый от общества, во-вторых, независимый от закона и, в-третьих, независимый от совести. Но наделенный правом говорить от имени общества, права и совести. То есть независимый суд — это самый страшный деспот из тех, кого можно представить. Потому что это средство, освободившее себя от цели.

А решая судьбу будущего и своего выбора, нужно выбирать между целями и смыслами, а не между словами и средствами.

Исчерпание модели. Сегодня в мире исчерпывает себя модель развития общества потребления. Человек не может существовать, не потребляя, но потребление не может быть смыслом жизни. Стоит вопрос о переходе к обществу познания и творчества и о возвращении потреблению роли средства общественного развития, а не его цели.

В основе ускоренного развития мира в последние столетия лежала свободная конкуренция. Ее развитие привело к возникновению монополий, как смягченного варианта — олигополий. Последние убивают свободную конкуренцию. То есть старая основа стимуляции исчерпала себя как таковая.

Сегодня из инструмента обеспечения прогресса потребление превратилось в инструмент деградации. В мире запущен механизм социального и исторического регресса.

Современный мир — это мир утверждения того, что принято называть массовой культурой: упрощенной и во многом примитивизированной культурой общества потребления.

Эта культура, с одной стороны, ниже по своим образцам и утверждаемым идеалам подлинных образцов культуры тех стран, откуда она распространяется. С другой стороны, она не соответствует образцам и нормам отечественной культуры. То есть она в целом разрушает ценностный мир современной цивилизации, в том числе разрушает и классические европейские ценности, и национальную самоидентификацию России. Она прививает образцы поведения не европейского классического типа, а социальных люмпенизированных групп, так и не поднявшихся до овладения этими образцами. На фоне этого сегодня можно особо остро ставить следующие вопросы:

– Каковы закономерности развития культуры и интеллектуальной сферы общества так называемой эпохи Постмодерна и как преодолеть имеющиеся в ней место тенденции определенной ценностной деградации?

– Неизбежна ли ситуация, когда расширение доступа миллионных масс к достижениям культуры ведет к снижению общего уровня культуры, или возможны иные варианты развития?

– Сохраняются ли в обществе потребления классические представления об эстетических категориях?

– Возможно ли (и если возможно, то как) преодолеть свойственное современной массовой культуре определенное упрощение и примитивизацию культурных норм?

– Каковы механизмы сохранения историко-культурной идентификации и высоких образцов культуры в условиях информационной агрессии современной массовой культуры общества потребления?

– Как сохранить в качестве культурного образца общества образ человека-созидателя, а не «гения потребления»?

Исходя из совокупности имеющихся данных, есть основания предполагать, что доминирующий вектор смысловых установок смещается: от акцента на прошлое, выявление смысловых истоков национальной идентификации — на поиск и

конструирование образов будущего и объединение общества вокруг проектов его созидания. Это происходит без отказа от внимания к значимости историко-культурной идентификации, сохранения ее, но с перенесением его фокуса на проблемы будущего.

При этом нужно учитывать, что идеальное политическое конструирование будущего всегда происходило в первую очередь художественными и метафорическими средствами, посредством которых осуществлялась и переориентация общественного внимания на новые цели и ценности.

В связи с этим представляется целесообразным определенная переакцентировка направлений научных исследований в сфере культуры.

В частности, развитие исследований по следующим направлениям:

1. Осмысление научно-технического культурного наследия страны, связанного с большими созидательными проектами: от строительства Петербурга и русского флота до прорывов атомного и космического проектов.

2. Осмысление традиций отечественной культуры, искусства и ментальности, отразивших и мотивировавших характерные для отечественной истории большие мобилизационные проекты.

3. Изучение опыта и наследия художественной культуры, ориентированного на создание образов будущего.

4. Исследование проблематики политико-культурных и культурно-философских аспектов формирования философии и образов будущего.

5. Изучение нарождающихся тенденций в развитии культуры, возможных культурных, морально-этических и политических последствий их нарастания и возможностей оказывать регулирующее воздействие на эти нарождающиеся начала.

6. Изучение возможностей воздействия средствами культуры на повседневное поведение и политические ориентации людей.

Заключение

Общество разнообразия: генезис, противоречивость, перспективы

Потребность в разнообразии есть одна из основных социальных и психосоциальных потребностей общества, вне которой невозможно удовлетворение базовых идентификационных потребностей человека.

Исходная психологическая и социально-политическая потребность человека — в ощущении собственной границы. Человек начинается с собственной границы, граница образуется нетождеством, то есть разнообразием.

Нетождество подобного ему для человека есть: а) голос обогащающего опыта, б) голос нового знания и в) подтверждение его собственного существования.

Общество не существует вне социальной энергии своих членов. Социальная энергия рождается в удовлетворении потребности человека в самореализации и самоактуализации. Последнее возможно лишь во взаимодействии с подобными нетождествами.

Общество не может развиваться без возникновения, умножения и развития форм проявлений социальной энергии. Представляющая разнообразие совокупность нетождеств есть и источник энергии, и зародыш проектности вариантов будущего развития. Наиболее успешными в истории были общества, обладающие необходимым потенциалом разнообразия.

Рождаемая разнообразием энергия может быть как источником развития, так и источником разрушения. Источником развития она становится при наличии соединяющего начала, канализирующего потоки энергии. Разрушающим — при атомизации и своего рода «броуновском движении» потенциалов энергии.

Исторически потенциалы энергии наиболее успешно и созидательно развивались, накапливались и реализовывались при наличии доминирующего начала, гарантирующего условия их возникновения. Превышение доминированием рамок

обеспечивающего разнообразие потенциала уничтожает разнообразие. Ослабление доминирующего начала ниже гарантирующего уровня приводит к самоуничтожению общества.

Доминирующее начало обеспечивает единство одного из сдерживающих уровней: идеологического (смыслового), политического, экономического (социально-экономического).

Разница интересов на социально-экономическом уровне в общем итоге разрывает сдерживающий потенциал единства на любом другом уровне.

В полной мере гарантией обеспечения разнообразия на интерпретационных (культурном, идеологическом, психологическом, проектном) уровнях может быть лишь отсутствие вирулентности на социально-экономическом уровне.

Основанная на социально-экономическом единстве ликвидация разнообразия на указанных уровнях уничтожает потенциал развития общества. Провоцируемое разнообразием интерпретационных уровней разрушение социально-экономического единства уничтожает общество.

Основная проблема развивающегося использования и поддержания разнообразия — сохранение его как разнообразия проявления единой основы. То есть проблема единства разнообразия.

Основные выводы:

1. Опорой и инструментом для изменения мира является не абстрактное моральное долженствование и не «нетерпение потревоженной совести», а разум, научное осмысление мира, весь объем научно-технического инструментария, созданного человечеством в своем развитии.

2. Утверждение в мире и в жизни может происходить через изменение и улучшение мира, а может — через подчинение ему и капитуляцию перед жизненными обстоятельствами.

Победы над миром и обстоятельствами имеют два формата: сохранения базовых ценностей и исторической самоидентификации общества в новой форме (начало XX века)

и разрушения общества и исторической самоидентификации (конец XX века).

Это означает выбор утверждения в познании и созидании или выбор утверждения в потреблении.

3. Одновременно ситуация разрушения либо сохранения базовых латентных образцов меняется либо через разрушение образцов потребительского общества, либо разрушение латентных образцов общества познания.

4. Осуществление прорыва в экономике невозможно без осуществления прорыва в культуре, который сам по себе включает две составные: 1) приоритет принципа культурного суверенитета и 2) приоритет самоценности прорыва в будущее.

5. Принцип самоценности прорыва в будущее означает создание культуры, собирающей в себя всё в отечественной культуре и истории, в чем содержится посыл прорыва, устремленности в будущее и готовности к мобилизационному подвигу.

6. Стране нужна культура, сохраняющая свой национальный суверенитет, но утверждающая в обществе те базовые тенденции духовной жизни, в которых наиболее полно сконцентрирована сущность историко-политической самоидентификации: мессианство, радикализм и эгалитаризм.

Сергей Феликсович
ЧЕРНЯХОВСКИЙ

**Политическая культура:
государственная политика
и философия будущего**

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Компьютерная верстка: *А. А. Владимиров*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

E-mail: info@heritage-institute.ru